

PS 170 384.40

Университетъ
UNIVERSITÄT
OPPSALA

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТ.
АРХЕОЛ. КАЗАН. УНИВ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Материалы для характеристики музыкальнаго творчества яноролцевъ Волжско-Камскаго края. — Мелодии Оренбургскихъ и Ногайскихъ татаръ. Введеніе. В. А. Мошкова. 1—67.

Къ вопросу о «смѣшанныхъ» языкахъ. В. А. Богородицкаго. 68—70.

Дешифрація Енисейско-Орхонскихъ надписей. И. Н. Смирнова. 71—74.

Материалы. Надгробные камни въ Жукотинскомъ округѣ по лѣвую сторону Камы. Субычи горы на Камѣ. П. Вознесенскаго. Материалы для исторіи Казанскихъ монастырей. Сообщ. Никаноръ, епископъ Архангельскій 75—79.

Хроника. Археологія, исторія и этнографія В. Россіи въ 1893. И. Н. Смирнова. 80—89.

Музеографія. Древности Минусинскаго края, поступившія въ Минусинскій музей съ января 1892 по декабрь 1893. Н. М. Мартянова. 90—95.

Библиографія. Anderson N. Wandlungen der anlautendeu dentalen Spirans im Ostjakischen. S.-Pbg. 1893. В. А. Богородицкаго. 96—100.

Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. И. Н. Смирнова. 101—107.

Книжныя новости 108.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.

18

Вышелъ 16 марта.

СКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ В. РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей В. Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ періодической печати этого края, редакція «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣйше проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходовъ, сель, волостей и т. п.) присылать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакція «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность бесплатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискахъ.

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІЙ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ присылать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней-Азій для бесплатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Материалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. — Мелодіи Оренбургскихъ и Ногайскихъ татаръ. Введеніе. В. А. Мошкова. 1—67.	Хроника. Археологія, исторія и этнографія В. Россіи въ 1893. И. Н. Смирнова. 80—89.
Къ вопросу о «смѣшанныхъ» языкахъ. В. А. Богородицкаго. 68—70.	Музеографія. Древности Минусинскаго края, поступившія въ Минусинскій музей съ января 1892 по декабрь 1893. Н. М. Мартыанова. 90—95.
Дешифрація Енисейско-Орхонскихъ надписей. И. Н. Смирнова. 71—74.	Библиографія. Anderson N. Wandlungen der anlautende dentalen Spirans im Ostjakischen. S.-Pbg. 1893. В. А. Богородицкаго. 96—100.
Материалы Надгробные камни въ Жукотинскомъ округѣ по лѣвую сторону Камы. Субычи горы на Камѣ. П. Вознесенскаго. Материалы для исторіи Казанскихъ монастырей. Сообщ. Никаноръ, епископъ Архангельскій 75—79.	Литература археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1893 г. И. Н. Смирнова. 101—107.
	Книжныя новости 108.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЗЫКАЛЬНАГО ТВОРЧЕСТВА ИНОРОДЦЕВЪ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КРАЯ.

І І.

МЕЛОДИИ НОГАЙСКИХЪ И ОРЕНБУРГСКИХЪ ТАТАРЪ.

І. Введеніе. Этнографическія данныя о Ногайскихъ и Оренбургскихъ татарахъ.

В настоящемъ собраніи музыкально-этнографическаго матерьяла я рѣшился нѣсколько отступить отъ системы, принятой мною ранѣе при изданіи „Чувашскихъ пѣсень“. Кромѣ мелодій и ихъ текста я собралъ и другой этнографическій матерьялъ, записанный мною также, какъ и пѣсни, со словъ инородцевъ, нижнихъ чиновъ Варшавскаго военнаго округа.

Быть можетъ, читателямъ покажется страннымъ, что матерьялъ, подобный приводимому здѣсь мною, записывается не на мѣстѣ, какъ бы слѣдовало, а за тысячи верстъ отъ него, — человекомъ къ тому-же не бывавшимъ въ той мѣстности, о которой онъ пишетъ. Неловкость такого положенія вещей съ общепринятой точки зрѣнія и заставляетъ меня нѣсколько подробнѣе объяснить по этому поводу.

Дѣло въ томъ, что собирая инородческія пѣсни въ войскахъ, я постоянно замѣчалъ, что пѣвцы мои, безъ всякаго

понужденія съ моей стороны, лишь видя во мнѣ человѣка, серьезно интересующагося ихъ жизнью, въ разговорахъ со мною о пѣсняхъ, съ величайшей охотой передавали мнѣ различные подробности и эпизоды изъ своей домашней жизни. Дѣлали они это съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ и наслажденіемъ, которые вполне понятны, если поставить себя въ положеніе несчастнаго полудикаря инородца, оторваннаго силою судьбы отъ всего дорогого его сердцу, и перенесеннаго за тысячи верстъ въ совершенно чуждую ему обстановку, среди чуждыхъ, не понятныхъ ему и не понимающихъ его людей. Если прибавить къ этому суровый режимъ военной службы, предъ лицомъ котораго солдатъ только номеръ, только одинъ изъ многочисленныхъ атомовъ сложной организаціи, то станетъ понятно, какъ дорого для такого атома всякое теплое, къ нему обращенное слово, какъ цѣнить онъ вниманіе, съ которымъ выслушиваются его воспоминанія о дорогой родинѣ, не интересныя ни для кого изъ его окружающихъ. Какой радостью свѣтятся глаза такого дикаря въ эти дорогія и рѣдкія для него минуты, съ какою готовностью онъ отвѣчаетъ вашему любопытству, какъ онъ увлекается своими рассказами, какъ забываетъ въ это время все его окружающее,—все это надо видѣть, чтобы понять и перечувствовать. Если вы человѣкъ съ сердцемъ, то въ такія минуты у васъ просто, какъ говорится, рука не поднимется оборвать человѣка, облить его холодной водой, прервать на полусловѣ и заявить, что рассказы его для васъ вовсе неинтересны. Такъ и я, находясь въ такомъ-же положеніи, вмѣсто того, чтобы пренебречь готовностью моихъ пѣвцовъ посвящать меня въ мелочи своей домашней жизни, рѣшился воспользоваться ею и эксплуатировать съ научной цѣлью, тѣмъ болѣе, что въ рассказахъ моихъ собесѣдниковъ оказалось весьма много любопытнаго, а быть можетъ и новаго для этнографа. Нѣтъ необходимости объяснять, почему инородцы, о которыхъ я говорю, рассказывая мнѣ про порядки своей родной деревушки, испытывали наслажденіе. Очевидно, что они мысленно

переносились при этомъ въ далекую родину и переживали тѣ ощущенія, которыя имъ тамъ пришлось испытать.

Кромѣ того ихъ словоохотливость возбуждалась еще и тѣмъ, что я имѣю обыкновеніе, отвѣчая на неизбѣжный вопросъ пѣвца, зачѣмъ мнѣ нужны пѣсни, подтверждать свои доводы вещественными доказательствами. Отправляясь собирать пѣсни, я беру съ собой печатный этнографическій матерьялъ, собранный раньше меня и прочитываю моему пѣвцу то пѣсню, то описаніе какого нибудь обряда, то сказку. Съ одной стороны мой слушатель выказываетъ живѣйшее удовольствіе, потому что слышитъ новую, или уже знакомую ему пѣсню на родномъ языкѣ и убѣждается, что не отъ него одного записываются пѣсни,—съ другой стороны, если мои доказательства о пользѣ и необходимости собиранія отъ народа пѣсенъ и другого этнографическаго матерьяла могутъ быть и не совсѣмъ понятны для него, всетаки онъ убѣждается, что дѣло, которымъ я занимаюсь, не шутка. Если-бы это была шутка, думаетъ онъ, не стали бы ее печатать въ книгахъ. А къ книгамъ инородцы въ большинствѣ случаевъ относятся съ какимъ-то суетѣрнымъ уваженіемъ.

Наконецъ наши солдатики въ отношеніяхъ между собою очень еще далеки отъ того, что принято называть правильными человѣческими отношеніями, и ужъ конечно не задумываются много надъ своими поступками. Такъ, напримѣръ, инородецъ при своемъ ломанномъ русскомъ языкѣ и при своей „необразованности“ не можетъ рассчитывать на сочувствіе своихъ русскихъ товарищей и тѣмъ болѣе на дружбу съ кѣмъ либо изъ нихъ. Поэтому въ ихъ сообществѣ онъ чувствуетъ себя постоянно одинокимъ и кромѣ того существомъ низшимъ. Если надъ нимъ и не смѣются, то во всякомъ случаѣ относятся съ обиднымъ снисхожденіемъ, между тѣмъ какъ дома среди своихъ онъ вовсе не чувствовалъ себя такимъ,—быть можетъ онъ былъ тамъ первымъ красавцемъ, первымъ остроумцемъ, щеголялъ своей образованностью или даже знаніемъ того же рус-

скаго языка и не только не былъ предметомъ общей насмѣшки, а напротивъ—многіе изъ сотоварищей ему завидовали.

Все это не можетъ не ложиться тяжестью на его душу. Онъ дѣйствительно убѣждается на каждомъ шагу, что онъ и неловокъ въ сравненіи съ своими русскими товарищами, и меньше ихъ знаетъ и далеко не можетъ считать себя знатокомъ русскаго языка,—словомъ, что многого ему недостаетъ изъ того, что есть у нихъ. Онъ пробуетъ подражать имъ во всемъ, чтобы приблизиться къ нимъ, но становится отъ этого еще смѣшнѣе въ ихъ глазахъ. А между тѣмъ онъ чувствуетъ, что во всемъ этомъ не его вина, что въ отношеніяхъ къ нему его русскихъ товарищей есть какая-то неправда. Ненависть ко всему русскому и національный антагонизмъ не можетъ у него явиться вслѣдствіи того, что онъ съ дѣтства привыкъ уважать въ лицѣ русскаго единственнаго ему извѣстнаго представителя высшей культуры, привыкъ подражать ему во всемъ, какъ образцу. И вотъ въ результатѣ всего онъ молча страдаетъ, не будучи въ состояніи даже достаточно опредѣленно уяснить себѣ причину своего страданія, а тѣмъ болѣе высказать ее, излить передъ кѣмъ нибудь. При такихъ условіяхъ появленіе передъ нимъ образованнаго русскаго человѣка, который не только безъ смѣху выслушиваетъ его рассказы, но съ жадностью ихъ ловитъ и записываетъ, должно вызвать у инородца если не благодарное чувство, то по крайней мѣрѣ симпатію. Къ тому-же, побывши на службѣ, онъ многому научился, расширились его географическія познанія, а съ ними вмѣстѣ и многія другія, поэтому онъ самъ начинаетъ нѣсколько свысока относиться къ нѣкоторымъ наивнымъ вѣрованьямъ своей родины и безъ боязни рассказываетъ о нихъ, сознавая, что вреда этимъ онъ никому не дѣлаетъ. Словомъ—въ результатѣ всего я находилъ въ моихъ пѣвцахъ, не несчастную жертву, изъ которой вытягиваютъ вынужденные отвѣты, а сознательныхъ помощниковъ, воодушевленныхъ идеей, что они служатъ хорошему и полезному дѣлу. Нѣкоторые изъ нихъ, знающіе грамоту возвратясь на родину, завели со мной переписку и от-

туда присылаютъ мнѣ этнографическіе матерьялы. Все это, говорю я, и заставило меня собирать отъ солдатиковъ инородцевъ не однѣ только пѣсни, но и все то, что каждый изъ нихъ могъ сообщить мнѣ интереснаго о своихъ вѣрованьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и пр...

Что касается научной цѣнности такого матерьяла, то я думаю, что сомнѣнія въ ней быть не можетъ, ужъ не говоря о томъ, что принятый мною способъ собиранія не новъ и не мною выдуманъ: имъ пользовался, какъ извѣстно, нашъ знаменитый составитель "Толковаго словаря живаго разговорнаго русскаго языка," г. Даль. Безспорно, что лучшіе и богатѣйшіе матерьялы по этнографіи инородцевъ могъ бы дать образованный этнографъ, прожившій много лѣтъ между ними ихъ жизнью, изучившій ихъ языкъ и затѣмъ повѣдавшій міру все видѣнное и пережитое имъ самолично, какъ это сдѣлали Морганъ, прожившій 40 лѣтъ среди прокезовъ, Куссингъ, который провелъ много лѣтъ среди другого племени краснокожихъ, нашъ Мивлуха Мавлай—среди папуасовъ, Павель, Овенъ, Дорсей и др. Но спрашивается, много ли такихъ фанатиковъ науки, полагающихъ душу свою за нее, а въ особенности много-ли ихъ у насъ въ Россіи? Несомнѣнно, что трудъ такихъ въ своемъ родѣ гигантовъ имѣетъ огромную научную цѣнность, но ихъ появленіе на Божій свѣтъ слишкомъ случайно, слишкомъ исключительно, чтобы наука могла основывать на нихъ свои расчеты. Изъ другихъ способовъ накопленія этнографическаго матерьяла у насъ практикуются еще научныя экскурсіи профессоровъ университета и любителей этнографіи въ разныя мѣстности Россіи. Польза отъ такихъ экскурсій несомнѣнна, но онѣ по своей дороговизнѣ весьма рѣдко совершаются экскурсантами на свой счетъ, казна-же не можетъ отпускать денегъ на такія экскурсіи, потому что этнографія пока еще наука неофициальная. Что же касается этнографическихъ отдѣловъ нашихъ ученыхъ обществъ, то они располагаютъ еще слишкомъ ничтожными средствами для того, чтобы изучить Россію въ этнографическомъ отношеніи, хотя

бы даже такъ, какъ изучена Польша, а съ другой стороны у насъ въ Россіи такія экскурсіи могутъ дать сравнительно съ затратами на нихъ весьма незначительные результаты, потому, во первыхъ, что при недостаткѣ путей сообщенія и при огромныхъ разстояніяхъ много времени тратится совершенно непроизводительно на переѣзды, во вторыхъ — такія поѣздки совершаются лѣтомъ, т. е. въ самую горячую рабочую пору, когда крестьянинъ занятъ въ полѣ и кромѣ праздниковъ имѣетъ очень мало времени, чтобы удѣлить для разговоровъ съ путешественниками. Наконецъ, въ третьихъ, народъ нашъ очень боязливъ, запуганъ и слишкомъ недовѣрчиво относится ко всякому пріѣзжему челоуѣку, въ особенности городскому. Хотя эту недовѣрчивость почти всегда можно побѣдить хорошимъ, вѣжливымъ обращеніемъ, простотой и теплотой, но на все это требуется время. Такимъ образомъ въ распоряженіи экскурсанта-этнографа остается очень немного такого времени, которое онъ можетъ посвятить цѣли экскурсіи. Чтобы его поѣздка была производительна, зачастую приходится одному и тому-же лицу собирать матерьялы по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія и тогда только все его время расходуется съ пользой для науки, тогда только матерьялы его обширны и, выражаясь практическимъ языкомъ, стоятъ тѣхъ денегъ, которыя на нихъ затрачены. Наконецъ для этнографіи остается еще одинъ ресурсъ, это собраніе матерьяла мѣстными любителями-интеллигентами. Но здѣсь опять таки является вопросъ, много-ли у насъ въ провинціи людей, знакомыхъ съ этнографіей и интересующихся ею? Они будутъ въ свое время, сомнѣваться въ этомъ невозможно, но въ ожиданіи будущаго нельзя же сидѣть сложа руки и ждать, когда сами собой, народятся между нами Морганы и Мигелухи-Махлаи. Нельзя, потому что время не ждетъ, а вмѣстѣ съ нимъ не ждетъ и народная жизнь, которая идетъ своимъ чередомъ, бросая старыя формы жизни и переходя къ новымъ, и движется въ этомъ направленіи, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрее. Слѣдовательно въ наше

время этнографія не можетъ быть слишкомъ щепетильной въ выборѣ средствъ для полученія того матерьяла, который ей нуженъ. Она должна собирать свой медъ по крупинкамъ вездѣ и всюду. Въ виду всего сказаннаго я смѣю думать, что и мой матерьялъ можетъ быть полезенъ для пауви. Достоверность же его, какъ мнѣ кажется, тоже не подлежитъ сомнѣнію. Во-первыхъ—я добываю матерьялъ отъ нижнихъ чиновъ, вовсе мнѣ не подчиненныхъ, а во вторыхъ, отвѣтами ихъ руководить не страхъ, а какое то другое чувство, что видно уже изъ того, что страхъ способенъ скорѣе связать языкъ человѣка, чѣмъ развязать его. Напуганный простолюдинъ, какъ извѣстно, не способенъ на какой либо другой отвѣтъ, кромѣ классическаго: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Нельзя тоже допустить, чтобы мои инородцы выдумывали свои отвѣты, давая волю фантазіи. Во-первыхъ—фантазія вообще слабо развита у нашего простолюдина, а въ особенности у инородца, во вторыхъ—всякая творческая работа ума требуетъ отъ человѣка особаго таланта и массу умственной работы, сдѣланная же наскоро выходитъ даже и у развитого человѣка, не только у дивара, въ высшей степени неуклюжей, такъ что легко замѣтить ея искусственность. Наконецъ ни одинъ человѣческій поступокъ не дѣлается безъ какой-либо причины, безъ какого-нибудь побудительнаго обстоятельства, и никакой человѣкъ, имѣя передъ собою два пути: одинъ—прямой и легкій, а другой—обходной и трудный, не пойдетъ послѣднимъ путемъ. Если-бы мои рассказчики почему нибудь не пожелали отвѣчать на мои вопросы, какая побудительная причина заставила-бы ихъ выдумывать всякій вздоръ вмѣсто того, чтобы прямо сказать: „не знаю, не слыхалъ“?... Что касается невольныхъ ошибокъ, происшедшихъ отъ недостатка памяти рассказчика, отъ того, что онъ не достаточно ясно понялъ мой вопросъ, или я не хорошо понялъ его отвѣтъ, то такого рода ошибки произвольны и неизбежны при каждой работѣ, какъ бы она ни была тщательна. Въ этомъ отношеніи я могу сказать только, что старался по мѣрѣ силъ и возможности не дѣлать ошибокъ,

но насколько мнѣ это удалось, не знаю. Пусть о томъ судятъ тѣ, кто будетъ пользоваться моимъ матерьяломъ, слыхать его съ другими источниками, или провѣрять на мѣстѣ.

Ногайцы, отъ которыхъ я собиралъ настоящій матерьялъ, въ особенности Астраханскіе, весьма рѣдко попадаютъ на службу въ Варшавскій военный округъ. Какъ живущіе около моря и въ устьяхъ такой большой рѣки какъ Волга, они поступаютъ чаще всего во флотъ, а оставшіеся отъ этого набора, попадаютъ на службу въ близъ лежащіе Волжскіе города. Только случайно вмѣстѣ съ однимъ полкомъ, пришедшимъ изъ Россіи, 15 человекъ ихъ попало въ Варшавскій округъ, а потому мнѣ было мало выбора между ними и мой какъ музыкальный такъ и прочій матерьялъ вышелъ неполнымъ.

Что касается Оренбургскихъ ногайцевъ, то я нашелъ ихъ среди казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска. Хотя въ этихъ казакахъ здѣсь недостатка нѣтъ, но они представляютъ изъ себя пеструю этнографическую смѣсь великороссовъ, малороссовъ, татаръ, ногайцевъ и мордвы, среди которой ногайцы составляютъ самый ничтожный процентъ. Ихъ сосѣди по станциямъ, татары, называютъ ихъ крымскими ногаями и сами они рассказываютъ, что еще дѣды ихъ пришли въ Оренбургскую область изъ Крыма. Такъ дѣдъ по отцу урядника Сигидула Аюсупова, отъ котораго я записывалъ пѣсни, по имени Негматула, рассказывалъ, что вся ихъ станица пришла изъ Крыма, когда ему было еще только 15 лѣтъ. Позже, уже взрослымъ, Негматула ѣздилъ въ Крымъ, привезъ оттуда въ мѣшкѣ пудъ родной земли и до самой смерти выражалъ свою любовь къ родинѣ тѣмъ, что часто нюхалъ привезенную имъ землю.

Несомнѣнно, что нынѣшніе Оренбургскіе и Астраханскіе ногайцы составляютъ осколки одного большого племени Тюрко-татарской расы, кочевавшаго по Южно-русскимъ степямъ отъ Днѣстра до Волги, вплоть до завоеванія этого края русскими, но въ настоящее время эти осколки, поставленные въ различныя жизненныя условія, значительно удалились одинъ

отъ другого какъ въ отношеніи своего быта, такъ и въ отношеніи языка. Оренбургскіе ногайцы Никитинской станицы (Казанскаго округа ¹⁾), отъ которыхъ я собиралъ мой матерьялъ, сдѣлавшись казаками, приобрѣли осѣдность.

Они живутъ такъ-же, какъ и остальные казаки, въ постоянныхъ домахъ и занимаются земледѣліемъ, тогда какъ Астраханскіе ногайцы мѣстами сохранили еще давній вочевой образъ жизни и живутъ главнымъ образомъ скотоводствомъ. Оренбургскіе ногайцы, окружены со всѣхъ сторонъ татарами, переселенцами изъ внутренней Россіи, съ которыми постепенно и смѣшиваются, тогда какъ Астраханскіе ногайцы смѣшались въ степи съ калмыками, туркменами, каракалпаками и киргизами, а въ городахъ—съ бухарцами, персіанами и индѣйцами, что такъ же должно было отразиться на ихъ обычаяхъ, обрядахъ, на языкѣ и на музыкѣ. Отсюда то именно и происходитъ такая разница въ языкѣ Астраханскихъ и Оренбургскихъ ногайцевъ, что послѣдніе, легко понимая татаръ даже Уфимскихъ, почти не понимаютъ языка Астраханскихъ ногайцевъ. Въ музыкѣ тѣхъ и другихъ является тоже большая разница какъ въ мелодіи, такъ и въ ритмѣ. Тогда какъ музыка Оренбургскихъ ногайцевъ, на мой взглядъ, почти ничѣмъ не отличается отъ музыки остальныхъ татаръ, музыка Астраханскихъ ногайцевъ рѣзко разнится отъ нихъ и приближается по своему характеру скорѣе къ музыкѣ арійскихъ народовъ. Разница въ пѣсенномъ отношеніи замѣчается также и въ стихосложеніи. Тогда какъ пѣсни Оренбургскихъ ногайцевъ, подобно пѣснямъ остальныхъ татаръ, состоятъ почти исключительно изъ четверостишій, въ которыхъ первыя двѣ строчки по своему смыслу составляютъ непремѣнно параллель двумъ послѣднимъ, у Астраханскихъ ногайцевъ пѣсни по большей части выходятъ по своимъ размѣрамъ далеко за предѣлы четверостишія и параллель первыхъ двухъ строчекъ съ остальными въ нихъ вовсе не обязательна.

¹⁾ Про другія поселенія Крымскихъ ногайцевъ въ землѣ Оренбургскаго войска я ничего не знаю.

Ниже мы возвратимся еще къ пѣнію и музыкѣ ногайцевъ, теперь же замѣтимъ, что двѣ разсматриваемыя нами отрасли ногайскаго племени, не смотря на разницу въ языкѣ и въ музыкѣ, сохранили одну особенность, которая сближаетъ ихъ между собою и отличаетъ отъ татаръ.

Дѣло въ томъ, что татары и ногайцы, до принятія ими ислама, были, какъ извѣстно, язычниками. Несомнѣнно, что у тѣхъ и другихъ исламъ долженъ былъ бороться съ языческими обрядами и обычаями и вытѣснять ихъ. Новая религія очевидно должна была сильнѣе вліять на народъ осѣдлый, чѣмъ на кочевой, потому что при осѣдлой жизни народъ чаще сталкивается съ учителями религіи, чаще посѣщаетъ храмы, школы и пр. Поэтому если татары поволжскіе приняли исламъ даже и одновременно съ ногайцами, то послѣдніе всетаки меньше должны были усвоить ученіе ислама и сохранить больше чертъ своего первобытнаго язычества. Въ то время, какъ татары Казанскіе осѣли еще въ XIV столѣтіи или даже ранѣе, Астраханскіе ногайцы до сихъ поръ сохранили свой кочевой бытъ. Это обстоятельство и должно было несомнѣнно повліять на различіе въ міросозерцаніи тѣхъ и другихъ, на различіе въ ихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ. И дѣйствительно П. Небольсинъ въ своихъ „Очеркахъ Волжскаго низовья“ говорить (стр. 106) про Кундровскихъ ногайцевъ, что „молодежь ихъ не тверда въ вѣрѣ Могомета: рѣдко ходятъ они въ мечеть и не хлопчутъ о соблюденіи предписанной Кораномъ чистоты тѣлесной; они даже пятого намаза не исполняютъ. Къ мулламъ своимъ Кундровцы мало имѣютъ уваженія; полагаютъ, что еслибы само начальство не назначало въ нимъ муллъ, то Кундровцы позабыли-бы объ нихъ“.

Этому же религіозному индифферентизму, неразлучному съ культурной отсталостью, по всей вѣроятности ногайцы обязаны и тѣмъ, что въ ихъ бытѣ сохранилась большая, чѣмъ у татаръ и турокъ, свобода въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ. Свобода эта очевидно является у нихъ не результатомъ какихъ либо культурныхъ вліаній новѣйшаго времени, какъ

у современной татарской и турецкой интеллигенции, а только переживаніемъ языческой, до-мусульманской старины. Такого рода соображенія приводятъ меня въ мысли, что въ средѣ ногайцевъ этнографія должна найти несравненно больше остатковъ тюрко-татарскаго язычества, чѣмъ у татаръ или турокъ, на которыхъ исламъ успѣлъ уже наложить свою вѣрнопкую руку.

1. Астраханскіе ногайцы.

П. Небольсинъ въ своей книгѣ „Очерки Волжскаго низовья“ (Спб. 1852) дѣлитъ всѣхъ татаръ (ногайцевъ) Астраханскаго края на три вѣтви: 1) Юртовскихъ татаръ, 2) Кундровскихъ и 3) Общество татаръ Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго дворовъ.

Всѣ эти три вѣтви живутъ, по словамъ автора, близъ самаго устья Волги, въ окрестностяхъ города Астрахани. Юртовскіе—1) на островахъ, образуемыхъ дельтой Волги, къ Югу и Востоку отъ г. Астрахани, т. е. въ слободѣ Царёво и въ селеніяхъ: Зацарёво, Каргала, Казанъ, Яксатъ, Осыпной Бугоръ, Семиковское, Кулаково, Жеменё, Машаикъ, Келечи и Таволганское, 2) къ западу отъ г. Астрахани въ селеніяхъ: Бши - Тюбя и Солянка и 3) по сѣверо-западному побережью Каспійскаго моря по Линейному тракту вплоть до станцій Алабугской и Тернековской (гл. IV). Кундровскіе ногайцы зиму проводятъ въ двухъ селеніяхъ Красноарскаго уѣзда: Сейтовѣ и Хожеѣвѣ на рѣкѣ Ахтубѣ и на протокѣ Берекетѣ. Лѣтомъ они выходятъ на кочевку и занимаютъ неплодородныя степи лѣваго берега Волги, имѣя сосѣдями съ одной стороны—калмыковъ, съ другой—виргизовъ внутренней орды. Со стороны рѣки сосѣди у нихъ казаки и русскіе новосельцы, а со стороны Каспійскаго моря они примыкаютъ къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ и къ землямъ береговыхъ владѣльцевъ... (гл. V).

Наконецъ татары Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго дворовъ живутъ частью домами въ г. Астрахани, а частью

кочуютъ вмѣстѣ съ Юртовскими татарами въ сосѣдствѣ станицъ Алабужской и Тернекъ (гл. VI).

По происхожденію своему эти три вѣтви ногайскаго племени различаются у Небольсина слѣдующимъ образомъ.

„Юртовскіе, въ буквальномъ переводѣ—„мѣстные“ (юрт= мѣсто), считаются потомками Золотоордынскихъ ногаевъ, первыхъ основателей Астрахани“ (с. 52). Они постоянно жили на лѣвой сторонѣ Волги и принадлежали къ такъ называемому въ старинныхъ грамотахъ Заволжскому или Большому Ногаю.

„Кундровскіе кочевали на Крымской—сторонѣ и были отраслю такъ называемаго Малаго Ногая. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія они имѣли зимнюю стоянку на рѣкѣ Кумѣ, а лѣтомъ кочевали на Ахтубѣ и въ Нарынѣ—пескахъ, нынѣ занятыхъ кочевьями Киргизовъ Внутренней орды. Около 1785 г. Кундровцевъ поставили въ зависимость отъ уѣзднаго начальства г. Краснаго Яра и въ видахъ устройства зимовокъ и пріюта на зиму для людей и скота надумали положить начало двумъ нынѣшнимъ селеніямъ, Сейтовкѣ и Хожетаевкѣ“ (с. 79).

Наконецъ третья отрасль ногаевъ представляетъ собою потомковъ Бухарскихъ, Персидскихъ (Гилянцы) и Индѣйскихъ (Агржаны) купцовъ, поселившихся въ Астрахани съ начала XVII столѣтія съ торговыми цѣлями, пережившихся на татаркахъ и смѣшавшихся какъ между собою, такъ и съ мѣстными татарами.

Въ числѣ моихъ пѣвцовъ—ногайцевъ были представители всѣхъ трехъ названныхъ группъ и кромѣ того жители города Царева и Царевскаго уѣзда (Пришибинской вол.), о которыхъ у П. Небольсина нѣтъ никакихъ указаній.

Что же касается моего остальнаго этнографическаго матеріала, то онъ собранъ исключительно отъ Кундровскихъ ногайцевъ, приписанныхъ къ с. Хожетаевкѣ или Кашатаевкѣ. Только о свадебномъ обрядѣ у меня имѣются краткія свѣдѣнія и отъ Юртовскихъ ногайцевъ изъ с. Явсатъ.

Кундровскихъ ногайцевъ по ихъ образу жизни Небольсина дѣлать на двѣ группы. Одна зиму проводитъ въ постоянныхъ избахъ, построенныхъ на русскій ладъ и русскими плотниками; на лѣто она выѣзжаетъ съ своими кибитками въ степь и кочуетъ вплоть до слѣдующей зимы (с. 88). Другая же, меньшая группа, круглый годъ кочуетъ въ кибиткахъ подъ открытымъ небомъ (с. 93). Есть еще третья группа Кундровцевъ, составляющая середину между двумя упомянутыми, о которой у Небольсина ничего не говорится. Кундровцы этой группы, хотя не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, но и не остаются круглый годъ въ кибиткахъ: они строятъ себѣ на зиму землянки, которыя съ наступленіемъ весны разбираютъ. Существовала ли эта группа во времена Небольсина (въ началѣ 50-хъ годовъ) или она—продуктъ новѣйшаго времени? Если же Кундровцы, вочевавшіе въ 50-хъ годахъ круглый годъ въ кибиткахъ, перешли въ наше время къ землянкамъ, то всѣ ли они это сдѣлали или только часть ихъ? Эти вопросы я не берусь рѣшить, потому что мой матерьялъ былъ собранъ раньше, чѣмъ я досталъ книгу Небольсина, провѣрить же данныя этого путешественника распросами моихъ ногайцевъ я не могъ, потому что къ тому времени, какъ я досталъ его книгу, всѣ мои рассказчики окончили службу и возвратились на родину. Какъ бы то ни было, но Кундровцы, отъ которыхъ я собиралъ рассказы о ихъ внѣшнемъ бытѣ, принадлежать по образу жизни именно къ третьей изъ упомянутыхъ мною группъ, т. е. зиму проводятъ въ землянкахъ, а на лѣто переселяются въ кибитки.

2. Ж и л и щ е.

Землянку Кундровцы строятъ въ ноябрѣ, а разбираютъ въ мартѣ или въ апрѣлѣ. Устройство ея по всей вѣроятности заимствовано отъ русскихъ, потому что самое названіе ея—з'э м н а н'к'э, взято съ русскаго. Размѣры землянки зависятъ отъ средствъ хозяина и отъ величины его семейства. Прежде всего вырывается четырехугольная яма (ш у н к ѹ р) аршинъ

въ 7 длиной, аршинъ въ 6 шириной и глубиной около аршина. По угламъ ея вдоль будущихъ стѣнъ (к а в р н а с ѝ) вбиваются деревянные стойки (т ы к п ѝ или б а н а н а). Къ стойкамъ спаружи прикладываются доски (тахтѣ), возлѣ нихъ слой камыша и наконецъ слой земли. Въ переднюю и заднюю стѣнки вставляется три или четыре окна (тэрэзэ), состоящие изъ деревянныхъ рамъ со вставленными въ нихъ стеклами. Такія рамы можно найти на любомъ городскомъ базарѣ. Часть стѣны, приходящаяся надъ окнами, обкладывается однимъ камышемъ. На стойки передней и задней стѣнокъ кладутъ двѣ балки (а р к х а л ѝ е), а для третьей балки (средней) ставится въ серединѣ землянки еще три или четыре стойки. На эти три балки кладутся брусья потолка (б'ы л'а н а ш) въ разстояніи около четверти одинъ отъ другаго. На нихъ насыпается камышъ, на камышъ—солома или сѣно, потомъ слой навозу и наконецъ песокъ. Высота землянки отъ полу до потолка (т ы н ы с ѝ) дѣлается такая, чтобы самому высокому человѣку не пришлось нагибаться.

Посрединѣ передней стѣны вставляется досчатая, одностворчатая дверь (й с и к), которая виситъ на желѣзныхъ петляхъ. Всѣ деревянные и желѣзные части землянки заготовлены разъ на всегда и по окончаніи зимы, когда землянку разбираютъ, складываются на возъ и отправляются въ ближайшее поселеніе осѣдлыхъ ногайцевъ, гдѣ за небольшую плату сдаются на храненіе. Посреди землянки складывается кирпичная печь (б и ш) длиною и вышиною аршина по два и шириною аршина $1\frac{1}{2}$. Вертикальная кирпичная труба печи (т у а л) проходитъ сквозъ потолокъ. Въ такую печь вмазывается чугунный котелъ для варки пищи, а иногда и небольшая плита ¹⁾. Вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнокъ землянки дѣлаются деревянные нары (т а х т а н б'ѣ т). Отапливается землянка камышомъ и бурьяномъ, собираемыми въ степи, а иногда вязякомъ (т'и з'э к'). Такія постройки (въ числѣ отъ 5 до 10)

¹⁾ Устье печи называется бугур'ук, а подъ—биштын-табан.а

становятся въ линію входными дверями въ одну сторону и имѣютъ одинъ общій, четырехугольный дворъ (к х о р à - д е н ш ы), окруженный камышевымъ заборомъ (в х à м ы с - в х о р à), вышиною въ человѣчскій ростъ. Дворъ раздѣленъ перегородками (б'ўл'м'ў) на части по числу отдѣльныхъ хозяевъ. Окружающій его заборъ строится слѣдующимъ образомъ: вырывается ровикъ (о р) глубиною въ аршинъ, въ него ставится сплошной рядъ камышевыхъ сноповъ, корень которыхъ зарывается въ землю, а верхушки оплетаются вокругъ перекладинъ (т а h à н), лежащихъ на деревянныхъ угловыхъ стойкахъ (б а h а н à).

Во дворъ каждаго хозяина съ одной стороны выходитъ дверь землянки, къ передней стѣнкѣ которой, въ одну линію съ нею, пристроенъ заборъ, а съ другой, противоположной, ведутъ ворота (о р à м). Ворота состоятъ изъ двухъ стоекъ (б а h а н à) и досчатой створки, привѣшенной обыкновенными желѣзными петлями (п'э т л'а т'и м ы р) на желѣзныхъ крючкахъ (т о м с à т'и м ы р). Створка бываетъ или сплошная (т а х т à в à п к à) или рѣшетчатая (и р г и н à к à п к à).

На дворѣ помѣщаются: стоги сѣна (с к ы р т), ничѣмъ не прикрытые, арбы (двухколесныя) и ямы для храненія картофеля и овощей. Эти послѣднія называются—а р, дѣлаются четырехугольными съ прямыми стѣнками и обшиваются досками. На днѣ ихъ кладется сѣно, а сверху онѣ закрываются деревянной досчатой крышкою (ш'ў в'й - т а х т à) съ дверцей. Въ яму спускаются по лѣстницѣ (ш а п р à ш) со ступеньками въ видѣ перекладинъ (б а с х ш).

Ногайская арба состоитъ изъ деревянной оси (к у ш р'а h à ш), поперегъ которой укрѣплены двѣ очень длинныя, жерди (а р ы с), соединенныя между собой рядомъ перекладинъ (д ж'а л х ы н). Концы жердей, несвязанные между собою перекладинами, служатъ для арбы оглоблями (а р с т ы н ш ы). Если прибавить ко всему этому, что основная рама арбы (в у в р'ў в) ограждена по бокамъ наклонными расходящимися

обочинами изъ досоёв (ы р ы ш ё), то вотъ и все несложное устройство этой повозки.

Колеса арбы состоятъ изъ ступицы (к у п ш'у к), спиць (к и ѣ ѣ), обода (т у ѣ ѣ м) и шины (ш и л'). На оси они задерживаются чекой (ш и).

Для перевозки небольшого семейства со всѣми его пожитками при перекочевкахъ нужно такихъ арбъ 3—4 штуки.

Зимой, если бываетъ снѣгъ, ногайцы употребляютъ сани (ш а н а) въ родѣ русскихъ дровней, состоящія изъ полозьевъ (к х а к х ѣ), влоченныхъ въ нихъ ножекъ (д ж а л х ѣ н), перекладинъ между ножками (к а в р ѣ а с ѣ) и досчатой настилки (с т о л).

Лошадиная упряжь у ногайцевъ такая же, какъ и у русскихъ крестьянъ, включая и дугу.

Лѣтнее жилище Кундровцевъ—кибитка (к а р а ш'ѣ) состоитъ изъ складной решетки (т ы р м ѣ), сдѣланной изъ тонкихъ деревянныхъ стоекъ (у к). Стойки эти соединяются между собою вмѣсто шарнировъ ремешками, пропущенными сквозь дерево съ узелками на концахъ. Нижніе концы стоекъ втыкаются въ землю, а верхніе входятъ въ отверстія деревяннаго кольца (ш а н а р а к), вѣнчающаго кибитку. Снаружи стѣны кибитки покрываются войлокомъ изъ овечьей шерсти (к о ш м а). Земля, составляющая полъ кибитки, покрывается рогожами (д ж'и к ѣ н), а на нихъ кладутся тюфяки, набитые шерстью (д е к'ѣ н - т'ѣ с'ѣ к) или перины (к ш н ы - т ѣ с'ѣ к). Подушки (ч а с т ѣ к) дѣлаются изъ ситца и набиваются пухомъ. Вмѣсто одѣяла покрываются кошмой. Для грудныхъ дѣтей, какъ колыбель, употребляется деревянный ящикъ-качалка (б и с ѣ к).

3. Одежда.

Нижнее бѣлье мужчины составляетъ бѣлая коленкоровая или цвѣтная ситцевая рубашка (к у ѣ л'у к) съ прямымъ воротомъ и съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ (д ж'а ѣ ѣ). Она заправляется въ коленкоровые кальсоны (с т а в); сверхъ нихъ надѣваются широкіе суконные, черные или сѣрые шаровары

(ш а л в à р). На рубашку надѣваютъ ситцевую жилетку (к у р т è), а сверхъ нея бешметъ (к х а т п à л) изъ шерстяной матеріи длиною до колѣнъ, подпоясываемый кожаныиъ кушакомъ (б'и-б'ÿ). На ногахъ носятя на работу кожаныя лапти (бò р ш è к), а въ праздники сапоги (ÿ т ы к), надѣваемые на портянку (ш'ы л ã à ÿ). На головѣ мужчины носятъ остроконечную тубетейку домашняго издѣлія (т а б'э т'è й) или круглую, покупную (т а к ã à), а сверхъ нея круглую барашковую невысокую шапку (б'ÿ р к), бѣлую или черную. Зимой одѣваютъ тулупъ изъ овечьей шерсти (т у н).

Женщины носятъ длинную ситцевую рубашку (к у й л'ÿ к) преимущественно краснаго цвѣта и юбку (б и л'у э м è), а сверхъ рубашки почги такой же бешметъ (к х а т п à л), какъ и мужчины. На ногахъ носятя красныя сафьянныя чулки до колѣнъ (м и с) и кожаныя башмаки (б а ш м à к). Въ видѣ украшенія носятъ на груди бусы изъ мочетъ (тыстым'а) и рядъ серебряныхъ рублей, идущихъ на груди по прямой линіи отъ ворота до талии (о м р à ÿ м а н'è т). Волосы ногоайскія женщины носятъ длинныя и заплетаютъ ихъ въ косу (ш'а ш п à ÿ), которая у дѣвушекъ распускается по спинѣ, а у замужнихъ оплетается около головы. На голову надѣваютъ кусокъ бѣлаго еоленкору (т а с т à р), длиною почти до земли, на него кусокъ красной шелковой матеріи (ч и м б'è р) и поверхъ всего круглую лисью шапку (б'ÿ р к). Всѣ женщины носятъ въ ушахъ серебряныя серьги (с р ã à), а дѣвушки кромѣ того серьгу (а л к х à), продѣтую сквозь правую ноздрю. Эта послѣдняя носится еще 3—4 года послѣ замужества, а потомъ снимается.

4. Пища.

Ѣдятъ Кундровцы три раза въ день. Утромъ, часовъ въ 6—з а в т р а к ѣ (иртÿн-шай), состоящій изъ калмыцкаго чая; его варятъ съ молокомъ, солью и съ коровинымъ масломъ и пьютъ съ калачомъ (к а л à ш).

Въ полдень Ѣдятъ обѣдъ (т'ÿ с'л'ÿ к). На обѣдъ готовятъ чаще всего м а л'ÿ ш', т. е. пшеничный пирогъ съ

начинкой изъ мяса и пшена или тонкую лепешку (ўтпўк) изъ пшеничной муки, спеченую въ золѣ между двумя желѣзными сковородами. Блюда эти запиваютъ также калмыцкимъ чаемъ. На ужинъ (кешка̀с) дѣлается лапша (лахса̀) съ мясомъ или пилавъ (пыла̀ў) и опять чай.

Для варки пищи употребляютъ чугунный котель (ваза̀н) или глиняные поушные горшки (курус'ўк), для жаренья—желѣзные сковороды (таба̀), для воды деревянные ведра (шил'к) или желѣзные (в'дрэ), деревянный ковшъ (шымш) и желѣзную кружку (к'р'шка̀), для замѣшиванья тѣста—большое деревянное корыто (шара̀). При ѣдѣ обходятся съ круглой, большой (около 1 ф. въ діаметрѣ) деревянной тарелкой (таба̀кх), деревянными ложками (кхас'к) и ножикомъ (пшак). Соль держится въ деревянной солонкѣ (тусса̀ў) русскаго издѣлія.

5. Занятія.

Главный источникъ пропитанія Кундровскихъ Ногайцевъ—скотоводство. Кромѣ лошадей, коровъ, овецъ и козъ они держатъ еще и верблюдовъ (ты'й'о); послѣдними пользуются въ качествѣ упряжного и вычного скота и ѣдятъ ихъ молоко.

Между породами овецъ чаще всего держатъ: 1) бурдючныхъ (к'ур'ўк-лу'к'ўй) и 2) шода̀н—съ длиннымъ хвостомъ. Свиней и ословъ ногайцы вовсе не держатъ, а изъ домашней птицы разводятъ: куръ (та'ўк), гусей (каз) и утокъ (и'р'ўк). При перекочевкахъ послѣднихъ возятъ въ корзинкахъ покрытыхъ сѣткой.

Цѣлую зиму скотъ пасется въ окрестностяхъ стоянки, добывая себѣ траву изъ подъ снѣга, и самъ возвращается на ночь на дворъ, гдѣ и ночуетъ подъ открытымъ небомъ. Въ теченіе дня наблюденіе за скотомъ возлагается на ребятишекъ.

Доеніе всего скота, дающаго молоко, лежитъ на обязанности женщинъ, кобылицъ-же доятъ сами мужчины, такъ какъ женщины съ ними не справятся.

Весной, какъ только стаеъ снѣгъ, Кундровцы разбирають землянки, складываютъ свое имущество на арбы и ѣдутъ въ степь на кочевку. Мужчины передъ выѣздомъ идутъ помолиться въ мечеть, куда приносятъ съ собою восковыя свѣчи. Всѣ лѣтнія передвиженія Кундровцевъ ограничиваются пространствомъ въ 40—50 верстъ, измѣняющимся въ зависимости отъ количества скота, содержимаго хозяиномъ: самые богатые передвигаются и до 100 верстъ. Такъ какъ каждый глава семейства при своихъ передвиженіяхъ руководится собственными расчетами, то на одной стоянкѣ рѣдко сходится болѣе 2—3 семействъ, размѣщенныхъ въ столькихъ же кибиткахъ.

Кромѣ скотоводства большинство красноярскихъ ногайцевъ занимается еще и огородничествомъ, продукты котораго сбываются въ городъ. Своей земли, удобной для огорода (б а х ш а), у нихъ нѣтъ, а потому приходится арендовать ее отъ сосѣднихъ русскихъ поселенцевъ. Въ вознагражденіе арендной суммы, которая платится за эту землю, Кундровцы отдають часть своихъ собственныхъ земель въ аренду Киргизамъ Внутренней орды. Если при этомъ случаѣ является необходимость размежовывать земли между отдѣльными хозяевами, то употребляется интересная по своей первобытности мѣра, называемая к о з а л'а к х - ж и р. К о з а л'а к х—это значить то-же, что арба, т. е. двухколесная повозка, ж и р—земля, а к о з а л'а к х - ж и р—узкая полоса земли между двумя колеями длиною во 100 шаговъ (около 30 саж.). 15—20 такихъ первобытныхъ мѣръ составляютъ п а й, т. е. участокъ, отводимый въ распоряженіе одного семейства. Величина пая измѣняется въ зависимости отъ качества земли. На границахъ своего участка каждый владѣлецъ ставитъ свою тамгу (т а м ѣ ѣ).

Обработкой земли подъ огородъ Кундровцы занимаются передъ выходомъ на кочевку. Они пахутъ землю простой русской деревянной сохой (с а б ѣ ѣ), запряженной парой лошадей, и боронятъ бороной (т р н а ѣ ш). Борона употребляется самодѣльная, состоящая изъ решетки (ш ѣ т ы р) съ желѣзными зубьями (т и м ѣ р - т е) и вальва (ѣ р ѣ с). Въ огородѣ сѣются:

арбузы (к а р б ы з), дыни (к а у н), тыквы обыкновенныя (к х а б а к), тыквы желтыя, длинныя (б а л - к х а б а к), извѣстныя умѣстнаго русскаго населенія подъ именемъ „кубанки“, огурцы (к и й а р), капуста (к а п с т а) и картофель (к а р т о ф).

Посѣявши свои овощи, ногайцы или раздѣляютъ свое семейство на части: одна остается при огородѣ, а другая со скотомъ уходитъ въ степь, или же все уходитъ въ кочевью, оставляя свой огородъ подъ охраной сторожа (к а р а ѹ л ь ч и к) изъ своихъ же ногайцевъ или изъ русскихъ, старыхъ отставныхъ солдатъ. Сторожу этому строится шалашъ, дается котелокъ для пищи, оставляются разные съѣстные припасы и платится жалованье (рублей 5 въ мѣсяцъ). Посадка всехъ овощей производится обыкновенно въ Мартѣ, а огурцовъ два раза въ лѣто (2-ой разъ въ Юль). Для капусты, которая при здѣшнемъ знойномъ климатѣ безъ искусственнаго орошенія не растеть, устраивается водоподъемная машина (ч ш и н ы р)¹⁾.

Для этой машины къ огороду проводится изъ рѣки канава (к у с'о м), на концѣ которой вырывается яма (ч ш и н ы р д ѣ н - у ы р н а), обшитая досчатыми стѣнками (каврhас). Поперегъ ямы владется на подшипникахъ четырехугольная деревянная ось (а р к а л ы к), на которую надѣвается деревянное колесо (т ы н ы р ш ы к) съ черпаками (ш и л и к). Подъ черпаки подставляется деревянный жолобъ (д ж о л о б), въ который выливается вода, забранная черпаками при вращеніи колеса. Изъ жолоба она расходится по огороднымъ канавамъ (к у с'о м).

Для того, чтобы сообщить подъемному колесу, вращательное движеніе на ось его надѣвается шестерня (т с л'э - т ы н ы р ш ы к), сцѣпленная съ другою горизонтальною шестернею. Послѣдняя насажена на вертикальную ось (ч н и н ы р д ѣ н - т ы н ы р ш ы к л ѣ б а н а н а с ы), вращаемою лошадыю по-

¹⁾ «Въ книгѣ Н. Е. Астрахань и Астраханская губ. Моск. 1852 с. 90, говорится, что въ 1640 году въ Астраханскій край нарочно былъ высланъ искусный садовникъ Яковъ Ботманъ, который (будто-бы) и ввелъ въ употребленіе здѣшніе замысловатые чигири.

средствомъ горизонтальнаго рычага (а р ѳ с). Подобнаго устройства водоподъемныя машины, различающіяся по мѣстностямъ лишь своими деталями, распространены, судя по рассказамъ путешественниковъ, во всей южной части Европейской Россіи отъ Бессарабіи до Волги, въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ, на Балканскомъ полуостровѣ и въ Египтѣ, по берегамъ Нила.

Что касается быта Оренбургскихъ ногайцевъ, то данныя, о немъ собранныя, оказались на столько отрывочными, что я предпочелъ помѣстить ихъ въ словарь, который приложенъ къ пѣснямъ.

6. Вѣрованія.

(Астраханскіе и Оренбургскіе ногайцы).

А. Миръ и явленія природы.

Ногайцы (А. и О.) думаютъ, что земля плоска какъ тарелка и что ее держитъ на рогахъ огромный сивый быкъ (к у к - у н ѳ з о). Быкъ этотъ стоитъ на большой рыбѣ, а рыба плаваетъ въ морѣ.

О началѣ міра рассказываютъ (К. Н.), что первый человѣкъ назывался И с у п ѣ П а й н а м б а р ѣ. Онъ сначала жилъ одинокомъ дожилъ такъ до старости и только тогда встрѣтилъ женщину, назначенную ему отъ Бога въ жены. Жена его И с у п ѣ З а л е в ѣ тоже жила одинокою. И вотъ однажды зимой они шли каждый по своему дѣлу, встрѣтились лицомъ къ лицу и очень удивились, увидавъ другъ друга. И с у п ѣ спрашиваетъ: „откуда ты идешь? Я до сихъ поръ не видалъ на землѣ еще ни одного человѣка“. Она ему отвѣчаетъ, что тоже не видала ни одного человѣка, но ей снилось во снѣ, что она должна его увидѣть. Исупъ предложилъ ей сойтись съ нимъ и жить вмѣстѣ, получилъ согласіе и повелъ ее въ свой домъ. На другое утро Исупъ просыпается и рассказываетъ, что видѣлъ сонъ. „Мнѣ, говоритъ онъ, явился во снѣ Джибраилъ Гиссалѣмъ и сказалъ, что намъ такъ жить нельзя,

что мы должны обвиняться. Залекъ отвѣчала, что и она видѣла во снѣ тоже самое. Тогда Исупъ Пайхамбаръ взялъ книжку, сталъ въ нее глядѣть и обвинялъ самъ себя, потому что больше некому было его вѣнчать. Такъ и стали они жить какъ мужъ съ женой и родился у нихъ первый сынъ Исѣфъ Пайхамбаръ.

Жили они сначала въ прекрасномъ саду (джинъѣт) и ничего не ѣли, потомъ Богъ далъ имъ плодъ—курма, маленькій и сладкій. Они съѣдали его по одному въ сутки и потому за естественной надобностью вовсе не ходили. Позже они сдѣлались болѣе жадными, имъ стало мало одного плода: съѣдать они его и еще ѣсть хочется. Когда стали они ѣсть много курма, то пришлось имъ ходить за естественной надобностью. Въ раю, гдѣ они жили, были все хорошіе запахи, а тутъ пошелъ духъ нехорошій и Богъ вывелъ ихъ изъ рая.

Оренбургскіе ногайцы объясняютъ изгнаніе первыхъ людей изъ рая иначе. По ихъ мнѣнію первыхъ людей соблазнилъ шайтанъ, который существовалъ всегда и который уговорилъ ихъ съѣсть пшеницу, запрещенную Богомъ.

Первые люди, по словамъ Красноярскихъ ногайцевъ, говорили по татарски, а научилъ ихъ этому языку Джибраилъ Гисалиямъ. Онъ же далъ первымъ людямъ одежду тотчасъ же послѣ того, какъ Богъ ихъ сотворилъ, такъ что голыми они вовсе не ходили.

Дикіе звѣри появились на свѣтѣ слѣдующимъ образомъ.— Жилъ одинъ богатый человѣкъ, у котораго было очень много скота. Но онъ былъ скупъ и жаденъ: скотины своей не рѣзалъ и бѣднымъ не давалъ. Шелъ онъ однажды по своему дѣлу, вдругъ земля подъ нимъ провалилась и онъ завязъ въ землю до колѣна. Явился Богъ и спрашиваетъ: „будешь ли давать скотину бѣднымъ“? Тотъ отвѣтилъ: „буду“, но, когда получилъ свободу, обѣщанія своего не сдержалъ. Таже исторія повторилась съ нимъ еще три раза. Сначала онъ провалился въ землю по поясъ, потомъ по шею и наконецъ весь ушелъ въ землю и больше изъ нея не вышелъ. Скотина его

разошлась по землѣ и обратилась въ дикихъ звѣрей: въ волка, въ лису, въ зайца и т. под. Въ началѣ всѣ животныя обладали даромъ языка, только потомъ Богъ уже распредѣлилъ, кому говорить, кому нѣтъ.

Между прочимъ Богу предстояло рѣшить задачу, кому изъ его тварей какую пищу дать. За этимъ Онъ обратился ко всѣмъ животнымъ съ вопросомъ: кто и что пожелаетъ ѣсть? На человѣческую пищу: мясо, хлѣбъ и проч. заявили претензію лошади. Богъ уже было согласился на это и только благодаря ходатайству Юсупа Пайгамбара (Оренб. ног.) или его сына Исафа Пайгамбара (Красн. ног.) хлѣбъ и мясо были оставлены людямъ, а лошадямъ была назначена въ пищу трава. Змѣя при этомъ заявила желаніе питаться человѣческой кровью. Претензія эта основывалась на слѣдующемъ обстоятельстве: Богъ за грѣхи людей устроилъ большое наводненіе (потопъ), Волга разлилась и потопила землю. Люди всѣ потонули кромѣ Исупа Пайгамбара, который спасся на большомъ кораблѣ. Корабль его проѣзжалъ мимо вершины одной горы, на которой спасалось нѣсколько грѣшныхъ людей. Исупъ, внимая ихъ мольбамъ, сжалился и взялъ несчастныхъ къ себѣ на корабль. Богъ разгнѣвался за это на Исупа и велѣлъ мышамъ прогрызть въ стѣнкахъ корабля дыру. Корабль стало заливать и Исупъ просилъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ на кораблѣ зачинить дыру. Всѣ пробовали, но безуспѣшно. Явилась змѣя и предложила свои услуги подъ условіемъ ходатайства Исупа передъ Богомъ, чтобы ей была дана въ пищу человѣческая кровь. Въ страхъ за свою жизнь Исупъ согласился на все и змѣя заткнула дыру своимъ хвостомъ.

Прежде, чѣмъ согласиться на просьбу змѣи, Богъ послалъ комара испробовать человѣческую кровь, сладка ли она? Комаръ полетѣлъ, напился человѣческой крови и возвращается. По дорогѣ ему встрѣчается ласточка и спрашиваетъ: „ну что же, сладка ли человѣческая кровь?“

— Сладше ея нѣтъ, говорить комаръ.

А покажи-ка твой языкъ.

Комаръ выставилъ языкъ, а ласточка его откусила. Прилетѣлъ комаръ къ Богу, Богъ его спрашиваетъ: „сладка ли человѣческая кровь?“ А комаръ и отвѣтитъ ничего не можетъ, только выводить: тз... тз... Такъ Богъ и не узналъ сладка ли человѣческая кровь и повелѣлъ змѣѣ пить кровь изъ лягушекъ. Змѣя разсердилась на ласточку и ухватила ее за хвостъ, но ласточка вырвалась, оставивъ въ зубахъ змѣи всю середину своего хвоста. Вотъ почему у нея остался на хвостѣ треугольный вырѣзь.

Явленія природы ногайцы объясняютъ себѣ слѣдующимъ образомъ.

Солнце и мѣсяцъ были созданы совершенно одинаковыми, такъ что ихъ нельзя было различить одно отъ другого, а потому Богъ послалъ Ангела и велѣлъ ему соскоблить часть свѣта отъ мѣсяца и прибавить къ солнцу. Съ тѣхъ поръ у солнца стало больше свѣту, чѣмъ у мѣсяца. Такъ вѣрятъ Оренбургскіе ногайцы, Красноярскіе же представляютъ себѣ солнце и мѣсяцъ въ видѣ двухъ пустыхъ шаровъ, внутри которыхъ сидятъ двѣ старушки, въ солнцѣ—Д ж и л' м а ѳ з к а р т, а въ мѣсяцѣ—Д ж и л' м а ѳ з. Онѣ объѣзжаютъ весь міръ: одна днемъ, другая ночью, и смотрятъ, что дѣлается на землѣ. Послѣ заката солнца и мѣсяца старушки выходятъ изъ своего помѣщенія и рассказываютъ Богу все, что онѣ видѣли и слышали. Затменіе солнца и луны происходитъ тогда, когда старушки увидятъ на землѣ много злого и нехорошаго.

Про звѣзды ногайцы думаютъ, что у каждаго человѣка есть своя звѣзда; когда человѣкъ умираетъ, звѣзда его падаетъ.

Млечный путь называютъ К а в ѳ ж' ѳ л а т. е. дорогой въ Кавѳ (Кааба). Кавѳ—это прекрасное мѣсто, гдѣ никогда не бываетъ зимы. При входѣ въ него есть рѣшетчатые ворота—К а в ѳ х а п х а с ѳ, обладающія дивнымъ свойствомъ: когда придутъ къ нимъ муллы и праведники, то рѣшетки воротъ раздвигаются и пришедшіе получаютъ свободный доступъ въ Кавѳ; когда же грѣшники полѣзутъ сквозь щели, то рѣ-

шести свиваются и сдавливаютъ ихъ. По дорогѣ въ Кавѣ есть святой, черный камень Сынътас, который раздавить всякаго подходящаго къ нему грѣшника. „Наши благочестивые мусульмане, добавилиъ разскащикъ, у которыхъ есть деньги, ходятъ туда (въ Мекку). Когда они возвратятся, то ихъ называютъ у насъ—аккъп. Они получаютъ право, идя на молитву, надѣвать бѣлую чалму (шалма).

Происхожденіе вѣтра Красноярскіе ногойцы объясняютъ такъ. — Живетъ на свѣтѣ старуха, у которой есть семь дочерей. Одна изъ этихъ дочерей хромая и злая, а потому остальные шесть сестеръ не желаютъ съ ней жить и постоянно отъ нея убѣгаютъ. Во время такого бѣга онѣ платьями своими поднимаютъ вѣтеръ. Когда же имъ удастся убѣжать отъ хромой сестры такъ, что ея не видно, онѣ останавливаются и отдыхаютъ. Въ то время и вѣтеръ затихаетъ.

Когда вихрь (ирма—О. Н.) крутится и поднимаетъ пыль, то подъ него попасть опасно, потому что въ немъ сидитъ шайтанъ, который насылетъ на человѣка, попавшаго подъ вихрь, всякія болѣзни и можетъ даже свести съ ума. Во избѣжаніе зла при видѣ вихря нужно сотворить молитву, дунуть и плюнуть.

Число шайтановъ на свѣтѣ безконечно велико, но всѣ они подчиняются одному главному—Иблису (О. Н.). Онъ былъ сначала пророкомъ (пайгамбар) и жилъ въ раю. Богъ позволялъ ему вкушать всѣ райскіе плоды за исключеніемъ кукурузы (кайба-будай). Самъ онъ запрещеннаго плода не вкусилъ, но обманомъ навормилъ кукурузой перваго человѣка. За это Богъ наказалъ Иблиса: надѣлъ на него проклятый хомутъ (йаманкамыт) и выгналъ изърая. Съ тѣхъ поръ онъ враждуетъ съ богомъ и намѣревается свратить съ пути истинны всѣхъ пророковъ Божіихъ и всѣхъ людей.

Главнымъ помощникомъ Иблиса считается злой духъ Даджалъ, котораго Иблисъ посылаетъ ежедневно подговаривать людей, чтобы они пьянствовали, дрались между собою, чтобы

жены измѣняли мужьямъ, а мужья—женамъ и т. под. Свое выдающееся положеніе въ ряду прочихъ шайтановъ Даджалъ приобрѣлъ благодаря слѣдующему случаю.

Онъ нанялся работникомъ къ одному бѣдному чело­вѣку и уговорилъ его посѣять рожь. Когда хлѣбъ созрѣлъ и уро­жай оказался прекраснымъ, Даджалъ приготовилъ изъ него цѣлую бочку водки и передалъ бѣдняку искусство ея приго­товленія. Такимъ же образомъ онъ научилъ людей дѣлать всѣ другіе хмѣльные напитки, а затѣмъ провалился севозъ землю, приче­мъ на мѣстѣ его провала пошелъ черный дымъ.

Узнавъ о подвигѣ Даджала, Иблисъ былъ въ восторгѣ и устроилъ ему торжественную встрѣчу съ музыкой и пляс­ками. Радость шайтановъ по этому поводу была такъ велика, что они пиروвали цѣлый мѣсяцъ, а Даджалъ сталъ съ тѣхъ поръ правою рукою Иблиса (О).

Астраханскіе ногайцы называютъ Даджала нѣсколько иначе и рассказываютъ о немъ слѣдующее: Гдѣ-то далеко на западѣ, на концѣ земли, есть огромныя высокія горы Гаф­дàнà, за которыми кончается міръ и начинается царство шайтановъ. Одинъ изъ шайтановъ по имени Тажа­лъ (А. Н.) или Да­д­жа­лъ (О. Н.), задумалъ еще въ дѣтствѣ заво­евать чело­вѣческій міръ. Отецъ Тажа­ла сталъ возражать ему, за что и былъ убитъ сыномъ. За это великое преступленіе Богъ велѣлъ приковать Тажа­ла къ тому мѣсту, на которомъ онъ родился. Съ тѣхъ поръ Тажа­лъ сидитъ на цѣпи и роетъ гору, отдѣляющую его отъ нашего міра. Цѣлый день съ утра онъ роется, а когда на другой день утромъ проснет­ся, то видитъ, что гора опять такая же, какъ была. Но онъ не унываетъ и на слѣдующій день опять продолжаетъ свою работу. Только по временамъ ваторжная работа становится ему невыносимой, онъ начинаетъ рваться съ своихъ цѣпей съ такой силой, что земля трясется. Но тогда Богъ посылаетъ Пророка его усмирять. Пророкъ бьетъ Тажа­ла желѣзнымъ прутомъ. Избитый Тажа­лъ ложится и нѣкоторое время лежитъ спокойно, а потомъ опять принимается за свое. Ему все хо-

чется увидѣть этотъ свѣтъ, а когда онъ увидитъ, то свѣтъ кончится. Старики говорятъ, что это когда-нибудь и случится (К. Н.). Оренбур. ногайцы говорятъ, что за 30 лѣтъ до конца міра Даджалъ пророетъ гору, выйдетъ на свѣтъ съ музыкой и пѣснями и пройдетъ по всему міру. Кто изъ людей пристанетъ къ нему или даже посмотритъ на него, самъ сдѣлается шайтаномъ. Царевскіе ногайцы прибавляютъ, что музыка Тажала будетъ слышна далеко, что грѣшныя пристанутъ къ нему, а праведники его убьютъ.

Молнія происходитъ тогда, когда Пророкъ бьетъ Тажала желѣзнымъ прутомъ, а громъ производитъ этотъ злой духъ, когда рвется съ цѣпей. Человѣка, убитаго молніей, ногаи считаютъ грѣшнымъ и нечистымъ. Такъ же, какъ самоубійцу, опойцу и утонувшаго, его нельзя хоронить вмѣстѣ съ прочими людьми.

Про радугу (а'й э н д у к) Кундровцы повторяютъ вѣрованіе славянскихъ народовъ, что она однимъ концомъ непременно упирается въ воду и всасываетъ ее въ себя съ такою силой, что на разстояніи 60 верстъ вокругъ втягиваетъ въ себя самыя большіе корабли, которые не удержатъ тогда никакія якоря, никакія цѣпи.

Б. Водяной.

Ногайцы Астраханскіе вѣрятъ въ существованіе водяного духа, котораго они называютъ—а л б а с л ы. Духъ этотъ, какъ и человѣкъ, бываетъ обоихъ половъ и плодится. Кромѣ воды, главнаго его мѣстопробыванія, албаслы водятся еще въ старыхъ баняхъ, на мельницахъ и на старыхъ кладбищахъ. Видомъ онъ похожъ на человѣка, но у него нѣтъ носовыхъ костей, а только одна ноздря. Тѣло его покрыто очень мягкой шерстью въ родѣ пуха, а ноги обращены ступнями назадъ. Если его ухватить за волосы и привести домой, то онъ дѣлается совсѣмъ какъ обыкновенный человѣкъ. У албаслы—необыкновеннаго размѣра груди, которыя висятъ до земли и

мѣшаютъ ему бѣгать. Если человѣкъ застанетъ его въ тотъ моментъ, когда груди у него впереди, то его легко догнать, если же онъ успѣетъ груди перекинуть на спину, то тогда его нельзя догнать даже на лошади.

Албаслѣ вредитъ человѣку во первыхъ тѣмъ, что стаскиваетъ его въ воду и топить, во вторыхъ старается у беременной женщины, когда она родить, вынуть душу, что ему иногда и удается.

Одинъ знающій, опытный человѣкъ поймалъ албаслѣ и сталъ его бить гашникомъ (ремнемъ) отъ штановъ (Албаслѣ только и можно бить гашникомъ; если его бить нагайкой, то албаслѣ тогда растеть, и чѣмъ больше его бить, тѣмъ ростъ идетъ быстрѣе). Плачетъ албаслѣ и общается, что больше вредить не будетъ и на глаза не будетъ показываться. Человѣкъ отпустилъ его, но взялъ два волоса въ залогъ. Если имѣть отъ албаслѣ волосы, то ужъ онъ никому вредить не можетъ. Взялъ этотъ человѣкъ волосы водяного, принесъ домой и положилъ въ коранъ. Албаслѣ все идетъ за нимъ и проситъ отдать волосы. Такъ и пришелъ онъ къ тому человѣку въ домъ и не уходитъ: все проситъ отдать волосы. Тотъ не отдаетъ и албаслѣ остался у него жить за работника. Проработалъ онъ около года. И вотъ однажды всѣ хозяева ушли на свадьбу. Дома остались только старухи и одинъ 5—6 лѣтній мальчикъ. Албаслѣ проситъ этого мальчика: „вынь изъ книжки два волоса, которые тамъ лежатъ и дай мнѣ“. Ребенокъ послушался. Албаслѣ выхватилъ отъ него волосы, бросилъ его самого въ котель съ кипящей водой и скрылся. Съ тѣхъ поръ уже онъ больше никому на глаза не показывался.

У Оренбургскихъ ногайцевъ водяной духъ называется с у а н а с ѣ (т. е. водяная мать). Каждая вода имѣетъ свою мать и никакой отдѣльный кусочекъ воды, хотя бы даже лужа, безъ матери не бываетъ. Су-анасѣ—женщина, у нея длинные волосы и груди до колѣнъ.

В. Домовой.

Кочующіе и полукочевые ногайцы не имѣютъ постояннаго, хорошо устроеннаго дома, а если кое-гдѣ и обзавелись имъ, то сравнительно очень недавно, вслѣдствіе чего и представленіе о духѣ дома виѣстѣ съ самимъ домомъ они заимствовали отъ русскихъ. Это видно изъ того, что они не имѣютъ даже собственнаго названія для домового, а называютъ его по русски. Они думаютъ, что домовый живетъ въ щеляхъ дома, а когда выходитъ оттуда, то изъ маленькаго дѣлается большимъ. Онъ давитъ иногда человѣка во снѣ, но если его ударить рукой на отмашь, то онъ отойдетъ и больше душиить не будетъ.

Оренбургскіе ногайцы называютъ домового и й - а л б а с т ы с ы или и й - а с ы и говорятъ, что это женщина съ волосами длиною въ 40 арш. и 70 грудями обложенными каждая 70-ю подушками. Главное занятіе ея пугать беременныхъ женщинъ, кобылицъ, коровъ, овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ, чтобы произвести выкидышъ. Въ качествѣ хозяйки дома и двора она завѣдуетъ домашней скотиной. Про домового повторяются рассказы, заимствованные, вѣроятно, отъ русскихъ, какъ онъ ѣздитъ и мучитъ скотину, иногда загоняя ее до смерти, какъ откармливаетъ ее, если она придется ему по вкусу, завиваетъ гривы и т. п.

Кромѣ этого духа Орен. ног. различаютъ еще мельничнаго домового — т ы г ы р м а н п и р и с ы или а л б а с л ы. Этого рода духи бываютъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ; они давятъ въ грудь того, кто заспится на мельницѣ.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что Ор. и Астр. Ногайцы считаютъ грѣхомъ употреблять въ пищу муку смолотую на вѣтряной мельницѣ (з ж и л - т ы г ы р м а н), вѣроятно потому, что вѣтряная мельница изобрѣтеніе болѣе новое, чѣмъ водяная.

На службѣ они разумѣется не справляются, гдѣ смолота мука, и въ свое оправданіе говорятъ, что всякое запрещеніе на пищу, даже не исключая и свинины, дѣйствительно только до тѣхъ поръ, пока ногаецъ находится у себя дома въ своей.

семьѣ. Разъ онъ вышелъ оттуда, всѣ запрещенія съ него снимаются.

Ж. *Атшии*.

Астраханскіе ногаи называютъ лѣснаго духа—т'и р'э кш а й т а н, а Оренбургскіе—Ш у р - а л ѣ. Первые говорятъ, что онъ является въ разныхъ видахъ: то человѣкомъ, то собакой, то просто огнемъ. Разскащикъ, Красноярскій ногаецъ, видѣлъ его разъ ночью въ видѣ огненной полосы, гнавшей за нимъ. Полоса эта обратилась потомъ во что то круглое, черное и катилась по его слѣдамъ, пока онъ не доскакалъ до рѣки. Оренбургскіе ногаи говорятъ, что ш у р - а л ѣ очень много, что они бываютъ мужскаго и женскаго пола и имѣютъ дѣтей. Видомъ они похожи на человѣка, но имѣютъ на рукахъ и ногахъ длинные когти. На человѣка они нападаютъ и могутъ зачекотать его до смерти.

Астрах. ног. думаютъ, что родъ человѣческій, съ тѣхъ поръ какъ живетъ на свѣтѣ, становится все хуже и грѣшнѣе, а потому все болѣе мельчаетъ: первые люди были великаны—и к ђ п а д а м, а потомъ измельчали и стали средняго роста; послѣ насъ же люди еще больше измельчаютъ и сдѣлаются совсѣмъ карликами—к ш к'э - а д а м.

Д. *Колдуны*.

У Астраханскихъ ногайцевъ такъ же, какъ и у всѣхъ не цивилизованныхъ народовъ, есть свои колдуны или знахари—ба х с а, мужчины и женщины. Послѣднія впрочемъ встрѣчаются гораздо рѣже. Если такой бахса находится гдѣ нибудь по близости, то считается необходимымъ звать его на каждую свадьбу и на всякое домашнее торжество, чтобы защитить себя отъ порчи. Кромѣ специальности врача бахса въ большинствѣ случаевъ является также лучшимъ знатокомъ и хранителемъ народныхъ преданій и пѣсенъ. Послѣднія онъ обязательно исполняетъ на свадьбахъ и другихъ торжественныхъ

собранияхъ, акомпанируя себѣ на балалайкѣ (д о м б р а). Такіе колдуны бываютъ изъ ногайцевъ и изъ киргизовъ; чаще всего они ведутъ бродячую жизнь, а потому въ томъ мѣстѣ, гдѣ они появляются, ихъ личность всегда окружена ореоломъ таинственности. Никому неизвѣстно, откуда они приходятъ и куда исчезаютъ. Это обстоятельство придаетъ имъ въ глазахъ народа еще большее значеніе. Про одного такого бахсу изъ киргизовъ Красноарскій ногаецъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее: У васъ въ семействѣ былъ тяжкій больной, котораго мы долго лѣчили разными домашними средствами, но совершенно безуспѣшно. Вдругъ однажды, неизвѣстно откуда, къ намъ является совершенно незнакомый бахса-киргизъ и прямо говоритъ: „у васъ есть больной такой-то, я пришелъ его излѣчить“. Осмотрѣвъ больного, онъ велѣлъ поискать въ степи сухую лошадиную кость изъ лопатки. Когда кость была найдена и принесена, бахса развелъ огонь, положилъ на него кость и кусокъ желѣза. Пока обжигалась кость и нагрѣвалось желѣзо, онъ, сидя на землѣ, качался всѣмъ корпусомъ и пѣлъ непонятныя пѣсни до тѣхъ поръ, пока изо рта у него не пошла бѣлая пѣна. Когда желѣзо накалилось до красна, бахса приложилъ его къ своему языку, такъ что языкъ его даже зашипѣлъ. Потомъ онъ ножомъ разрѣзалъ себѣ кончикъ языка и кровью своей капнулъ на раскаленное желѣзо. Затѣмъ взялъ обожженную кость, долго глядѣлъ на нее, истолокъ въ порошокъ, насыпалъ въ чашку съ водой, прибавилъ туда соли и все это размѣшалъ. Потомъ велѣлъ вывести больного на дворъ, сначала давалъ ему нюхать жженую шерсть, а въ заключеніе всего взялъ свою смѣсь изъ чашки въ ротъ и, прыкая этой жидкостью на раскаленное желѣзо, дулъ паромъ на больного. Въ концѣ концовъ онъ бросилъ чашку съ водой въ одну сторону, а желѣзо въ другую и объявилъ, что лѣченіе кончено, но, что, если оно не поможетъ, онъ придетъ въ другой разъ. Мы наградили бахсу деньгами и одеждой, рассказывалъ ногаецъ, сколько могли и черезъ три дня нашъ больной дѣйствительно выздоровѣлъ, а бахсы мы съ тѣхъ поръ больше не видали.

Силу бахсы ногайцы приписываютъ его знакомству и общенію съ нечистой силой, съ шайтаномъ.

7. Свадебные обряды ¹⁾.

Инициатива въ выборѣ невесты для молодого парня принадлежитъ по обычаю его родителямъ. Женитьба противъ воли родителей считается большимъ грѣхомъ. Свадьба начинается со сговора (с ѹ з - к о й д ѣ м). Онъ бываетъ иногда за 2, за 3 года до свадьбы (Ю). Сговариваться къ родителямъ невесты ходятъ обыкновенно сваты (к ѡ н с ѧ —Ю., д ж 'а ѹ ш 'ѡ —К., к х у д а —О.Т.), которыми бываютъ преимущественно мужчины. Если есть у жениха родноѣ отецъ, то онъ идетъ сватомъ, за отсутствіемъ его—старшій братъ или ктонибудь изъ старшихъ родственниковъ-мужчинъ. Въ крайнемъ только случаѣ сватовствомъ занимается мать жениха или его старшая сестра (К.).

Родители невесты, получивъ предложеніе на бракъ ихъ дочери, для рѣшенія вопроса объ этомъ бракѣ собираютъ иногда всѣхъ своихъ родственниковъ на семейный совѣтъ (к и й н а ш - э ш ѧ н д а —О., к х у д а л ѹ к - ш ѧ н д ѡ —К.). Главный вопросъ, который рѣшается на сговорѣ,—это вопросъ о калынѣ (к а л ы н О. и О.Т., к а л а н —К.), т. е. о приданомъ, которое женихъ даетъ невестѣ. Размѣръ такого приданого простирается отъ 100 до 1000 р. Оно уплачивается всегда до свадьбы и цифра его заносится въ книгу муллоѣ на случай какихъ либо недоразумѣній между супругами.

Ногайцы различаютъ три категоріи свадебныхъ расходовъ жениха: 1) Собственно к а л ы н, т. е. приданое въ видѣ вещей, выдающееся на руки родителямъ невесты, 2) свадебное угощеніе и 3) денежный подарокъ.

¹⁾ Сводя здѣсь въ одно мѣсто свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, собранныя мною отъ Кундровскихъ, Юрговскихъ и Оренбургскихъ ногайцевъ, я буду мѣстами приводить для сравненія свадебные порядки Оренбургскихъ татаръ казаковъ (Воздвиженской станицы). Матерьялъ, собранный отъ первыхъ, я буду помѣчать въ скобкахъ буквой К, отъ вторыхъ Ю, третьихъ О, а четвертыхъ О.Т.

Собственно калынь готовится родителями жениха за нѣсколько времени до свадьбы и выдается невѣстѣ въ готовомъ видѣ (О. и К.) или же уплачивается скотомъ (К.). Кромѣ бѣлья и платья сюда входятъ: 1) серебряный кушакъ (к у с а к—К.), 2) серебряный же женскій головной уборъ, носимый на лбу въ видѣ козырька (м и з в ѹ к К.), 3) сафьянные чулки до колѣнъ (м и с К, с ш ѣ т ѣ к—О.)—красные (К и О) или желтые (О); 4) туфли (к а т а—О, к у к с а у р л ѣ—К.)—зеленныя (К и О), красныя или черныя съ шелковой кистью (О.). Затѣмъ слѣдуютъ: перина, подушка, одѣяло, сундукъ, мѣдный тазъ и мѣдный кувшинъ (к у н ѣ н—О, к у м г ѣ н—К.).

Свадебное угощеніе (т у й - ѣ ш ѣ—О, т а р т ѹ т о й ѣ л ѣ—К.) выдается обыкновенно въ видѣ провизіи, изъ которой родственники невѣсты изготовляютъ свадебныя блюда (О), или въ видѣ живого скота (т о й - м а л.—К.).

Вотъ примѣрное количество съѣстныхъ припасовъ, заготавливаемыхъ порядочнымъ женихомъ у Оренбургск. погайцевъ: муки крупитчатой 1—2 пуда, говядины—2 п., масла коровьяго— $\frac{1}{2}$ п., меду— $\frac{1}{2}$ п., чаю—3 ф. и сахару—10 ф. У Кундровцевъ въ видѣ т о й - м а л а (свадебнаго скота) даютъ: корову, кобылу, или нѣсколько овецъ и прибавляютъ къ этому нѣсколько кирпичей калмыцкаго чаю (т о й - ш а й).

Денежный подарокъ (т а р т ѹ—О) дается или самой невѣстѣ (О) вмѣстѣ съ калыномъ въ количествѣ 30—40 р., причѣмъ все, приобретенное на эти деньги (м а н ѣ р ь—О.), считается неотъемлемою собственностью невѣсты и не отбирается отъ нея даже въ случаѣ развода, или раздается женихомъ родственникамъ невѣсты во время самой свадьбы по 1 р. или по 50 к. на каждаго (К.).

Когда переговоры на сговорѣ окончены къ общему удовольствію, то отецъ жениха или его замѣнитель даритъ невѣстѣ въ видѣ задатка платокъ (к у л з ж ' а л ѣ О., ж ' а у д ѣ н ѣ Ю.)

Невѣста или ея родители иногда отдариваютъ жениха (К.) довольно цѣнными подарками. Такъ у Кундровцевъ дарит-

ся: зеленый, шелковый халатъ (к х а т п а л) съ серебрянымъ галуномъ, шелковый кушакъ ч и в ѹ к - б и л ь в ѹ), шелковая тюбетейка съ серебрянымъ галуномъ, кисеть (ш о н т а й) и серебряное кольцо (д ж ѹ з ѹ к).

У Оренбургскихъ татаръ весь калынь цѣликомъ безъ всякихъ подраздѣленій выдается родителямъ невѣсты деньгами.

Хотя у магометанъ считается официально, что женихъ не видитъ своей невѣсты въ лицо до совершенія свадебнаго обряда, но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ даже у татаръ, гдѣ сравнительно строже наблюдается затворничество женщины и отчужденіе половъ. Всегда есть возможность увидѣть свою невѣсту украдкой черезъ окно съ улицы или какъ-либо иначе. У Ногайцевъ же женихъ передъ свадьбой всегда можетъ устроить себѣ свиданіе съ невѣстой, если обратится для этого къ ея родственницамъ (К.). Свиданіе совершается тайно или, по крайней мѣрѣ, должна быть соблюдена кажущаяся тайна.

Это обыкновенно бываетъ ночью. Невѣста является въ назначенное мѣсто въ сопровожденіи своихъ родственницъ съ непокрытымъ лицомъ; бесѣда и угощеніе продолжаются цѣлую ночь (К.).

У Оренбургскихъ ногайцевъ, гдѣ дѣвушки ходятъ съ непокрытымъ лицомъ, отношеніе между полами гораздо болѣе свободно, такъ что въ подобномъ свиданіи не представляется никакой надобности. Однако и у нихъ передъ свадьбой тайно отъ муллы и стариковъ устраивается вечеринка, называемая— б у л ы ш. На вечеринку сходятся женихъ съ своими товарищами и невѣста съ подругами. Когда всѣ участвующіе соберутся и усядутся, то одинъ парень встаетъ и говоритъ коротенькую рѣчь ¹⁾, въ которой приглашаетъ присутствующихъ парней сдѣлать складчлну на угощенье, а потомъ обходитъ ихъ съ шапкой, въ которую каждый кидаетъ деньги, сколько можетъ. Затѣмъ на собранный такимъ образомъ капиталъ

¹⁾ Вотъ какъ произносится эта рѣчь по ногайски: «Айшабаз, айшабаз. ат бирсан азар, тун бирсан тузар. Барнанда быр тыһин, быр ахшаузар. Баянша с'эмын'э с'эн'энестэннан бирыһа тра йтмышлык танк'э!»

закупаются все, что нужно для угощенія, не исключая и водки, и начинается вечеринка съ танцами. Женихъ и невѣста должны первые начать танцы, которые потомъ продолжаются всю ночь.

Свадьбы у ногайцевъ могутъ совершаться круглый годъ кромѣ поста у р а з а - а й ъ, но чаще всего онѣ бывають весной и осенью. Начинается свадьба преимущественно въ среду или четвергъ. Люди ученые (мулла и азанча) называютъ свадебный обрядъ—т у й - м а з э л и с ъ, обыкновенные же—т у й (О.) или т о й (К.).

Свадебные торжества продолжаются у Ногайцевъ отъ 1-го до 5 дней. Самое вѣнчаніе или лучше сказать, официальное заключеніе муллою свадебнаго договора совершается у Оренбургскихъ Ногайцевъ и татаръ на первый день свадьбы утромъ, а у Астраханскихъ—на третій день вечеромъ. Вѣнчаніе происходитъ всегда въ домѣ невѣсты. Мулла и азанча или прямо приходятъ туда и посылаютъ къ жениху и невѣстѣ узнать ихъ согласіе на бракъ (К. Ю. и О.Т.) или предварительно собираются у жениха и оттуда ѣдутъ вмѣстѣ съ его родственниками въ домъ невѣсты (О.).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ родственники невѣсты встрѣчаютъ пріѣхавшихъ залпомъ изъ ружей, на что поѣздъ жениха отвѣчаетъ тѣмъ же.

Когда получено согласіе брачующихся и ихъ родителей, зажигаются двѣ свѣчи (ш а м Ю.). Мулла читаетъ, что такіе-то вѣнчаются и калыну дается столько-то, и въ заключеніе произноситъ молитву.

Свадебныя торжества заключаются въ томъ, что родственники жениха и невѣсты собираются то въ домѣ жениха, то въ домѣ невѣсты, и тамъ угощаются. Порядокъ такихъ собраний видѣнъ изъ нижеслѣдующей таблицы:

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

Юргов.	Кундров.	Оренб. ног.	Оренб. тат.
<p style="text-align: center;">Утромъ.</p> <p>Женщины родственницы жениха и невѣсты собираются въ домъ жениха.</p> <p style="text-align: center;">По полудни.</p> <p>Мужчины родственники жениха и невѣсты собираются у жениха.</p> <p>Всю ночь вечеринка съ танцами для молодежи обоого пола.</p>	<p>Въ домѣ невѣсты совершаются приготовления къ свадьбѣ, рѣжется скотъ, подаренный женихомъ. Собираются родственники невѣсты обоого пола. Близкіе помогаютъ по хозяйству, дальніе угощаются.</p> <p>У жениха въ то же время собираются его родственники.</p>	<p style="text-align: center;">Утромъ.</p> <p>Родственники жениха и невѣсты, мужчины собираются въ домъ невѣсты.</p> <p style="text-align: center;">Вѣнчаніе.</p> <p style="text-align: center;">По полудни:</p> <p>Родственники жениха и невѣсты угощаются у невѣсты.</p> <p style="text-align: center;">Вечеромъ.</p> <p>Приѣздъ жениха въ домъ невѣсты.</p>	

ВТОРОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

<p style="text-align: center;">Днемъ:</p> <p>Отдыхъ.</p> <p>Всю ночь вечеринка съ танцами для молодежи обоого пола.</p>	<p style="text-align: center;">Утромъ:</p> <p>Мужчины и женщины родственники невѣсты собираются къ невѣстѣ.</p> <p style="text-align: center;">По полудни:</p> <p>Скачки (см. ниже). Женихъ приходитъ къ невѣстѣ со своимъ угощеніемъ.</p>		<p>Женщины родственницы жениха и невѣсты угощаются въ домѣ невѣсты.</p>
---	--	--	---

ТРЕТІЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

Юртов.	Кундров.	Оренб. ног.	Оренб. тат.
<p>По полудни:</p> <p>Мужчины, родственники жениха и невесты, собираются въ домъ невесты.</p> <p>Вънчаніе.</p> <p>Всю ночь вечеринка.</p>	<p>Утромъ:</p> <p>Вънчаніе.</p> <p>Женихъ даритъ родственниковъ невесты деньгами.</p>		<p>Мужчины, родственники жениха и невесты, собираются въ домъ невесты.</p>

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

<p>Утромъ невеста ѣдетъ въ домъ жениха; угощаются до вечера. Невеста остается у жениха.</p>			<p>Женщины, родственницы жениха и невесты, собираются въ домъ жениха.</p>
---	--	--	---

ПЯТЫЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

<p>Молодыхъ возятъ показывать роднымъ.</p>			
--	--	--	--

Теперь обратимся къ отдѣльнымъ эпизодамъ свадебныхъ торжествъ:

Вечеринки для молодежи обоого пола (Баштанà р Ю, бас-танà р—К.) начинаются часовъ съ 9 вечера. Парни садятся по одной стѣнѣ хаты или кабинки, дѣвушки по другой. Два парня выходятъ на середину и танцуютъ подъ гармонику, на которой играютъ дѣвушки (это ихъ специальный инструментъ). Когда они кончатъ, выходятъ двѣ дѣвушки и танцуютъ подъ пѣсни парней и акомпаниментъ баладайки

(домбра). Потомъ снова танцуютъ парни и т. д. Дѣвушки, присутствующія на вечеринкѣ, прикрываютъ свои лица большимъ платкомъ краснаго цвѣта (шархат (Ю)), который служитъ одновременно для 2-хъ, 3 и даже 6 дѣвушекъ.

Разговоры между парнями и дѣвушками считаются грѣховными и неприличными: разговаривать могутъ только парни съ парнями, а дѣвушки съ дѣвушками. Но, разговаривая между собою, парни отпускаютъ разныя шутки и остроты въ сторону дѣвушекъ: видають, напр., имъ въ шутку мелкую монету, будто бы въ награду за хорошіе танцы и т. п. Дѣвушки отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. На вечеринкахъ обязательно присутствуютъ женихъ или невѣста, смотря по тому, въ чьемъ домѣ происходитъ вечеринка. Если она въ домѣ жениха, то присутствуетъ женихъ, если въ домѣ невѣсты, то невѣста, но разомъ оба не бываютъ. Впрочемъ, хотя они и присутствуютъ, но въ танцахъ, музыкѣ и въ пѣсняхъ участія не принимаютъ.

На свадьбахъ Оренбургскихъ Ногайцевъ и Татаръ обязательно принадлежностью свадебнаго обряда считается пѣніе байда. Слово байдъ известно всѣмъ татарамъ и ногайцамъ, исключая Кундровцевъ. Подъ байдомъ разумѣются стихотворенія съ напѣвами на современные темы. Мнѣ удалось записать нѣсколько такихъ стихотвореній отъ татаръ разныхъ мѣстностей и они будутъ въ свое время напечатаны вмѣстѣ съ татарскими пѣснями, теперь же скажу только, что байдъ ни у татаръ, ни у ногайцевъ никогда не смѣшивается съ пѣсней. Пѣсни поетъ почти всякій татаринъ или ногаецъ, байдъ же извѣстенъ только грамотникамъ и особымъ специалистамъ — байдс'ѣ (О.).

По формѣ стиха байдъ отличается отъ пѣсни, сложенной обыкновенно изъ четверостишія, своей относительной длиной. Тогда какъ пѣсни сохраняются только въ народной памяти, байды, какъ мнѣ передавали, поются иногда и по книжкѣ. Словомъ, байдъ у татаръ и у ногайцевъ является продуктомъ новѣйшаго времени и личнаго творчества въ отличіе отъ пѣсни — продукта творчества бессознательнаго, массоваго.

У Оренбургскихъ ногайцевъ байдъ играетъ на свадьбѣ весьма почетную роль: семейства жениха и невѣсты приглашаютъ изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ по 5—6 байдс'ѣ. Если не наберется таковыхъ изъ знакомыхъ, нанимаютъ специалистовъ, извѣстныхъ своимъ знаніемъ байда. Вечеромъ въ день свадьбы обѣ партіи байдс'ѣ становятся на дворѣ одна противъ другой и состязаются поочередно въ пѣніи въ присутствіи всѣхъ участвующихъ на свадьбѣ. Побѣдителемъ считается та сторона, которая перепоеетъ другую, т. е. будетъ пѣть тогда, когда противоположная партія уже истощитъ весь свой репертуаръ.

У Оренбургскихъ татаръ байдъ, хотя тоже исполняется на свадьбѣ, но уже не при такой обстановкѣ. Специалисты байдс'ѣ здѣсь не нанимаются, а со стороны невѣсты ихъ не бываетъ и вовсе. Байдъ поютъ грамотные байдс'ѣ изъ родственникововъ жениха въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ ними и съ своими холостыми пріятелями ѣдетъ къ невѣстѣ. Исполненіе байда перемежается тогда выстрѣлами изъ ружей и револьверовъ, раздающимися съ экипажей во все время дороги. Если байдъ, которые при этомъ поются, длинны, а дорога до невѣсты коротка, то жениха возятъ нарочно изъ одного конца деревни до другого, пока байдъ не будетъ оконченъ.

У Астраханскихъ ногайцевъ байдъ на свадьбѣ поетъ только бахса (колдунъ) подъ аккомпаниментъ балалайки (домбра), если только онъ случится по близости¹⁾.

Являясь въ домъ невѣсты, женихъ привозитъ съ собою угощеніе для нея и ея родныхъ. У Оренбургскихъ татаръ все это угощеніе складывается въ особый сундукъ, который привозится старшимъ братомъ жениха или однимъ изъ его родственникововъ. Въ сундукъ кладутся: зеркало, мыло и другія туалетныя принадлежности и гостинцы, какъ то: вишмишъ, конфеты, орѣхи и пр. Онъ вынимается изъ повозки и передается въ распоряженіе невѣсты, а та угощаетъ своихъ родныхъ, кого и какъ хочетъ.

¹⁾ О скачкахъ на свадьбѣ у Астраханскихъ Ногайцевъ см. ниже.

У Красноярскихъ ногайцевъ женихъ приходитъ въ домъ невѣсты на второй день свадьбы, послѣ скачекъ, около полночи и приноситъ съ собою водку (въ боченкѣ), сѣмечки (ас), пряники, вишмишь и пр., и угощаютъ родственниковъ невѣсты.

У жениха есть обыкновенно пріятель или его старшій братъ, который играетъ роль нашего дружки. У Оренбургскихъ татаръ, какъ мы видѣли, онъ привозитъ къ невѣстѣ сундукъ съ подарками, онъ же отводитъ жениха въ каморку, гдѣ устроено ложе новобрачныхъ, онъ же на другой день является первымъ поздравлять жениха, за что получаетъ отъ него подарокъ, а самъ кладетъ на столъ деньги въ пользу молодыхъ.

У Красноярскихъ ногайцевъ на третій день свадьбы утромъ, когда состоится вѣнчаніе, для молодыхъ отводится особая кибитка или землянка, которая раздѣляется пополамъ занавѣской (ш э м л д ѣ к). Въ одной половинѣ сидятъ женихъ съ невѣстою и съ ближайшими пріятелями обоихъ, парнями и дѣвушками. Всѣ дѣвушки сидятъ съ открытыми лицами разговариваютъ съ парнями и „балуютъ“. А въ другой половинѣ сидятъ братья жениха и невѣсты и ихъ родственники и угощаются.

Это продолжается до обѣда, а послѣ обѣда всѣ уходятъ изъ кибитки и остаются только женихъ съ невѣстою и одинъ изъ пріятелей жениха (к у й ѳ к ж у л д а с), играющій при женихѣ роль его тѣлохранителя. Онъ долженъ быть безотлучно при молодыхъ, пока они остаются въ отведенномъ для нихъ помѣщеніи въ теченіи 2-хъ или 3-хъ дней.

Невѣста и женихъ спятъ за пологомъ въ одной половинѣ кибитки, а ихъ тѣлохранитель въ другой.

Когда женихъ въ первый разъ остается съ невѣстою съ глазу на глазъ, онъ привѣтствуетъ ее словами: „И с а н а с ѣ ѳ м о“, а она ему отвѣчаетъ: „А л л а н ѳ ш ы к ы р с ѳ ѳ“ (О. Т.) Затѣмъ невѣста должна развязать у жениха поясъ, что она конечно дѣлаетъ не безъ смущенія. Чтобы еще больше увеличить ея смущеніе шиваютъ нарочно два кушака концами

вмѣстѣ и одинъ конецъ заворачиваютъ прямо на нижній халатъ, а другой продѣваютъ въ рукавъ верхняго халата (кушавомъ подпоясывается нижній халатъ). или прибѣгаютъ еще къ какой-нибудь подобной хитрости, чтобы затруднить развязываніе кушака (О. Т. и К.).

Если женихъ найдетъ невѣсту пеневиной, то разбиваетъ первую посудину, которую она ему подаетъ, чтобы дать объ этомъ знакъ присутствующимъ. Но публично такую дѣвушку не срамятъ, потому что, если мужъ не захочетъ съ ней жить, то можетъ хоть на другой же день послѣ свадьбы получить разводъ (о й - й э р а) (О. Т.)

У Красноярскихъ ногайцевъ, если женихъ найдетъ невѣсту невинною, онъ кладетъ подъ подушку 1 р. въ пользу родственницы невѣсты, исполняющей при ней должность что-то вродѣ подружки (д ж и н ё м или д ж и н а й), если же нѣтъ, то денегъ подъ подушку не кладетъ и этимъ все ограничивается.

У Оренбургскихъ ногайцевъ женихъ проводитъ съ невѣстой первую брачную ночь въ ея домѣ и на другой день ходитъ съ нею вдвоемъ въ баню, такъ, чтобы никто этого не видалъ. Послѣ того двѣ недѣли они никуда не выходятъ изъ дому и никто ихъ не видитъ.

У Оренбургскихъ татаръ первая брачная ночь проводится также въ домѣ невѣсты, и молодые первые 4 дня ходятъ по вечерамъ въ баню. Помывшись въ банѣ, женихъ всякій разъ оставляетъ тамъ рубль или полтора, въ пользу той родственницы невѣсты, которая топить баню. Положить эти деньги онъ старается такъ, чтобы ихъ было трудно найти, что дѣлается для шутки. Цѣлую недѣлю молодые никуда не выходятъ изъ дому. Въ это время къ молодому приходятъ его родственники и холостые товарищи поздравлять. Онъ даритъ имъ перчатки, ручки и пр., а они оставляютъ на столѣ деньги.

У Царевскихъ ногайцевъ первая брачная ночь проводится въ домѣ жениха. На четвертый день свадьбы парни, то-

варищи жениха, собираютъ между собою въ складчину деньги и на нихъ угощаютъ жениха и невѣсту цѣлый день часовъ до 7—8 вечера, послѣ чего уже наступаетъ свадебная ночь. На слѣдующій день ихъ ведутъ показывать всѣмъ роднымъ.

По окончаніи брачнаго двухнедѣльнаго заключенія молодыхъ у Оренбургскихъ ногайцевъ наступаетъ обрядъ „здорованья“ жениха съ тестемъ и тещею, называемый саўбулсѣ. При этомъ обрядѣ молодые получаютъ въ подарокъ отъ тестя козу, овцу или корову, послѣ чего женихъ возвращается къ себѣ домой, а невѣста остается у своихъ родителей еще на 1, 2 или 3 недѣли, при чемъ мужъ посѣщаетъ ее только по праздникамъ. По окончаніи этого срока молодые переходятъ наконецъ въ домъ мужа.

У Красноярскихъ ногайцевъ послѣ трехдневнаго заключенія молодую одѣваютъ въ костюмъ замужней женщины (м и з в и в—головной уборъ въ родѣ козырька, чимбѣр—головной уборъ и большой бѣлый платокъ—т а с т à р) и женихъ ведетъ ее въ свой домъ.

У Оренбургскихъ ногайцевъ заключеніе молодыхъ продолжается только недѣлю. Послѣ этого младшій братъ молодого пріѣзжаетъ за нимъ въ экипажѣ и увозитъ домой, потомъ снова посылаютъ экипажъ за молодой и, когда она пріѣдетъ, свекоръ выводитъ на дворъ какую-нибудь скотину, которую онъ даритъ молодой. Въ отвѣтъ на это молодая надѣваетъ на скотину ручникъ, платокъ или рубашку, которые поступаютъ въ подарокъ тому, кто выводилъ скотину на дворъ. Послѣ того молодыхъ угощаютъ и они возвращаются на ночь къ родителямъ невѣсты. Большинство мужей остаются жить у тестя отъ 3-хъ мѣсяцевъ до года, иные же до двухъ лѣтъ. Дѣлается это, какъ мнѣ говорили, въ вознагражденіе за калынь. Въ теченіе этого срока мужъ кормится и ночуетъ у тестя, а работать ходитъ домой. Даже если бы онъ вздумалъ развестись съ женою на другой день послѣ свадьбы, что ему позволяется обычаемъ, то и тогда онъ имѣетъ право кормиться у тестя

до 3-хъ мѣсяцевъ. Разведенная же жена раньше этого срока не можетъ снова выйти замужъ.

У Оренбургскихъ ногайцевъ, если женится вдовецъ или уже женатый, на второй женѣ или на третьей, то у тестя онъ остается только на 2—3 дня, а затѣмъ возвращается домой.

Чтобы заключить свадебный обрядъ ногайцевъ, необходимо перечислить нѣсколько блюдъ, которыми угощаютъ на ногайскихъ свадьбахъ, такъ какъ угощеніе играетъ здѣсь не послѣднюю роль:

У Оренбургскихъ ногайцевъ пекутъ свадебный хлѣбъ (к о т л а м а), замѣшанный на маслѣ съ медомъ и кипмишемъ и завернутый въ видѣ спирали, который и подается вмѣстѣ съ прочими угощеніями.

Изъ суповъ ѣдятъ: 1) к у л л а м а—супъ изъ баранины и съ мелкой квадратной лапшой (О); 2) а л п а м а—такой же супъ съ крупной (дюйма 4) квадратной лапшой (О.). Затѣмъ подаются въ вареномъ видѣ баранина, говядина и конина, а самымъ почетнымъ гостямъ подносятъ большой м о с о д л, т. е. большую кость съ мясомъ (О.).

Потомъ слѣдуетъ одно изъ самыхъ любимыхъ блюдъ ногайца п и л а в ѣ п л о ф (Ю.), или п а л а у (К.), это—вареное пшено, слегка прожареное между двумя сковородами, съ бараниной, бараньимъ саломъ и изюмомъ (К. и Ю.). Наконецъ, слѣдуетъ цѣлый рядъ различныхъ пироговъ: 1) м а л ы ш (Ю) или б а л и ш (К.), б а л ы ш (О. Т.) пирогъ изъ пшеничной муки съ бараньимъ, или какимъ-нибудь другимъ мясомъ. На свадьбѣ онъ готовится въ видѣ круга аршина полтора въ діаметрѣ (Ю.); 2) к у ы р м а - б у р ѣ к (Ю) или к у у р м а - б у р ' у к (К.)—четыреугольные пирожки съ бараниной, дюйма 2 шириной и дюйма 4 длиной; 3) ш е р п ы л ы - к о т л а м а—тонкое тѣсто, свернутое въ трубочку и сваренное въ бараньемъ салѣ, въ родѣ нашего хруста (О.); 4) т ' э л и к х ѳ ш—такое же тѣсто только въ видѣ четырехъугольниковъ (О.); 5) л у к ѣ м сдобные колобки (О.); 6) ш и ш а р а—сдобные колобки дюйма два въ діаметрѣ (О. Т.); 7) й у о с ' а—лепешка, печеная на

маслѣ (О. Т.); 8.) баурсак—тоже, что шишара, но изъ мелкихъ кусковъ тѣста величиною въ обыкновенный орѣхъ (О. Т.); 9) бурѣк (Ю.) или бур'уѣк (К.)—маленькіе пирожки, въ родѣ нашихъ варениковъ, изъ пшеничной муки съ кишмишевой начинкой, сваренные въ водѣ въ видѣ похлебки; 10) каз-бурѣк—длинный четырехугольный пирогъ изъ очень тонко раскатаннаго тѣста, замѣшаннаго съ бараньимъ саломъ, съ начинкой изъ грецкихъ орѣховъ (Ю.); 11) шикѣр-шурѣк (Ю.) или шикѣръ-ш'ур'уѣк (К.)—круглые колобки, толщиною въ два пальца изъ пшеничной муки, на бараньемъ салѣ съ сахаромъ и медомъ, 12) пахлаѹа—такого же тѣста колобокъ, но четырехугольный (Ю.); 13) хатпър (К.) или хатпър (Ю.)—тонкія сухія пластинки изъ тѣста съ кишмишомъ, поджаренныя на бараньемъ салѣ въ видѣ круглыхъ лепешекъ около 1 ф. въ діаметрѣ.

Кромѣ того къ лакомствамъ, неизбѣжнымъ на свадьбѣ, принадлежатъ базарныя конфекты, пряники, орѣхи и медъ.

Изъ напитковъ употребляются: русскій чай (куе-шай) (К.) съ сахаромъ въ прикуску, а у Астраханскихъ ногайцевъ кромѣ того калмыцкій чай (калмык-шай или кара-шай) (К.) и кумысъ.

8. Отношеніе между полами.

Изъ трехъ разсматриваемыхъ мною мѣстностей свободнѣе всего отношенія между полами у Оренбургскихъ ногайцевъ. У нихъ существуютъ правильныя собранія молодежи (уйэнъ), имѣющія большое сходство съ нашими бесѣдами и посидѣнками. На такія бесѣды зимой, въ назначенномъ для того домѣ (уйэнъ), дѣвушки собираются обыкновенно съ работою: онѣ или прядутъ, или вяжутъ пуховые платки. Работа продолжается до 11—12 часовъ ночи, послѣ чего она оставляется и начинаются танцы, пѣсни и игры. Между прочимъ существуетъ у Оренб. ногайцевъ интересная игра, которая называется жигитлар-брлай кызлар уйэнъ. Въ такой игрѣ участвуютъ парь

10 молодежи обоого пола. Всѣ садятся вокругъ хаты на нары попарно: парень—дѣвушка, парень—дѣвушка и. т. д. Первый парень справа (или, какъ козакъ выражаются, съ праваго флангу) долженъ пропѣть своей дѣвухкѣ какую-нибудь пѣсню, которая, по его мнѣнію, больше всего къ ней подходитъ и въ которой дѣвушка по возможности представлялась бы въ лучшемъ свѣтѣ. Затѣмъ первая пара встаетъ съ своихъ мѣстъ. Парень беретъ дѣвухку лѣвой рукой подъ грудь, а правой черезъ спину и поднимая ее въ нѣсколько наклонномъ положеніи дѣлаетъ полный оборотъ на мѣстѣ и опускаетъ дѣвухку на землю. Между тѣмъ въ это время второй парень начинаетъ пѣсню своей дѣвухкѣ и повторяетъ то-же, что дѣлалъ первый. Такъ очередь обходить всѣхъ участвующихъ. Потомъ, когда всѣ кончатъ, очередь переходитъ опять къ первой парѣ. Если ктонибудь изъ парней не сумѣетъ сиѣть пѣсню, то онъ долженъ вмѣсто себя нанять другого.

Такъ играютъ всю ночь. Дѣвушки при этомъ пѣсенъ не поютъ, да и вообще онѣ могутъ пѣть только въ тихомолку, потому что пѣніе для дѣвушки считается дѣломъ неприличнымъ. Такая же точно игра существуетъ и у Красноярскихъ ногайцевъ подъ названіемъ а й л'а ѳ н - м а ѳ ѳ н, но она устраивается тамъ по секрету отъ стариковъ.

Танцы между парнями и дѣвушками у Оренб. ногайцевъ ведутся относительно свободно, т. е. мужчины танцуютъ въ парѣ съ дѣвушками, а не между собою, какъ у астраханскихъ ногайцевъ. Изъ танцевъ здѣсь въ употребленіи слѣдующіе: к а с ѳ м и с к е, з а й н а п х а н, б а р ы н я, к а м а р с к а (камаринская) и к а з а ч к а. Такіе танцы бывають между прочимъ во время с а б а н - т о я. Въ то время, какъ одна часть молодежи принимаетъ участіе въ различныхъ состязаніяхъ, другая въ сторонѣ танцуетъ.

Парни съ дѣвушками сходятся еще на помочахъ ы м ѣ, которыя устраивають у себя мулла, азанча и богатые обыватели станицы. Здѣсь по окончаніи работы особенно много поется пѣсенъ.

Вечеринки съ танцами, на которыя собирается молодежь обоюго пола (баштанъ р или бас-тан-нъ р), и о которыхъ я упоминалъ раньше при описаніи свадьбы, бывають у Астраханскихъ ногайцевъ не только на свадьбѣ, но и въ теченіе года по большимъ праздникамъ, только на нихъ нѣтъ уже той свободы, какая господствуетъ у Оренбургскихъ ногайцевъ.

Изъ танцевъ здѣсь употребительны: у Красноярскихъ ногайцевъ—ахшатѣр, байнды, шил'эвѣ и айнанѣм, а у Царевскихъ танецъ белу.

Гораздо меньше свободы въ отношеніяхъ половъ мы встрѣчаемъ у Оренбургскихъ татаръ казаковъ. Здѣсь общихъ собраній парней съ дѣвушками не бываетъ вовсе. Вечеринки бывають у дѣвушекъ отдѣльно (кызлар-уйн), у парней отдѣльно (жигитлар-уйнѣн).

Въ станицѣ Воздвиженской считается 200—300 дворовъ, въ томъ числѣ 16 дворовъ козаковъ-великороссовъ, а остальные-татаръ. Такъ какъ русскіе остаются въ меньшинствѣ, то они приспособляются къ жизни казаковъ-татаръ, т. е. всѣ говорятъ свободно по татарски и большинство поетъ татарскія пѣсни. На русскія бесѣды парни-татары ходятъ наравнѣ съ русскими и танцуютъ и играютъ съ ихъ дѣвушками совершенно свободно. Странно, что и дѣвушки-татарки тоже допускають на свои собранія русскихъ парней въ качествѣ зрителей и не закрываютъ отъ нихъ своихъ лицъ, тогда какъ татары-парни могутъ наблюдать за такими бесѣдами только тайкомъ черезъ окно.

Казалось бы, что при такихъ строгостяхъ религіознаго закона, нравственность молодежи должна бы была стоять у татаръ выше, чѣмъ у другихъ народовъ. Но практика часто расходится съ теоріей, природа беретъ свое. Между юношами ногайцами и татарами такъ же мало людей, не вкусившихъ запретнаго плода, какъ и между русскими. Каждый джигит имѣетъ свою возлюбленную дѣвушку, съ которой видится потихоньку отъ ея родителей. О существованіи этого факта знаетъ,

конечно, всякій семьянинъ изъ своего жизненнаго опыта, а потому общественное мнѣніе смотритъ довольно снисходительно на увлеченія молодежи. Если парень живетъ съ дѣвушкой, то въ деревнѣ, гдѣ всѣ одинъ другого знаютъ, трудно сохранить это обстоятельство въ тайнѣ. У Красноярскихъ ногойцевъ даже родители дѣвушки не ставятъ препятствій своей дочери, если замѣтятъ, что она въ связи съ какимъ нибудь парнемъ. Только если появятся вещественные слѣды этой связи, въ видѣ ребенка, то заставляютъ парня жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ, если же слѣдовъ нѣтъ, то родители нисколько не беспокоятся за дочь, потому что она всегда можетъ найти себѣ мужа, если увлекалась только однимъ мужчиной.

Старыми дѣвами рискуютъ остаться только тѣ, про которыхъ извѣстно, что онѣ дарили свою любовь многимъ.

9. Состязательныя скачки.

Сабанъ-той или свадьба сохи у Оренбургскихъ ногойцевъ-казаковъ бываетъ каждую весну, какъ только снѣгъ сойдетъ съ полей и земля немного подсохнетъ, недѣли за двѣ до начала полевыхъ работъ. Точное время праздника опредѣляетъ обыкновенно мулла. Еще за недѣлю до сабанъ-тоя начинаются репетиціи конныхъ скачекъ, бѣга и состязаній въ борьбѣ. Въ то же время начинается сборъ денегъ, ситцевъ и съѣстныхъ припасовъ, которые раздаются въ качествѣ приза побѣдителямъ на сабанъ-тоѣ.

Сборомъ всего этого занимаются молодые парни, мальчики и дѣвочки, которые ходятъ для этого по дворамъ.

Молодухи, вышедшія замужъ въ этомъ или прошломъ году, должны непременно дать на сабанъ-той по нѣскольکو аршинъ ситца. Кромѣ того ситецъ и деньги собираются отъ станичнаго кабатчика и лавочника и отъ всѣхъ зажиточныхъ казаковъ. Остальные, менѣе состоятельные жители станицы, жертвуютъ крашенныя яйца (б у й а ѱ л'э - к у к а й), а кто и этого не можетъ дать, тотъ даетъ такъ называемую ш и ш а р у

т. е. мелкіе куски тѣста величиною съ орѣхъ, сдѣланные изъ пшеничной муки съ масломъ и яйцами и поджаренные на маслѣ. Шйшара у ногайцевъ Оренбургскихъ—кушанье, неразлучное съ праздникомъ сабанъ-тоя.

Наканунѣ дня, назначеннаго для праздника, мулла посылаетъ кого-нибудь изъ казаковъ въ качествѣ герольда объявить объ этомъ станичнымъ обывателямъ. Посланный ѣдетъ по станицѣ верхомъ и кричитъ „иртагá сабан'туйá шйшарагá“, т. е. завтра сабанъ-той.

Въ день праздника утромъ джигиты, участвующіе въ состязательныхъ скачкахъ, собираются въ условленномъ пунктѣ, откуда подъ управленіемъ надежнаго человѣка, выбраннаго муллой, направляются къ назначенному для скачекъ мѣсту. Ёдутъ туда то шагомъ, то рысью. Пріѣхавши на мѣсто, старшій выстраиваетъ всѣхъ участвующихъ въ скачкахъ въ одну линію, и по командѣ: „разъ, два, три“ начинается скачка. Дистанція для скачекъ около 20 верстъ; часть ихъ проходитъ рысью, часть въ карьеръ. Цѣль скачущихъ—станция и томѣсто въ ней, гдѣ назначена раздача призовъ. Призы для побѣдителей заготовлены заранѣе. Для этого втыкается рядъ высокихъ кольевъ, на которые привязываются призы: 1-ый 2-ой и т. д. 1-ый призъ обыкновенно составляютъ 20—30 ар. ситцу, 2-ой около 15 ар., 3-ий—10 ар., 4-ый—5 ар. Остальнымъ раздаются платки. При раздачѣ призовъ присутствуетъ обыкновенно вся станица отъ мала до велика съ муллой во главѣ.

Кромѣ большихъ скачекъ съ дистанціей 20 верстъ бываютъ еще и малыя скачки съ 10 верстной дистанціей, въ которыхъ участвуютъ лошади похуже. Призы на этихъ послѣднихъ скачкахъ уже мѣньшіе. Послѣ скачекъ, кончающихся часа въ 4 по полудни, начинаются состязанія въ бѣгѣ (з ж'а ѱ л и - б а й г а). Бѣгаютъ сначала старіея, потомъ молодые и наконецъ дѣти. Наградой побѣдителю въ этого рода состязаніи бываютъ обыкновенно крашенныя яйца и шйшара.

По окончаніи скачекъ и бѣга на площади станицы начинается состязаніе въ борьбѣ (к р'а ш или м а й д а н а). При

этомъ дозволяется одинъ только способъ одолѣть противника,—это на подъемъ (к у т э р ѿ ц), т. е. болѣе сильный изъ борющихся поднимаетъ другого на воздухъ и тогда роняетъ на землю. Всѣ другіе способы считаются неправильными. Побѣдитель въ борьбѣ (б а т ы р) получаетъ въ видѣ приза платокъ, но кромѣ того богатые станичники даютъ ему еще деньги. Въ скачкахъ и другого рода состязаніяхъ принимаютъ участіе не одни погайцы и не одни станичные обыватели, — на этотъ день съѣзжаются въ станицу и русскіе казаки, башкиры съ р. Касмарты, киргизы и пр.

У Оренбургскихъ казаковъ-татаръ (ст. Воздвиженской) празднованіе сабанъ-тоя совершается безъ участія муллы и даже мулла къ этому празднеству относится неблагосклонно. Инициатива принадлежитъ исключительно холостой станичной молодежи. Послѣдняя же производитъ и сборъ платковъ, сидевъ, денегъ и яицъ. Жертвованія собираются съ зажиточной части станичнаго населенія, не исключая и казаковъ великорозовъ, которые охотно принимаютъ участіе въ устройствѣ сабанъ-тоя, изъ прочаго же населенія считается обязательнымъ взносъ пожертвованій только для тѣхъ, которыхъ въ текущемъ году постигло какое-нибудь радостное событіе, напр., кто женился, у кого сынъ или близкій родственникъ вернулся со службы, кто хату новую построилъ и т. д.

Постояннымъ мѣстомъ, отъ котораго начинается скачка, (б а й н ѧ) оканчивающаяся въ станицѣ, считается гора Т р н а т а ѣ (журавья гора), лежащая въ 15 верстахъ отъ станицы. Порядокъ скачки такой же, какъ и въ Никитской станицѣ. Старшій, выборный, распоряжающійся скачками, называется т у р ѧ. Первые пять верстъ дѣлаются шагомъ, рысью и галопомъ, а послѣднія 10—въ карьеръ. Участвующихъ въ скачкахъ бываетъ отъ 15 до 30 человекъ. Въ состязаніи въ бѣгѣ з ж'у г р ш ѧ участвуютъ человекъ 15, изъ коихъ нѣкоторые подготавливаются къ бѣгу своего рода тренировкой, питаются нѣкоторое время однимъ яйцомъ. Дистанція для бѣга назначается обыкновенно 3 версты. Награды (с а б а н т у й д ѧ - б и р ѧ) побѣ-

дителямъ въ конской скачкѣ также развѣшиваются на кольяхъ. Первому (з ū г р ū к) дается 6—7 р. деньгами, французскій платокъ и ситцу на рубашку.

Побѣдитель въ бѣгѣ (а л д а н - з ū г р ū б - в и л ь д ъ) получаетъ тоже нѣсколько аршинъ ситцу.

Борьба также неизбѣжно сопровождается празднованіе сабанъ-тоя; за порядкомъ ея слѣдятъ поселочный атаманъ, мулла и азанча. Правильнымъ способомъ борьбы считается, такъ же какъ и у ногайцевъ, борьба на подъемъ—(у т а р ѝ п - в р а ш а). Побѣдитель въ борьбѣ (в р а щ ъ - б а т ы р) получаетъ отъ 1 до 3 руб. деньгами и платокъ или полотенце. У Оренбургскихъ татаръ Герьяльской станицы (Казанск. окр.) скачки бывають кромѣ Сабанъ-тоя еще тогда, когда у кого-нибудь родится ребенокъ.

Астраханскіе ногайцы названія „сабанъ-той“ не знаютъ. Скачки (а т ч а р с) и состязанія въ борьбѣ у нихъ бывають весною на новый годъ А м е л ь 10-го Марта. Дистанція для нихъ назначается 3—4 версты, потому что дальше мѣстность не позволяетъ, иногда же скачуть нѣсколько разъ вокругъ одного и того же бугра. Борьба называется в р о с и л и м а й д а н. Борются въ однихъ шароварахъ безъ рубашекъ. Кулачные бои тоже бывають.

При этихъ состязаніяхъ никакихъ призовъ не полагается; но существуютъ еще другія скачки съ призами на свадьбахъ и на с ū н н ū т - т о й, т. е. на праздникъ обрѣзанія.

На второй день свадьбы является къ невѣстѣ отецъ жениха и приноситъ съ собою штукъ 15 платковъ, которые будутъ выданы въ видѣ призовъ состязавшимся въ скачкахъ. Собирается туда-же 20—30 молодыхъ джигитовъ, желающихъ состязаться на лошадяхъ верхомъ. Отецъ жениха беретъ одинъ изъ принесенныхъ платковъ и даетъ одному изъ состязавшихся парней. Послѣдній скачетъ съ своей добычей на утѣкъ, держа платокъ за одинъ конецъ въ вытянутой правой рукѣ. Всѣ остальные парни скачуть вслѣдъ за нимъ и стараются вырвать платокъ изъ его рукъ. За тѣмъ парнемъ, которому

удается вырвать платокъ, бросаются всѣ остальные и т. д. до тѣхъ поръ, пока кому-нибудь не посчастливится ускокать съ платкомъ, который и становится для него наградою. Та же исторія повторяется со вторымъ платкомъ съ третьимъ и т. д.

При борьбѣ участвующіе въ ней снимаютъ верхнее платье, оставаясь въ однихъ рубашкахъ и засучивая шаравары до колѣна. Побѣдитель (б а й р ѳ), поборовшій всѣхъ остальныхъ, получаетъ въ призъ отъ отца жениха деньги отъ 3 до 10 руб., шелковый халатъ или барана. Слѣдующіе за нимъ тоже получаютъ призы, но уже меньшіе; такъ, если первый получитъ 10 руб., то второму даютъ 5 руб., 3-му—3 руб. и т. д. Такія же скачки и борьба бывають и на с ѳ н ѳ т - т о й.

Обрѣзаніе производится ребятамъ не старше семилѣтняго возраста ¹⁾ Тотъ хозяинъ, у котораго въ домѣ бываетъ обрѣзаніе, долженъ дать призъ на скачки и призъ бываетъ хорошей: иногда даютъ б ы к а или лошадь. Призъ этотъ называется б а н э. Праздникъ с ѳ н ѳ т - т о й считается преимущественно стариковскимъ и старики тогда часто перепиваються до пьяна кумысомъ.

Обычай состязательныхъ скачекъ, какъ извѣстно, существуетъ не у однихъ только татаръ или ногайцевъ, а слѣдовательно представляетъ собою особенный интересъ. Если присмотрѣться къ тѣмъ матерьяламъ по фольклору, которые собраны въ литературѣ по настоящее время, то мы увидимъ, что названному обычаю можно подѣискать много аналоговъ у различныхъ племенъ стараго свѣта.

¹⁾ Операцию обрѣзанія у Красноярскихъ ногайцевъ производитъ специалистъ по этой части (б а в а), при ней всегда присутствуетъ человекъ 5—6 женщинъ. Ребенка сажаютъ на постель и занимають его разными гостинцами или игрушками, потомъ накрывають его голову платкомъ и бава быстро исполняетъ свое дѣло. Отрѣзанный кусокъ тѣла сжигаютъ тотчасъ-же; золой отъ него присыпается рана ребенка, но только не того, надъ которымъ производилась операциа, а слѣдующаго за нимъ; его же рана присыпается золой отъ ребенка ему предшествовавшаго. Послѣ того родственники отца обрѣзаннаго ребенка, собравшіяся къ нему на с ѳ н ѳ т - т о й, поздравляють его и начинается угощеніе и скачки.

Да не посятуют на меня читатели, если я позволю себѣ, пользуясь случаемъ, собрать здѣсь въ одно мѣсто все, что я могъ найти по части скачекъ, какъ въ напечатанныхъ уже сборникахъ этнографическаго матерьяла, такъ и въ моихъ записяхъ, еще нигдѣ неизданныхъ ¹⁾).

У Болгаръ обычай скачекъ приуроченъ къ празднику Св. Тодора (Т о д о р о в д е н) 11-го Марта ²⁾ и, какъ кажется, распространенъ въ цѣлой Болгаріи. У Каравелова сказано: „Въ этотъ день, (11-го Марта) всѣ, у кого есть лошади, садятся верхомъ и скачутъ; чья лошадь побѣжитъ дальше, тому, значитъ, покровительствуетъ Св. Тодоръ, и эту лошадь не продаютъ“. У Качановскаго ³⁾ говорится такъ: „Въ день св. Θεодора.... бывають конскія скачки, избираются два наѣзника, которые вступаютъ въ состязаніе; чей копь одержитъ верхъ, тому привѣшиваютъ красный значокъ; человекъ, имѣющій такую лошадь съ о т л и ч і е мъ, пользуется великою славою (въ Пиротскомъ окр.)“.

А вотъ болѣе подробное описаніе тѣхъ же скачекъ на Св. Тодора, записанное мною отъ Болгаръ Измаильскаго уѣзда Бессарабской области:

Въ с. Карачагъ (Измаильскаго уѣз.) состязательныя скачки называются к у ш і я. Для нихъ выбираютъ самыхъ лучшихъ лошадей штукъ 10—15 (въ состязаніи могутъ принимать участіе крестьяне и изъ другихъ деревень). Состязающіеся по окончаніи обѣдни садятся верхомъ на лошадей и ѣдутъ версть за 15 отъ села шагомъ. Здѣсь всѣ они выстраиваются въ рядъ и по криву: „а й д а“ пускаются по направленію къ своему селу. Сначала ѣдутъ рысью, а послѣднія версть 7 пускаютъ лошадей въ карьеръ. На томъ концѣ деревни, куда

¹⁾ При матерьялахъ, взятыхъ мною изъ какихъ-либо сочиненій помѣчено имя ихъ автора, все остальное собрано мною.

²⁾ Л. Каравеловъ. Памятники народнаго быта болгаръ. Москва 1861 г. с. 193.

³⁾ Качановскій. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Спб. 1881 г. стр. 9.

возвратятся состязающіеся, собирается къ тому времени вся деревня. Призы для побѣдителей (п у д а р к а) въ с. Карагачъ приготавливаютъ на свой счетъ священникъ и самые зажиточные крестьяне, а въ селѣ Чишмеле, они заготавливаются на собранныя отъ всѣхъ крестьянъ деньги.

Первый призъ въ с. Карагачъ бываетъ или деньгами 5—6 руб., или сукномъ (чува) въ 2¹/₂ рубля аршинъ цѣною, аршиновъ 5—6. Второму и третьему даются платки (к а л е н к ё р ы) цѣною въ полтора рубля. Подарки привязываютъ на крыло вѣтряной мельницы, чтобы ихъ видно было издалека. За порядкомъ на скачкахъ наблюдаетъ сельскій староста (п р и м а р ь). Въ с. Чишмеле кромѣ скачекъ бываетъ состязательная борьба (б у р ь б а), въ которой побѣдитель получаетъ въ призъ рублей 10 денегъ. У Гагаузовъ ¹⁾ Бендерскаго уѣзда ²⁾ Бессарабской области, обряды и обычаи которыхъ имѣютъ много общаго съ болгарами, скачки бываютъ 1) какъ и у болгаръ на Св. Тодора (А й Т о д о р), 2) на праздникъ И с п а с (Вознесенье), напоминающій въ общихъ чертахъ черемисскія моленія и носящій на себѣ ясныя слѣды древности, и 3) на свадьбѣ, какъ у ногойцевъ. Странно, что въ первыхъ двухъ случаяхъ скачки называются русскимъ словомъ с к а ч к а, а въ послѣднемъ, т. е. на свадьбѣ, ѣ д э л ь д ж ѣ. Опишу порядокъ каждого изъ этихъ состязаній отдѣльно.

На Св. Тодора скачки сопровождаются борьбой (г ѳ р э ш). Первому, побѣдителю въ скачкахъ (ѳ р ѳ к) дается призъ (б а ш ѳ ш) 3 руб. или аршинъ хорошаго сукна (ч у ф а), второму 1 р. денегъ или платокъ (б а с м а). Побѣдителю въ борьбѣ (п'э л'ѳ а н) даютъ отъ 1-го до 3 руб. денегъ и ведро вина.

¹⁾ Гагаузы—народъ, живущій въ сѣверо-восточной Болгаріи въ пережку съ болгарами; они православные, но говорятъ языкомъ тюрко-татарскаго корня, близкимъ къ турецкому. Болгары Измаильскіе считаютъ ихъ потурченными болгарами, но Славейковъ думаетъ, что они потомки средне-вѣковыхъ Узовъ или Огузовъ—половцевъ; см. М. Дриновъ. О Болгарскомъ словарѣ Дювернуа Спб. 92 г. с. 47.

²⁾ селъ: Биш-алма и Томан Комрадской вол.

Что касается состязаній молодежи на праздникъ И с п а с, то они представляютъ собою странную комбинацію черемисскихъ или вотяцкихъ съѣздовъ на общее моленіе деревень, ведущихъ свое происхожденіе изъ одного рода, съ олимпійскими играми Грековъ. Въ 1½, верстахъ отъ с. Копкуй Чадырлунгской волости въ полѣ стоитъ большой деревянный крестъ, на которомъ виситъ деревянная икона Божіей матери, писанная масляными красками, около 2 ар. въ квадратѣ. Икона эта называется С б о р. Говорятъ, что она поставлена на мѣстѣ какой-то церкви, разрушенной во время одной изъ войнъ. Сюда собираются ежегодно на праздникъ И с п а с пять селъ: Бешалма и Томай Комрадской волости, Хайдаръ, Копкуй и Чадырлунга Чадырлунгской волости. Собравшіеся молятся здѣсь о хорошемъ урожаѣ хлѣба. Съѣзжаются гагаузы утромъ рано, захвативъ съ собою живыхъ или рѣзаныхъ барановъ, мясо и другіе съѣстные припасы. Затѣмъ избираютъ нѣсколькихъ человѣкъ мужчинъ, умѣющихъ готовить пищу, преимущественно изъ пастуховъ, для которыхъ варка пищи въ полѣ—вещь обыкновенная. Людямъ этимъ сдаются всѣ припасы, кто что привезъ. Они рѣжутъ барановъ и готовятъ пищу котлахъ въ десяти, всѣ же остальные собираются въ это время около креста съ иконою и священникъ служитъ здѣсь молебствіе. По окончаніи молебна всѣ садятся обѣдать, раздѣляя пищу по чашкамъ для каждаго семейства. Послѣ обѣда начинаются разнаго рода состязанія между молодежью мужского пола.

Прежде всего выступаютъ музыканты на к а в а л ѣ (родъ флейты), на гайдѣ (волынка) и на кименче (скрипка) Они играютъ поочередно, а толпа окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и слушаетъ. Того, кто признанъ лучшимъ, толпа поднимаетъ „на ура“, а нарочно для того выбранный человѣкъ ходитъ по толпѣ съ шапкою и собираетъ деньги въ пользу побѣдителя.

Послѣ этого начинается состязаніе (ч а л ы ш к а и) въ танцахъ (о й ѹ к). Танцуютъ только холостые парни по двое. Лучшіе въ танцахъ кромѣ того состязаются въ показываніи гимнастическихъ фокусовъ (к'и а м'э л'л'й в). Стоя руками на

землѣ и поставивъ колѣна на лопти, достаютъ они зубами съ земли мелкую монету, ходятъ на рукахъ, вертятся колесомъ, стоятъ головой на чурбанѣ безъ помощи рукъ, становятся плечомъ на чурбанѣ и подираясь одной рукой вытягиваютъ ноги вверхъ и т. д.

Признанный побѣдителемъ въ танцахъ и въ гимнастикѣ награждается такъ же, какъ и музыкантъ, собранными въ его пользу деньгами.

Далѣе состязаются въ борьбѣ и бѣгѣ. Первый въ музыкѣ и танцахъ называется к и й а м э л ь (искусникъ), а первый въ бѣгѣ и л е н ь - г у д е л ь (легко-грудый). Праздникъ заканчивается часа въ 3—4 по полудни скачками на 7-ми верстную дистанцію. Въ заключеніи староста (Чадырлунгскій старшина), распоряжающійся порядкомъ праздника провозглашаетъ: „х а д ы н г и д е л ь м й э в а“ (ну отправимся домой),—всѣ запрягаютъ своихъ лошадей и разъѣзжаются по домамъ.

На свадебныхъ состязаніяхъ Гагаузовъ призы даетъ невеста или ея родители. Въ зависимости отъ цѣнности призовъ измѣняется и характеръ состязаній: если призы небольшіе, то состязаются въ бѣгѣ, если больше, то въ скачкѣ. Первый призъ обыкновенно состоитъ изъ рубашки съ завернутыми въ ней 2-мя рублями, второй ч у м б е р (шерстяной платокъ) съ 1—1½ рублями, третій—платокъ съ 50 к. и четвертый—калачъ съ кружкою вина. Когда состязающіеся вернутся и получаютъ призы, то женихъ съ невестою, крестный жениха (с а а д ы ч) и д е в е р (друга) становятся на дворѣ въ рядъ, а получившіе призы объѣзжаютъ вокругъ нихъ. Затѣмъ тотъ, кто получилъ послѣдній призъ, калачъ, кидаетъ его надъ головами жениха и невесты, ловитъ на лету, разламываетъ на куски и раздаетъ ихъ всѣмъ присутствующимъ.

Далѣе у Чувашей (Уфимскихъ) скачки (зейн), бѣга и борьба бывають въ первую пятницу послѣ Пасхи¹⁾ и также сопровождаются призами изъ платковъ.

¹⁾ См. мои Чувашскія пѣсни. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. Казань 1893 г. вып. I.

У Татаръ Европейской Россіи и у башкиръ празднованіе Сабанъ-тоя, сопровождаемаго скачками, борьбой, бѣгомъ, кулачными боями и пр., почти повсемѣстно, какъ я узналъ изъ разспросовъ татаръ чуть не всѣхъ губерній Волжскаго бассейна.

О скачкахъ и состязательномъ бѣгѣ у Черемисъ позволяю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ очерка И. Н. Смирнова „Черемисы“¹⁾. „Первый весенній праздникъ Ага Пайремъ сопровождается (у Черемисъ) цѣлымъ рядомъ увеселеній: молодежь состязается въ бѣгѣ и скачкѣ“. (стр. 92) „Въ Царевкокшайскомъ уѣздѣ состязанія въ бѣгѣ происходятъ непосредственно по окончаніи жертвоприношенія и пира. Старики уходятъ впередъ (изъ роши гдѣ было жертвоприношеніе) и останавливаются у деревенской оклицы, молодые мужчины и парни вытягиваются въ рядъ и бросаются бѣжать по направлению къ деревнѣ. Тому, кто добѣжитъ первый, картъ даетъ полотенце и десятокъ яицъ; второй призъ состоитъ изъ полотенца и пяти яицъ, третій изъ пяти яицъ, четвертый изъ трехъ яицъ, пятый изъ одного яйца“. (с. 93) Рядомъ съ состязаніемъ въ бѣгѣ у пермскихъ черемисъ происходятъ состязанія въ борьбѣ и скачкѣ. Призами служатъ не полотенца и яйца, а платки, которые специально для этого приносятъ молодые женщины, вышедшія въ этотъ годъ замужь. У Казанскихъ черемисъ скачка на лошадяхъ слѣдуетъ за лѣтнимъ праздникомъ—сюромомъ.... Верховые отъѣзжаютъ на версту и болѣе отъ мѣста моленія и скачутъ оттуда назадъ. Скачка продолжается все время, пока идетъ религіозное пиршество. Призовъ здѣсь не даютъ; единственной наградою хорошей лошади и ловкому ѣздоку является похвала зрителей“.

У Черемисъ—язычниковъ Уфимской губ. Бирскаго уѣз. скачки (и м н и к у д а л а к т а м а ш ь) бывають во время праздника К ѳ с ђ за 10 дней до нашего Петрова дня. Дистанція для нихъ назначается версты за три отъ деревни. Награду

¹⁾ Изв. об. Ар. Ист. и Этн. т. VII. Казань. 1889.

получаетъ только первый въ скачкахъ (к у д а л ш и м н и). Она состоитъ изъ полотенца (ш о в у т ъ). Такіе же призы даются ш а п л е т. е побѣдителю въ борьбѣ (п и н ж е д а л а ш) и побѣдителю въ состязательномъ бѣгѣ (к у р ж а ш). Они раздаются молодыми, вышедшими замужъ въ текущемъ году, самолично.

У Вотьяковъ-язычниковъ Пермской губ. Осинскаго уѣзда скачки (ч а ш а с ѣ к о м) бывають на Петровъ день (Ч о ш п и н д о р). Онѣ сопровождаются борьбой (н и р ѣ а ш к о м) и состязательнымъ бѣгомъ (б е ж ъ м). Призы даютъ богатые крестьяне въ видѣ платковъ, денегъ и вина.

У Вотьяковъ Сарапульскаго уѣзда въ д. Вишурь-Норья Норинской вол. скачки бывають на праздникъ Г е р ш а д о ю н (послѣ перваго посѣва). Побѣдитель въ скачкахъ (с о л ѣ м в а л - о р ч и з) и побѣдитель въ бѣгѣ (ч у ш а ш к о м), который называется просто о р ч и з, получаютъ отъ молодыхъ полотене (ч а л м а) или кошелекъ (у к ш ъ - п у ъ).

О борьбѣ и скачкахъ у Калмыковъ Астраханскаго края очень подробныя и интересныя свѣдѣнія сообщаются у П. Небольсина ¹⁾ въ главѣ XX и XXII. Калмыцкое духовенство „г е л ю н г и“ играетъ въ этого рода состязаніяхъ весьма выдающуюся роль: они (с. 144) выставляютъ отъ себя партію борцовъ и награждаютъ побѣдителей въ борьбѣ своими мантиями и халатами (с. 152), которые потомъ выкупаютъ назадъ за деньги. Авторъ не сообщаетъ, къ какимъ празднествамъ приурочиваются у калмыковъ борьба и скачки, но въ главѣ о свадебныхъ обычаяхъ (с. 82) рассказываетъ со словъ одного русскаго очевидца, что, когда свадебный поѣздъ приблизился къ кочевью жениха, то, не доѣзжая до того мѣста, гдѣ была расставлена кибитка для новобрачныхъ, „молодежь изъ свиты жениха завялась скачками (ѳ р а л д а н ѣ—опереживаніе) отъ невѣсты до будущей ея кибитки и обратно, платокъ или другого рода подарокъ невѣсты служилъ наградою первому наѣздни-

¹⁾ Очерки быта Калмыковъ хошеутовскаго улуса. П. Небольсина.

ку“..... затѣмъ слѣдовала вторичная скачка и новый призъ отъ невѣсты, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока весь поѣздъ не подѣхалъ къ жениховой ставкѣ¹⁾).

Если сюда прибавить еще русскіе кулачные бои, бывавшіе обыкновенно зимою на льду послѣ Рождества, т. е. послѣ того какъ солнце повернетъ на лѣто²⁾, то получается широко распространенный обычай, сущность котораго заключается въ состязаніи между представителями молодежи мужского пола въ силѣ и ловкости.

¹⁾ Слѣды состязательныхъ скачекъ и бѣга, сопровождающихъ свадебный обрядъ, можно найти и у нашего русскаго народа. Такъ у Н. Янчука (Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константин. уѣз. Сѣдлецк. губ. въ Памятной книжкѣ Сѣдлецк. губ. на 1891 годъ с. 281) сказано, что «Во все время шествія жениха съ дружиной (въ домъ невѣсты, передъ отправленіемъ въ церковь)... «сваты» «обѣгутъ вприпрыжку, иногда въ ерегонку». Въ это же время поется пѣсня о «хусткѣ» т. е. о платкѣ невѣсты:

А чія то хустонька
Въ неділю рано везена
Ой пудъ білымъ пудъ паперомъ (бумагой)
Пудъ чернымъ асамитомъ (бархатомъ)?

Не напоминаетъ ли эта «хустонька» тѣхъ платковъ, которые у нашихъ инородцевъ служатъ призомъ для побѣдителя въ состязательныхъ скачкахъ или въ бѣгѣ?

Въ дер. Малая Дубровица того же уѣзда, Пищацкой волости «сваты» ѣдутъ тогда же въ телѣгахъ и стараются одинъ другого перенатать. (Записано мною).

²⁾ Для образца приведемъ здѣсь разсказъ о кулачныхъ бояхъ въ Кіевской губ., взятый изъ Zb. Wiad. do Antr. т. III, с. 124. «Въ дер. Ольшанкѣ Барахтянской (уѣз. Васильковскій), на Рождество или на Крещеніе во время сильныхъ морозовъ собирается молодежь на замерзшій прудъ, раздѣляющій Ольшанку на двѣ части. Собравшіеся паробки дѣлятся на двѣ партіи, партія одной части деревни борется съ партіей другой части, и борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока одна другую не побѣдитъ..... «Въ д. Мотовиловкѣ, раздѣленной на двѣ части рѣкой Стугной и составлявшей границу Россіи и Польши..., толпы изъ обѣихъ частей (деревни) на Новый годъ выходили на рѣку и на льду вызывали одна другую на кулачный бой. Сторона побѣжденная должна была угощать водкою въ корчмѣ сторону побѣдившую. Тоже самое дѣлалось въ Бѣлой Церкви, которую рѣка Росъ также раздѣляетъ на двѣ части....»

Обычаю этому соотвѣтствуютъ, какъ кажется, и Олимпійскія игры Грековъ, которыя первоначально тоже состояли въ состязаніи молодежи только въ физической силѣ и также происходили весной.

Остатки этого же обычая нужно искать и у другихъ народовъ земного шара; быть можетъ, сродни ему придутся римскіе цирки, испанскій бой съ быками, англійскій боксъ и средневѣковые рыцарскіе турниры. А такъ какъ происхожденіе этого обычая теряется въ глубокой доисторической древности и такъ какъ онъ пріуроченъ у большинства народовъ къ весеннему времени, къ тому времени, когда происходили игрища, умыканіе женъ, празднества въ честь боговъ любви и проч., то не имѣлъ ли онъ у первобытнаго человѣчества того же смысла, какъ соревнованіе между самцами изъ-за обладанія самкой, наблюдаемое у многихъ представителей животнаго царства? Какъ бы то ни было, но обычай этотъ весьма интересенъ и требуетъ серьезнаго изученія. Участіе въ сабанъ-тоѣ Оренбургскихъ ногойцевъ м у л л ы въ качествѣ распорядителя и инициатора празднества, призы, даваемые священникомъ побѣдителю въ скачкахъ у Болгаръ, скачки черемисовъ, непосредственно слѣдующія за моленіями съ раздачей призовъ к а р т о м ъ (жрецомъ), и участіе въ устройствѣ борьбы вмѣстѣ съ раздачей призовъ калмыцкихъ духовныхъ „гелюпговъ“ кажутся мнѣ тоже не случайнымъ совпадениемъ, а свидѣтельствуютъ о связи нашего обычая съ какимъ-то древнимъ культомъ, и доказываютъ, что въ язычествѣ онъ имѣлъ когда-то важное религіозное значеніе, слѣды котораго не успѣли стереть даже такія сильныя религіи, какъ христіанство, магометанство и буддизмъ. Что обычай этотъ ближе всего стоялъ къ культу боговъ любви, а не къ какому-либо другому, видно, между прочимъ, и изъ того, что скачками сопровождаются такіе моменты въ жизни народовъ, какъ свадьба, рожденіе дѣтей и обрѣзаніе, связь которыхъ съ культомъ любви, какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

Настоящій матерьялъ о состязаніяхъ между молодежью въ физической силѣ и ловкости я собралъ здѣсь въ одно мѣсто не безъ задней мысли. Дѣло въ томъ, что я намѣренъ воспользоваться имъ въ приготовляемой мною къ печати статьѣ о культѣ любви у Славянъ, для которой мнѣ удалось собрать совершенно новый матерьялъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи.

10. Представленіе о загробной жизни и похоронные обряды.

У Ногайцевъ Оренбургскихъ покойника одѣваютъ въ бѣлую рубашку (а х ы й р я т в у л ь м ѧ г ѧ), берутъ миткалю 22 арш. (кѧ ф е н) и заворачиваютъ покойника съ ногъ до головы. Хоронятъ его въ лежачемъ положеніи головой на югъ ¹⁾. Въ томъ домѣ, гдѣ былъ покойникъ, три дня нельзя варить пищу, поэтому хозяева или ходятъ стирать къ сосѣдямъ, или родственники приносятъ имъ готовую пищу, или же просто они ѣдятъ въ сухоматку.

Хоронить стараются въ тотъ же день, какъ человѣкъ умретъ, и потому въ домѣ покойникъ рѣдко остается на ночь. Поминки по покойникѣ бывають на третій день, на седьмой и на сороковой. Говорятъ, что покойникъ невидимо присутствуетъ на этихъ поминкахъ и питается паромъ, выходящимъ изъ пищи.

У Астраханскихъ погайцевъ на покойника надѣваютъ бѣлую рубашку и кладутъ на носилки. Если кладбище близко, то несутъ на рукахъ, если далеко, то везутъ на лошадахъ.

Женщины въ похоронахъ не участвуютъ, даже если умерла женщина. Въ могилѣ вырываютъ съ боку ея нишу, обкладываютъ досками, спускають покойника внизъ, накрываютъ его бѣлымъ каленкоромъ (б а з) и кладутъ въ нишу. Потомъ могилу зарываютъ и уходятъ на 40—50 шаговъ въ сторону.

¹⁾ Рыть могилу старается всякій ногаецъ, потому что за эту работу человѣку прощается шесть грѣховъ.

При могилѣ остается одинъ мулла, который читаетъ молитву. Наконецъ всѣ расходятся по домамъ. Поминки бывають на 3, 7, 20, 40, 100-ый день и черезъ годъ. Пицу на могилу не носятъ, приходятъ на кладбище съ муллою и мулла читаетъ молитву. Трауръ по покойнику носить темныхъ цвѣтовъ или что-либо пестрое. Жена по умершемъ мужѣ соблюдаетъ трауръ до году. Въ это время она не должна веселиться, напр. не можетъ ходить на свадьбу.

По вѣрованію Оренбургскихъ ногайцевъ смерть приноситъ. Газраилъ. Онъ живетъ на небѣ; когда его Богъ пошлетъ, Газраилъ приходитъ къ человѣку съ косою и отрѣзываетъ ему голову; если же человѣкъ очень грѣшенъ, то онъ вынимаетъ изъ него душу клещами.

Душа, по ихъ представленію, существо очень маленькое, величиной съ муху, и живетъ въ головѣ человѣка или въ пальцахъ рукъ. У всѣхъ людей, безъ различія національности, пола и возраста, она—одинаковая и безсмертная. Послѣ смерти человѣка, душа его идетъ на небо и тамъ остается до страшнаго суда (к и а м'ѣ т к н ъ—О. или к и а м'ѣ т к ы й н ъ—К.). Она должна будетъ предстать предъ Богомъ на страшный судъ, а потому ей необходимо къ этому подготовиться. Душа каждаго человѣка должна знать арабскій языкъ и имѣть готовые отвѣты на всѣ вопросы, которые ей будутъ предложены. Къ праведнику для этого прилетитъ Святой Духъ въ видѣ бѣлаго голубя, а грѣшника Богъ лишитъ всякой возможности чему-либо выучиться: съ него снимется голова и вмѣсто отвѣта изъ него будетъ выходить одно бурчаніе. Души самоубійць, утопленниковъ и убитыхъ молніей вовсе не попадутъ къ Богу: ихъ возьметъ къ себѣ шайтанъ. Пребывая на небѣ, душа питается только молитвами живыхъ людей, поэтому за нихъ нужно молиться каждый четвергъ.

Рай (а ж м а х—О. или д ж и н ѣ т—К.) помѣщается на седьмомъ небѣ. Тамъ есть прекрасные сады, прекрасныя комнаты и красивыя дѣвицы. Въ аду (т а м у н ѣ—О.) душу

человѣка будутъ мучить, то обливая попеременно холодной и горячей водой, то поджигая на огнѣ.

II. Игры.

У Астраханскихъ погайцевъ Красноярскаго уѣзда малые дѣти играютъ въ бабки (а с ы н ѹ й в) и въ мячъ (т о п). Изъ игры же взрослой молодежи можно упомянуть слѣдующія:

А. Сохиртыкъ.

Эта игра распространена во многихъ мѣстностяхъ Велико-россiи и Малороссiи. Вбиваютъ въ землю коль, берутъ длинную веревку, на серединѣ ея дѣлаютъ петлю и этой петлей надѣваютъ на коль. На концахъ веревки дѣлаютъ двѣ петли; двое играющихъ надѣваютъ ихъ себѣ на плечи, какъ бурлаки свои лямки. Обоимъ завязываютъ глаза. Одинъ изъ нихъ беретъ въ руки жгутъ изъ полотенца (с о к - б а н а п е), а другой-какуюнибудь дудочку. Играющій со жгутомъ подкрадывается къ другому и бьетъ его, а другой старается отъ него уйти, давая о себѣ знать звуками дудочки.

Б. Чизтун.

Играющіе садятся въ кругъ, а одинъ въ середину. Последнему завязываютъ глаза. Остальные, передавая другъ другу кольцо, прячутъ его во рту и стучать объ него зубами. Сидящій въ серединѣ круга, долженъ уловить этотъ слабый звукъ и отгадать у кого кольцо. Если опъ отгадаетъ, то его заступать тотъ, у кого было спрятано кольцо, если же нѣтъ, то его бьютъ жгутомъ.

В. Ахъ-бор¹⁾.

Играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Одинъ беретъ въ руки кусокъ известня или мѣлу (б о р) величиною въ булавъ

¹⁾ Эта игра имѣетъ большое сходство съ Калмыцкой игрой Цыганъ-наадын или Цыганъ-модунъ (бѣлая игра), описаной у П. Небольсина въ его книгѣ Очерки быта Калмыковъ. Спб. 1852 г. стр. 134.

и кидаетъ его какъ можно дальше, а всѣ остальные закрываютъ въ это время свои глаза. Когда они откроютъ глаза, то рассыпаются во всѣ стороны и ищутъ брошенный кусокъ мѣлу. Та партія, которая найдетъ его, ѣдетъ на спинахъ другой съ того мѣста, гдѣ найденъ, до того мѣста, откуда брошенъ.

12. Легенды.

Про богатырей и святыхъ.

Прежде чѣмъ перейти къ музыкѣ ногойцевъ, считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько ихъ рассказовъ легендарнаго характера.

А. Хазрѣт-Хамѣт

Святой Хазрѣт-Хамѣтъ былъ славный богатырь; со многими онъ воевалъ и побѣждалъ. У него былъ конь, который понималъ рѣчь своего хозяина. Хазрѣт-Хамѣтъ построилъ мечеть въ Астрахани, которая въ настоящее время обращена въ православный соборъ ¹⁾. Эта неудача для мусульманъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Когда строилась мечеть, то Хазрѣтъ велѣлъ плотникамъ схватить перваго мальчика, какой придетъ къ мѣсту постройки, и зарыть его въ землю. „Кто бы ни былъ этотъ мальчикъ, чей бы онъ сынъ ни былъ, берите и зарывайте“, сказалъ Хазрѣтъ. Случилось, что къ постройкѣ пришелъ какъ разъ сынъ самого Хазрѣта. Плотники пожалѣли его и не взяли, а взяли и закопали въ землю русскаго мальчика. Приходитъ Хазрѣтъ и спрашиваетъ плотниковъ: „зарыли вы мальчика“? Они ему рассказали, какъ было дѣло. Онъ выслушалъ, укорилъ ихъ, зачѣмъ не исполнили въ точности

¹⁾ Нынѣшній Астраханскій соборъ Успенія построенъ въ 1698 году по печеніемъ митрополита Самсонія, на мѣстѣ прежней ветхой соборной церкви, построенной въ 1602 году. Астрахань и Астраханская губ. Изд. Н-мъ Ерм-мъ. Москва 1852 г. ст. 40.

его приказанія и сказалъ: „Ну теперь постройка пропала“. Такъ оно и случилось. (К.)

Б. Казыр-Мухамет

Казыр-Мухаметъ, онъ же Хазрет-Кхали, былъ также ногайскій богатырь. У него былъ конь Арслан. Онъ семь сутокъ дрался съ китайцами или калмыками (Ктай-Калмаһа). Билъ онъ, билъ китайцевъ и наконецъ убилъ ихъ богатыря Шаква. Тогда остальные китайцы побѣжали.

На мѣстѣ сраженія было такъ много крови, что земли не было видно. Казыръ сильно усталъ, хотѣлъ отдохнуть и Богу помолиться, но нигдѣ не могъ найти мѣста, свободнаго отъ крови. Поэтому онъ пустилъ лошадь ѣхать, куда глаза глядятъ. Ёхалъ онъ безъ малаго недѣлю, наконецъ выѣхалъ на гору, слѣзъ съ лошади и снялъ халатъ. Тутъ только онъ замѣтилъ, что былъ раненъ въ 17-ти мѣстахъ. Онъ взялъ отъ своей лошади нѣсколько волосъ и пустилъ ее на всѣ четыре стороны, а самъ легъ отдыхать и проспалъ ровно 7 дней и 7 ночей. Когда онъ проснулся, то помолился Богу и сжегъ одинъ волосъ коня, тотъ сейчасъ же явился, и Казыръ поѣхалъ домой. Поднялась черная туча, вѣтеръ началъ шумѣть, дождь полилъ. Казыръ выѣхалъ на бугоръ и смотритъ—вдали облако пыли и все ближе и ближе къ нему. Посмотрѣлъ Казыръ въ зрительную трубу и видитъ, что это китайцы идутъ и народу видимо невидимо. Онъ слѣзъ съ коня, помолился Богу и сталъ опять драться съ китайцами. Какъ ударить разъ, такъ сотню и положить, ударить другой разъ—другую сотню положить. Такъ онъ всѣхъ китайцевъ перебилъ и самъ сильно усталъ, еле дышетъ, легъ и лежить, пошевеливаться не можетъ. Пришелъ съ неба пророкъ и спрашиваетъ: „Что ты лежишь?“ а Казыръ и отвѣтить ничего не можетъ. Пророкъ исцѣлилъ его. Казыръ всталъ, а маштав (конь) около него стоитъ. Сѣлъ Казыръ на коня и вернулся домой. Послѣ того Казыр-Мухаметъ воевалъ съ персіанами, хотѣлъ обратить ихъ въ та-

тарскую вѣру. Много онъ перебилъ персіанъ, но наконецъ его самого убили. Такъ персіане и остались ни персидской вѣры, ни татарской. А все потому, что Казыру не удалось убить персидскаго царя. Если-бы онъ убилъ персидскаго царя, то персіане стали бы совсѣмъ татарской вѣры. (К.)

В. Товà-батырь.

Товà-батырь воевалъ съ русскими. Онъ былъ такой же сильный и могучій, какъ и Казыръ. Русскіе пришли въ Астрахань и заняли этотъ городъ, а Товà-батырь былъ въ Царицынѣ и оттуда стрѣлялъ въ русскихъ изъ пушекъ. Когда русскіе стали одолѣвать, Товà не хотѣлъ имъ поддаться, бросился въ Волгу и утонулъ.—Возлѣ Астрахани есть на большомъ бугрѣ кладбище, называемое Са р а й. На этомъ кладбищѣ похороненъ Товà-батырь. Говорятъ, что когда Тажалъ пророетъ гору и выйдетъ на нашъ свѣтъ, то Товà-батырь встанетъ изъ земли и будетъ съ нимъ воевать. (К.)

Г. Хазрèt-Игалй.

(Вариантъ оренбургскихъ ногайцевъ).

Хазрèt-Игалй былъ могучій богатырь. У него былъ конь Дыль-дыль. Когда онъ жилъ, то въ то время Бухара, Маргеланъ, Ташкентъ были русскіе города. Хазрèt покорилъ ихъ всѣхъ. Ташкентскій царь обѣщаль свою дочь отдать тому, кто привезетъ ему голову Игалй. Выискался одинъ богатырь и поѣхалъ искать Игалй.

Встрѣчаетъ онъ по дорогѣ одного изъ друзей Игалй и спрашиваетъ: „Не видалъ ли ты Игалй“?

—А зачѣмъ тебѣ?

„Я голову его отрѣжу и принесу въ царю.

—Я самый и есть Игалй.

Богатырь сейчасъ же отрубилъ ему голову и повезъ къ царю. А это былъ не самъ Игалй, а только другъ его. Черезъ нѣсколько дней Игалй узналъ, что его друга убили и

поѣхалъ искать его трупъ. Приѣхалъ онъ къ Ташкентскому царю и просить показать голову Игалі. Тотъ ему показываетъ голову его друга. Игалі посмотрѣлъ на эту голову и заплакалъ.

Чего ты плачешь? спрашиваетъ царь.

— А какъ же мнѣ не плавать, вѣдь Игалі былъ мой учитель, онъ училъ меня гириями играть. И сталъ показывать, какъ онъ играетъ 12, 15 и 20-ю пудовыми гириями. Сталъ гири къ верху кидать и какъ гири упадетъ на войско Ташкентскаго царя, такъ сотни человѣкъ и нѣтъ.

Стали его останавливать, чтобы онъ кончилъ свою игру, но Игалі вскочилъ на коня и началъ съ ташкентцами воевать. До самаго вечера воевалъ, усталъ и, когда солнце зашло, поѣхалъ въ поле почевать. А ташкентцы не спали всю ночь, — все готовили для Игалі западню. Они выкопали яму 100 сажень длиною, 40 сажень шириною и 40 сажень глубиною и прикрыли ее хворостомъ и землею. Когда Игалі утромъ всталъ и поѣхалъ, то конь его провалился въ яму задними ногами. Игалі упалъ въ яму съ сѣдломъ, а конь выскочилъ и убѣжалъ. Ташкентцы сейчасъ же собрались всѣ и стали закидывать Игалі камнями; полную яму камней навалили, думали, что ужъ теперь Игалі погибъ. Но онъ былъ живъ, ангелъ его сохранилъ цѣлымъ и невредимымъ. А конь Дылъ-дылъ между тѣмъ поскакалъ въ это время домой и черезъ пять минутъ былъ въ своей деревнѣ. Тестъ Игалі былъ Мухамедъ-пророкъ (основатель ислама). Черезъ пять минутъ Мухамедъ прискакалъ къ ямѣ и освободилъ Игалі изъ-подъ камней.

Игалі вышелъ изъ ямы, вскочилъ на своего коня, началъ воевать съ ташкентцами и черезъ три дня всѣхъ ихъ покорилъ. Онъ построилъ въ Ташкентѣ мечеть, поставилъ муллу и азанчу, научилъ, какъ читать молитвы, и вернулся домой.

Конь у Игалі былъ необыкновенный: онъ былъ длиною въ 40 сажень и разстояніе въ 1000 саженей бралъ въ нѣсколько секундъ. Всѣ свои побѣды Игалі совершалъ при помощи молитвы. Когда тестъ Игалі, Мухамедъ-пророкъ, умиралъ, то

онъ увидѣлъ во снѣ, что тулупъ его упалъ на землю. Онъ предсказалъ, что съ его смертью у Игаліи убавится силы и что святой этотъ умретъ отъ руки человѣка. Такъ это и случилось. Игаліи былъ убитъ русскими въ Ташкентѣ.

Среди Оренбургскихъ ногайцевъ сохранилось еще много воспоминаній объ Пугачевѣ; пугачевскій бунтъ они называютъ Ж а м ы л ь к а - ж а ы т. е. Емелькина война. Къ этой войнѣ они относятъ всѣ курганы, попадающіеся въ степи.

Близъ Воздвиженской станицы Оренбургскаго войска есть гора Я л а н - т а у, на которой по преданію царскія войска защищались отъ Пугачева. Пугачевъ въ нихъ стрѣлялъ изъ пушекъ, а они обсыпали его сверху камнями. И теперь еще тамъ находятъ въ изобиліи чугуныя ядра.

В. Мошковъ.

КЪ ВОПРОСУ О «СМЪШАННЫХЪ» ЯЗЫКАХЪ *).

ри соприкосновеніи языковъ получаются два явленія: 1) заимствованныя слова и 2) смѣшанныя нарѣчія.

Русскій лингвистъ находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Уже съ перваго взгляда на этнографическую карту Россіи видно, съ какимъ разнообразіемъ народностей соприкасается русское населеніе.

Что касается процесса образованія смѣшанныхъ нарѣчій, то таковой можно наблюдать въ случаяхъ изученія чужаго языка. При этомъ представляются два наиболѣе характерныя типа ошибочныхъ выраженій: 1) ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ (если, напр., нѣмецъ, плохо еще говоритъ по-русски, о собакѣ скажетъ „онъ“, то это потому, что въ его родномъ языкѣ говорится *der Hund*; еще примѣры изъ того же смѣшаннаго русско-нѣмецкаго нарѣчія: *управлять огромнаю слона*, ср. *regieren* съ Вин.; *60 случай*; *мало вода*, ср. *wenig Wasser*; *брать часы*, вм. уроки); 2) оши-

*) Примѣчаніе ред. Статья проф. В. А. Богородицкаго представляетъ собою резюме реферата, читаннаго на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Редакція «Ивѣстій» предлагаетъ ее вниманію читателей, какъ сводъ общихъ руководящихъ положеній, предшествующій «программѣ для собиранія данныхъ по вопросу о смѣшанныхъ языкахъ», которую авторъ готовитъ для нашего изданія.

бочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ изучаеомъ (ср. выраженія въ неправильной русской рѣчи нѣмца: *симпатическій* человекъ, т. е. неправильная подстановка суффикса, существующаго въ языкѣ изучаеомъ; или: *лѣвизость*, не *ѣдите* (повелит. накл.) и т. п.).

Смѣшанныя нарѣчія я раздѣляю на три класса:

I. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ, при чемъ языки эти могутъ быть родственны между собою (напр. русскій и нѣмецкій и т. п.), или же не родственны (напр. русскій и чувашскій и т. п.). Мои наблюденія въ послѣднемъ случаѣ производились надъ русской рѣчью двухъ тюркскихъ народностей—чувашъ и татаръ (напр. чувашинъ говоритъ: „время-то прошелъ ужъ“, т. е. смѣшеніе родовъ; „училъ своя теревня“, т. е. перенесеніе функціи предлога на окончаніе, и пр.).

II. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ близко родственныхъ языковъ, напр. русскаго и польскаго, русскаго и чешскаго и т. п. Вслѣдствіе присутствія въ такихъ языкахъ массы сходныхъ въ звуковомъ отношеніи словъ, но выработавшихъ неодинаковое значеніе (ср. рус. милость || пол. miłość и т. п.), въ смѣшанной рѣчи этого типа будутъ встрѣчаться ошибки въ семасіологическомъ употребленіи подобныхъ словъ.

III. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкаются нарѣчія одного и того же языка. Таковы переходные говоры отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, отъ малорусскаго къ великорусскому и т. п. Тутъ важно слѣдить, какія черты произошли отъ одного говора, а какія отъ другаго. Можетъ обнаруживаться при этомъ участіе фактора эстетико-эмоціональнаго, которымъ опредѣляется подборъ въ комбинаціи элементовъ или подражаніе въ томъ, а не иномъ отношеніи.

Что касается характера смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступить

мѣсто другому; 2) ни одно изъ соприкасающихся нарѣчій не проявляетъ особенной наклонности въ ассимиляціи, и только въ случаяхъ разговора между лицами двухъ разныхъ нарѣчій дѣлаются попытки приспособить свою рѣчь къ лучшему пониманію другаго.

Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т. е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтаксическомъ и лексическомъ. При этомъ фонетическое изученіе должно стремиться представить соотношеніе звуковыхъ системъ въ соприкасающихся нарѣчіяхъ, а также и то, какъ звуки одной системы субституируются звуками другой системы.

Матеріалъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій; художественныя пародіи смѣшанной рѣчи (напр. рѣчь Карла Ивановича въ Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности гр. Л. Толстаго, или еврейскій жаргонъ въ повѣсти „Жидъ“ Тургенева и т. п.), должны составлять хотя и важный, но лишь дополнительный источникъ: онѣ могутъ обратить вниманіе на такія типическія черты, которыя могли ускользнуть при непосредственныхъ наблюденіяхъ.

Изученіе смѣшанныхъ русско-инородческихъ нарѣчій будетъ способствовать уясненію историческаго процесса ассимиляціи и инородцевъ при поступательномъ колонизаціонномъ движеніи русскаго племени. Въ самомъ русскомъ языкѣ на такихъ смѣшанныхъ территорияхъ могутъ быть явленія, обусловленныя существованіемъ той или другой инородческой подпочвы. Такія явленія, по моему мнѣнію, будутъ выражаться, кромѣ лексической стороны, въ томъ или другомъ характерѣ вокализма („низкомъ“ и т. п.), въ характерѣ мелодическаго и ритмическаго строенія словъ и фразъ, въ порядкѣ словъ въ предложеніяхъ и др.

В. Богородицкій.

13. авг. 1893 г.

ДЕШИФРАЦІЯ

ЕНИСЕЙСКО - ОРХОНСКИХЪ НАДПИСЕЙ.

(Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Eniséi. Notice préliminaire. Par Vilh. Thomsen. Extrait du bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark, 1893. Copenhague. 1894.)

 Напечатанное въ V выпускѣ „Извѣстій“ за 1893 г. „письмо изъ Гельсингфорса“ заключало въ себѣ важную новость относительно выполненной Копенгагенскимъ профессоромъ В. Томсономъ дешифраціи Енисейско-Орхонскихъ надписей. Въ настоящее время, благодаря любезности г. Вихмана, мы имѣемъ подъ руками только что вышедшую въ Копенгагенѣ брошюру проф. Томсона относительно этого предмета и спѣшимъ познакомить съ содержаніемъ ея читателей „Извѣстій“.

Материаломъ для своего опыта дешифраціи проф. Томсенъ избралъ открытія г. Ядринцевымъ и скопированныя Гейкелемъ и Радловымъ Орхонскія двуязычныя надписи. Китайскій текстъ одной изъ этихъ надписей (№ 1 въ изданіи финно-угорскаго общества) былъ изданъ (съ переводомъ и предисловіемъ) голландскомъ синологомъ М. Г. Шлегелемъ въ брошюру „la stèle funéraire Teghin Giogl“ (Mém. de la Société Finno-Ougrienne, III, Hels. 1892).

Изъ текста этого становилось очевиднымъ, что памятникъ, покрытый рядомъ съ китайскими письменами загадочными

рунами Енисей, былъ воздвигнуть въ память Kiueh-ti-k'in т. е. князя (tigin тур.) Kiueh, сына Kout-tho-louk khohan, т. е. счастливаго кагана (ср. тур. qutluk = счастливый) и младшаго брата царствующаго хана Pi (t)-kia kha-hoa, 28 янв. 733 по Р. Х. Китайскіе источники знаютъ этого принца Kiueh, какъ члена династіи, правившей надъ Toukiue или турками съ половины VI в. до 743 г., когда ихъ могущество было ниспровергнуто Уйгурами. Второй памятникъ, по догадкамъ, воздвигнуть въ 734 г. въ память хана Pit-kia. Изъ китайскаго текста и собственныхъ именъ можно было уже догадываться, что памятникъ воздвигнуть надъ тюркскомъ княземъ и языкъ загадочныхъ надписей долженъ быть тюркскимъ. Приступая къ самостоятельному опыту дешифраціи, Томсенъ констатировалъ прежде всего, что колонны буквъ нужно читать сверху въ низъ, что буква лежитъ вершинами на лѣво, основаніями на право и колонны ихъ идутъ съ права на лѣво, какъ по китайски. Затѣмъ, обращаясь къ фонетическому опредѣленію знаковъ изслѣдуемаго алфавита, Томсенъ объясняетъ неуспѣшность предшествовавшихъ попытокъ тѣмъ, что онѣ велись безъ ясноопредѣленнаго метода и покоились главнымъ образомъ на сходствѣ знаковъ съ буквами извѣстныхъ уже алфавитовъ. Томсенъ отказываясь отъ поисковъ за параллелями, начинаетъ съ того, что опредѣляетъ число повторяющихся знаковъ 38. Число это привело изслѣдователя къ догадкѣ, что письмо Орхонское должно заключать въ себѣ гомофоны, т. е. различныя написанія для одного и того-же звука. Слѣдующая за этимъ задача изслѣдователя заключалась въ томъ чтобы опредѣлить, существуютъ-ли въ данномъ алфавитѣ особые знаки для гласныхъ и какія начертанія они имѣютъ. Для отысканія этихъ начертаній Томсенъ построилъ предположеніе, что, если мы имѣемъ комбинацію *xux*, т. е. тотъ-же знакъ впереди и позади другого, то наиболѣе правда подобнымъ будетъ предположеніе что если знакъ *x* есть гласный, то *u* будетъ согласный или наоборотъ. Сравнивая ряды аналогичныхъ сочетаній, Томсенъ пришелъ къ заключенію что

знаками, соотвѣтствующими гласнымъ, должны быть № 3, 2 и 4 прилагаемой таблицы. Къ тому-же выводу приводило его и другое замѣченное имъ обстоятельство: именно эти три знака въ однихъ и тѣхъ-же словахъ оказываются то написанными, то опущенными: ничего подобнаго относительно другихъ знаковъ Томсенъ не замѣтилъ.

Выдѣлившіи группу гласныхъ написаній, Томсенъ на основаніи соображеній, которыя онъ не нашелъ нужнымъ излагать въ брошюрѣ, даетъ каждому знаку его фонетическій эквивалентъ: 3-й = у, 2-й = і, 4-й = ъ. Къ этимъ тремъ знакамъ онъ затѣмъ присоединилъ четвертый, № 1 = а. Чтобы провѣрить свою гипотезу, Томсенъ сталъ отыскивать на изслѣдуемыхъ памятникахъ группы знаковъ, которыя должны были-бы соотвѣтствовать собственнымъ именамъ китайскаго текста. Послѣ многократнаго рассмотрѣнія памятника онъ остановился на двухъ сочетаніяхъ. Одно изъ нихъ встрѣчается чрезвычайно часто какъ на Орхонскихъ, такъ и на Енисейскихъ надписяхъ въ началѣ отдѣльныхъ частей надписей. Это сочетаніе № 1. Томсенъ предположилъ, что это сочетаніе должно означать *tānri* (*tengri*) —небо.

Второе сочетаніе встрѣчается чрезвычайно часто въ надписи № I и отсутствуетъ въ № II. Въ этомъ сочетаніи Томсенъ предположилъ имя принца, въ честь котораго воздвигнуть былъ памятникъ—*Kīueh-tigin*, или въ сокращенной тюркской формѣ, *Kök-tigin*. Послѣ долгихъ колебаній онъ пришелъ въ заключенію, что имя это слѣдуетъ читать не *Kök tigin*, а *Köl-tigin*. При помощи двухъ этихъ чтеній Томсенъ дешифрировалъ еще одно часто встрѣчающееся сочетаніе знаковъ № 3 = *turk*, которое по его мнѣнію рѣшаетъ вопросъ о народности, создавшей Орхонско-Енисейскія письма. Подставивъ отысканные такимъ образомъ знаки въ другія сочетанія и соображаясь съ корнями турецкаго языка, Томсенъ открылъ постепенно фонетическіе эквиваленты другихъ знаковъ и убѣдился въ вѣрности своей дешифраціи путемъ истолкованія прочитанныхъ текстовъ изъ тюркскихъ партій. Въ видѣ образ-

чика своего чтенія онъ даетъ полный титулъ хана: „tāngritäg tāngrida bolmyš türk bilgäqagan“ — „мудрый ханъ тюрковъ, который былъ на небѣ или подобенъ небу“. Этотъ же титулъ съ подстановкою вмѣсто türk—Uigur встрѣчается на фронтисписѣ III памятника, который относится уже въ уйгурской эпохѣ. Въ точности своего чтенія г. Томсенъ убѣдился изъ письма нашего академика Радлова, въ которомъ тотъ сообщаетъ ему, что онъ на уйгурской части памятника прочиталъ титулъ: „мудрый и верховный хаганъ, который нашелъ блаженство на небѣ“.

Предлагая свой алфавитъ, Томсенъ выражаетъ убѣжденіе, что это языкъ памятниковъ тюркскій, родственннй уйгурскому, но болѣе примитивный. Вопросъ о происхожденіи алфавита остается открытымъ, но Томсенъ находитъ нужнымъ обратить вниманіе на сходство между нѣкоторыми знаками его и формами (семиито-) пехлевійскаго алфавита.

И. Смирновъ.

Примѣчаніе. По самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ Н. Э. Катановымъ, Орхонско-Енисейскія надписи свободно читаются и переводятся въ настоящее время академикомъ В. В. Радловымъ.

СОЧЕТАНІЯ

СЪСТАВЛЕНІЕ 1. Г У У Н СЪЧЕТАНІЕ 2. М Б Г Н У Р У СЪЧЕТАНІЕ 3. Б У М Н

АЛФАВИТЪ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	
√	Г	>	М	Н	Δ	↓	У	У	
А, А̇.	Ы, И.	О, У.	Ө, Ӧ.	К. ¹	К ПРЕДЪ Ы.	К ПОСЛЪ И ПРЕДЪ О, У.	Г (= Ч)	К. ²	
10	11	12	13	14	15	16	17	18	
Б	Б	Б	Н	»»	Х	1	Д	Д Д	
К ПОСЛЪ Г И ПРЕДЪ О, У.	Г. ² (= Г̇)	Т. ¹	Т. ²	Д. ¹	Д. ²	П.	Б. ¹	Б. ²	
19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
У	У	М	Д	Ч	У	√	У	Д	У
Н, Г.	Н. ¹	Н. ²	М.	Р. ¹	Р. ²	Л. ¹	Л. ²	Й.	Й. ²
29	30	31	32	33	34	35	36	37	38
Э	У	І	Н	У	Л	У	У	З	М
АЙ.	С. ¹	С. ²	З.	Ш.	Ч.	Ч. (І?)	НД. (НТ).	НЧ.	ЛД. (ЛТ.)

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Надгробные камни въ Жукотинскомъ округѣ по лѣвую сторону Камы. Субычья горы на Камѣ.

19 августа истекшаго 1893 г. были представлены въ Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ снимки съ надписей, высѣченныхъ на двухъ древнихъ надгробныхъ камняхъ, и одинъ изъ этихъ камней¹⁾. Камни эти найдены близъ Жукотинскаго городища, на западъ или вѣрнѣе—на юго-западъ отъ него, за оврагомъ, которымъ ограждено городище съ западной и юго-западной стороны, на равстояніи приблизительно одной версты отъ него. Первый изъ этихъ камней (снимокъ № 1) найденъ въ 1892 г. однимъ крестьяниномъ деревни Донауровки при распаханіи имъ своего поля; поле это находится южнѣе того мѣста, которое, какъ полагаютъ, было занято вѣкогда кладбищемъ, и которое лежитъ за оврагомъ, напрѣтивъ городища. Камень оказался лежащимъ въ землѣ плашмя. Рассказываютъ, что крестьянинъ, нашедшій камень, поспѣшилъ переправить его къ себѣ или для своихъ домашнихъ потребностей, или для того, чтобы продать его татарамъ, какъ священный для нихъ предметъ; но, какъ далѣе рассказываютъ, ночью явился ему человекъ, одѣтый въ бѣлую одежду, котораго онъ принялъ за покойника, погребеннаго подъ найденнымъ имъ камнемъ, и который сталъ его мучить, приказывая ему отвезти похищенный имъ камень на прежнее мѣсто. Испуганный крестьянинъ тотчасъ же, ночью, долженъ былъ исполнить это приказаніе, чтобы отгнаться отъ страшнаго привидѣнія²⁾. По формѣ

¹⁾ Снимки и камень были переданы г. товарищу предсѣдателя Общества И. А. Износкову.

²⁾ Интересно, что подобная же исторія случилась лѣтъ десять тому назадъ въ селѣ Змиевѣ. Въ этомъ селѣ есть два старинныхъ надгробныхъ камня съ надписями на нихъ. Одинъ лежитъ у дома священника, а другой среди улицы. Этотъ послѣдній камень пожелалъ взять себѣ крестьянинъ этого же села. Савелій Боровковъ (онъ же Бѣляевъ) и съ этою цѣлію перевезъ его къ своему дому; но когда онъ сдѣлалъ это, то расхворался и самъ и

камень представляет собою плоскій параллелепипедъ съ закругленной вершиной, имѣющей небольшой уступъ. Размѣръ его: длина 2 аршина $8\frac{1}{2}$ вершк., ширина $12\frac{1}{2}$ вершк., толщина $4\frac{1}{8}$ вершк. Надпись находится только на одной сторонѣ камня. Въ закругленной вершинѣ его высѣчена звѣзда, а ниже идетъ самая надпись; звѣзда и надпись обведены каймой. Часть камня, которая была врыта въ землю ¹⁾, равняется 11-ти вершк.; значить, надъ поверхностью земли онъ возвышался на 1 арш. $13\frac{1}{2}$ вершк. Надпись на камнѣ сохранилась превосходно.

Другой камень, который представленъ въ Казанское Общество Археологии, Исторіи и Этнографіи, находился на межѣ, недалеко отъ перваго, къ сѣверу отъ него, ближе къ мѣсту предполагаемаго кладбища. Гдѣ онъ находился первоначально, я не знаю. Этотъ камень былъ указанъ донатуровскимъ пастухомъ инспектору народныхъ училищъ по чистопольскому уѣзду В. М. Гаеву, который взялъ его съ межи и отдалъ въ наше распоряженіе. Размѣръ этого камня: длина $13\frac{1}{2}$ вершк., толщина не вездѣ одинакова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ $3\frac{1}{2}$ вершк. Вершина этого камня обдѣлана также въ видѣ полукруга съ небольшимъ уступомъ.

Оба снимка были представлены на разсмотрѣніе бібліотекаря Казанскаго Университета І. Э. Готвальду, который сдѣлалъ и переводъ этихъ надписей. Надпись на большомъ камнѣ имѣ переведена такъ: «Предопредѣленіе у Бога высокаго, великаго. Атраджъ Хирь... ишъ, да умилосердится Богъ надъ нимъ обширнымъ милосердіемъ. Умеръ въ 760 г. въ мѣсяцѣ Мохарремъ, 20-го дня, въ пятницу» (по христіанскому лѣтосчисленію, 10 марта 1320 г.); надпись на маломъ камнѣ:

«Предопредѣленіе у Бога. Мамала сынъ, Али, умеръ». По объясненію Готвальда, вмѣсто выраженія: «предопредѣленіе у Бога» можно сказать такъ: «судъ (принадлежитъ) богу», и этотъ переводъ будетъ даже буквальный; вмѣсто: «да умилосердится» и проч. буквальный такъ: «да будетъ милосердъ богъ надъ нимъ великимъ (широкимъ) милосердіемъ». Языкъ надписей—древнетатарскій съ небольшою примѣсью чувашскаго.

Въ селѣ Кубассахъ Чистопольскаго уѣзда, расположенномъ на горномъ возвышеніи, сопровождающемъ лѣвый берегъ Камы, ниже Чистополя, верстахъ въ пятнадцати отъ него, находится еще старинный надгробный камень съ

вся семья его; болѣзнь продолжалась все время, пока камень лежалъ у забора его дома; но какъ только его положили на прежнее мѣсто, такъ вся семья выздоровѣла. Объ этомъ передавалъ мнѣ въ сентябрѣ прошлаго года крестьянинъ села Зміева Евфимъ Семеновъ Леонтьевъ. Боровкова же въ настоящее время уже нѣтъ въ живыхъ, а семья его переселилась въ Томскую губернію. По предположенію того же крестьян. Леонтьева, на мѣстѣ нынѣшняго села Зміева было когда-то кладбище, потому что находили въ этомъ селѣ чело-вѣческія кости, особенно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ сельское училище; кости встрѣчались обыкновенно на глубинѣ одного аршина отъ поверхности земли. Тотъ же Леонтьевъ говорилъ мнѣ, что лѣтъ 25 тому назадъ въ полѣ около Зміева была найдена сабля.

¹⁾ Эта часть обтесана менѣе тщательно, чѣмъ верхняя часть, гдѣ находится надпись.

надписью¹⁾. Онъ найденъ въ 1891 г. въ этомъ же селѣ, на площади, гдѣ стоитъ церковь, у самой пожарной палатки.

По словамъ старика, завѣдующаго пожарной палаткой, камень найденъ лежащимъ надписью внизъ и вершиной обращеннымъ къ югу; отсюда старикъ заключаетъ, что онъ стоялъ на могилѣ, оказавшейся подъ нимъ, надписью на югъ, тогда какъ направленіе самой могилы—отъ запада къ востоку.

Кубасскій камень замѣчательнъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ имѣеть сходство съ надгробнымъ камнемъ, находящимся въ одной изъ мечетей г. Казани, каковой камень, по замѣчанію В. В. Вельямина-Зернова, въ свою очередь напоминаетъ «наружнымъ видомъ своимъ, величиною и вырѣзанными на немъ надписями касимовскіе камни»²⁾; сходство кубасскаго камня съ камнемъ, находящимся въ казанской мечети, настолько велико, что его можно описывать отчасти тѣми же словами, какими описанъ тотъ камень казанскимъ муллою Шегаб-ед-диномъ, сыномъ Бега Ед-дина ель Мерджанія³⁾. Сходство между этими камнями заключается въ ихъ величинѣ и наружномъ видѣ; оба камня имѣютъ въ длину два аршина безъ одного вершка, въ ширину три четверти аршин., въ толщину казанскій камень имѣеть 5 вершк., а кубасскій—5½—вершк.; у обоихъ камней верхъ суженъ въ видѣ треугольника, и у обоихъ камней надпись начинается ниже зегого треугольника. Надпись на кубасскомъ камнѣ заключается въ 10-ти строкахъ; высѣчена она далеко не такъ тщательно, какъ надписи на вышеописанныхъ жукогинскихъ камняхъ,—можно сказать, что она не столько высѣчена, сколько выцарапана, и потому сохранилась не такъ хорошо, какъ надписи на тѣхъ камняхъ; всей ея нельзя снять.

Помощники старика по завѣдыванію пожарной палаткой въ надеждѣ найти кладъ разрывали мѣсто, гдѣ былъ открытъ камень, и на глубинѣ приблизительно одного аршина отъ поверхности земли нашли костякъ, который, по предположенію старика, принадлежалъ взрослому человѣку, средняго роста; головой онъ былъ обращенъ къ западу. Болѣе подробно разсказать о положеніи костяка старикъ не могъ, хотя и самъ онъ интересовался этимъ вопросомъ; дѣло въ томъ, что могила была разрыта въ его отсутствіе, и когда онъ пришелъ, то первоначальное положеніе костяка было настолько измѣнено кладоискателями, что онъ уже не могъ сдѣлать никакого заключенія. Вещей въ могилѣ не было найдено.

Одинъ крестьянинъ деревни Березовки, лежащей на томъ же лѣвомъ берегу Камы, рядомъ съ селомъ Кубассами, ближе къ Чистополю, говорилъ мнѣ, что и теперь можно встрѣчать древніе надгробные камни по берегу Камы, между Березовкой и лѣсомъ, стоящимъ на востокъ отъ нея, на разстояніи 2—3-хъ верстъ; но только камни эти углубились въ землю, такъ что ихъ нужно вырывать.

¹⁾ Этотъ камень лежитъ на улицѣ означеннаго села, подъ окнами одного крестьянскаго дома.

²⁾ Шпилевскій. Древніе города, стр. 473 и 474.

³⁾ Ibidem, стр. 474.

Изъ того обстоятельства, что въ селѣ Кубассахъ найденъ древній надгробный камень, слѣдуетъ заключить, что такъ называемый Жукогинскій округъ по лѣвую сторону Камы не оканчивался тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится березовское городище (или, какъ оно называется у мѣстныхъ жителей, «Шипка»), но простирался далѣе къ западу, захватывая мѣстность нынѣшняго села Кубассъ.

П. Вознесенскій.

II. ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Матеріалы для исторіи Казанскихъ монастырей.

Лѣта 7148 (1640) Февраля во 2 день бояринъ и воевода князь Левъ Андреевичъ Голицынъ, Стольникъ Федоръ Васильевичъ Бутурлинъ, Акакій Степановичъ Кудрявцевъ, Исакъ Кудринъ сего дѣла слушавъ, приговорили рѣчкою Мешкалою владѣти Зилантова монастыря игумену Исаяю съ братією, а Краснымъ озеромъ владѣти Преображенскаго монастыря Архимандриту Паонутію съ братією, потому били челомъ Государю Царю и великому Князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси Успенъя Пресвятыя Богородицы Зилантова монастыря игуменъ Исая съ братією, а сказали въ прошеніи въ 83 году блаженныя памяти Государя Царя и великаго Князя Ивана Васильевича, всея русія грамотой дано имъ на прокормъ рыбныя ловли за Камою рѣкою степная рѣчка Мешкала со озера и съ истоки, которые въ ту рѣку впади. А въ тѣ же поры въ Казани бояринъ и воевода князь Петръ Андреевичъ Богдановъ съ товарищи дали имъ съ тое жалованныя грамотѣ владѣнную грамоту на тѣ воды за своею печатью, за скрѣпою дьячка Владимірова И тѣ де Преображенскаго монастыря учали въ тѣ воды вступатца и которые озера въ ту жь Мешкалу рѣчку впади называютъ своими и рыбу ловять насильствомъ и имъ стало кормятъ нечемъ и Государь бы ихъ пожаловалъ велѣлъ въ тѣ воды изъ Казани послать дозорщика и велѣть имъ тѣ воды отвести старожильцамъ и вотчинникамъ, а въ жалованной грамотѣ, какова дана въ Казани въ 83 (1575 г.) году за печатью боярина и воеводы Петра Андреевича Богданова за приписью дьяка Василья Елизарова написано: «Дано въ домъ Успеніе Пресвятыя Богородицы, что на Зилантове горѣ, игумену Пареевию съ братією или кто по немъ иные игумены въ томъ монастырѣ будутъ за Камою рѣчкою рѣчка Мешкала съ озера и съ истоки, которые отъ озера впади въ рѣчку Мешкалу, а Преображенскаго монастыря въ жалованной грамотѣ, какова дана въ прошломъ 129 (1621 г.) году, за приписью дьяка Семена Головина написаны затѣмъ монастыремъ рыбныя ловли въ Камскомъ устьѣ въ рѣкѣ Сворче въ Чертыкѣ отъ верхніе взголови по нижну взголовъ съ подводи и съ заводми и съ истоки Красное озеро. А ловить рыба лѣтомъ и зимою. И противъ той выписки посыланъ про тѣ воды сыскивать Богданъ Пелѣядинъ. А всмыску ево написано: «Троицкаго Лаишевскаго монастыря черной попъ сказалъ по иноческому общанію то онъ вѣдаетъ рѣчкою Меш-

калою владѣть Зилантова монастыря игумень съ братією, а про Красное озеро—кто имъ владѣть Казанскаго ли Преображенскаго монастыря архимандритъ съ братією или Зилантова монастыря игумень съ братією,—про то онъ не вѣдаетъ и озеро Краснаго не знаетъ. Да Лаишевскіе два попа да діаконъ сказали—рѣчкою де Мешкалою владѣть Зилантова монастыря игумень съ братією, а та де рѣчка Мешкала пала въ Красное озеро, а кто тѣмъ озеромъ владѣть—они не вѣдаютъ; Лаишевскіе же два попа да діаконъ; лаишевскіе же служилые казаки пятнадцать человѣкъ.... двадцать два человѣка да служилые татары и чуваша двадцать восемь человѣкъ, всего девяносто два человѣка сказали: рѣчкою Мешкалою и Краснымъ де озеромъ хто рыбными ловлями владѣть Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандритъ съ братією владѣть или Зилантова монастыря игумень съ братією владѣть и они про тѣ воды сами ничего не вѣдаютъ и ни отъ кого не слышали. Одинъ Лаишевскій посадскій человѣкъ сказалъ рѣчкою де Мешкалою рыбными ловлями владѣть Зилантова монастыря игумень съ братією, а впала де та рѣчка Мешкала въ Красное озеро, а тѣмъ де Краснымъ озеромъ прежде сего и нынче владѣть Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандритъ Паенути съ братією а потому де лѣтъ съ семь лавливали де тѣ оба монастыря въ Мешкалѣ и въ Красномъ озерѣ вмѣстѣ, а почему они вмѣстѣ лавливали—того онъ не вѣдаетъ, а пала де та рѣчка Мешкала и Красное озеро въ Чертыкъ рѣчку, а Чертыкомъ де владѣть Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандритъ съ братією; лаишевскіе же три человѣка служилые казаки два человѣка бѣлодворцовъ да Государевыхъ дворцовыхъ сель Толмянскаго и.... мису крестьянъ пятьдесятъ три человѣка сказали рыбными де ловлями за Камю рѣкою степною рѣчкою Мешкалою съ истоки и съ озерки изстари де тѣми водами владѣть Зилантова монастыря игумень съ братією. А почему они владѣютъ—того они не вѣдаютъ. А та рѣчка Мешкала пала въ Красное озеро и тѣмъ де Краснымъ озеромъ владѣть Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандритъ съ братією. А почему они владѣютъ—того не вѣдаютъ. Девять человѣкъ новокрещенныхъ да служилыхъ татаръ и чувашъ разныхъ деревень пятьдесятъ три человѣка сказали рыбною де ловлею за Камю рѣкою степною рѣчкою Мешкалою съ озерки и съ истоки, которые въ ту рѣчку впали, напрежъ сего.... тѣми водами изстари владѣть Зилантова монастыря игумень съ братією. А почему они владѣютъ—того они не вѣдаютъ, а та де Мешкала рѣчка впала по татарски въ Кубу арушкеде ... Кубу называютъ Краснымъ озеромъ и то де Красное озеро и съ истокомъ впало въ Чертыкъ, а владѣть де тѣмъ Краснымъ озеромъ издавна жъ Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандритъ съ братією, а почему они владѣютъ,—того они не вѣдаютъ и рѣчкою Мешкалою игумену съ братією, а Краснымъ озеромъ архимандриту съ братією владѣть и приговорили и сей приговоръ велѣли имъ сказать.

Сообщилъ Никаноръ, епископъ Архангельскій.

ХРОНИКА.

Археологія, історія и етнографія В. Росіи вт 1893 г.

Хроніку I-го випуска, по примѣру прошлаго года, мы начинаемъ обзоромъ тѣхъ завоеваній, которыя сдѣланы археологіей, історіей и етнографіей В. Росіи за 1893-й годъ. Экстренныхъ приемовъ, въ родѣ вчужѣ обидѣвшихъ кое-кого поисковъ за «мертвой точкой», для этого обзора не понадобится. 1892-й годъ оставилъ хроникеру: 1) факты, по сравненію съ которыми можно оцѣнивать итоги 1893 г., и 2) замыслы и начинанія, за осуществленіемъ которыхъ мы слѣдили.

Нашъ обзоръ начинается съ Казани и ближайшимъ образомъ съ дѣятельности того Общества, органомъ котораго являются «Извѣстія». Первое мѣсто въ его активѣ слѣдуетъ отвести открытію мѣстонахожденія важнѣйшаго послѣ Болгаръ центра Волжской Булгаріи—Суvara. Суваръ былъ извѣстенъ Арабамъ съ X в.; здѣсь были, судя по монетамъ, свои ханы, здѣсь возникъ одновременно съ Булгаромъ древнѣйшій очагъ мусульманства на Волгѣ. Его дальнѣйшая судьба оставалась до сихъ поръ темной. Вещи, добытыя на мѣстѣ этого города г. Ахмаровымъ, показали, что онъ существовалъ и въ позднѣйшую татаро-булгарскую эпоху. Раскопки, производившіяся въ Болгарахъ на средства Императорской Археологической Коммисіи, доставили нѣсколько новыхъ фактовъ изъ области татарскаго періода въ історіи Булгара. Какъ пассивъ въ дѣятельности Общества, мы должны разсматривать тѣ колебанія, которымъ подверглося изданіе нашего органа. Съ начала 1892 г. «Извѣстія» были преобразованы въ періодическое изданіе съ точно опредѣленнымъ промежуткомъ, черезъ который должны появляться книжки.

Въ теченіе 1892-го года и первой половины 1893-го принятый порядокъ выдерживался; выпустить книжку въ установленный день составляло для редакціи point d'honneur. Съ 5-мъ и 6-мъ выпусками «Извѣстій» вышла заминка, которая показала, какъ мало еще застраховано наше молодое изданіе отъ вліянія различныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, какое напряженіе редакціонныхъ силъ требуется для того, чтобы вести его опредѣленнымъ разъ навсегда ходомъ. Дѣйствіе этихъ случайностей въ настоящее время

устранено; съ 2-мъ выпускомъ, который выйдетъ въ двадцатыхъ числахъ марта «Извѣстія» пойдуть своимъ нормальнымъ ходомъ, но задержка 5 и 6 выпусковъ за 1893 г. все-же ложится пятномъ на ихъ исторію въ истекшемъ году.

Пермь потеряла Д. Д. Смышляева, которому она обязана прекрасной постановкой своихъ «Памятныхъ Книжекъ» и основаніемъ «Пермскаго Края». Въ лицѣ покойнаго она утратила одного изъ лучшихъ знатоковъ и любителей мѣстной исторіи, талантливаго организатора мѣстной ученой дѣятельности. Его потеря, несомнѣнно, отразится не на однихъ изданіяхъ мѣстнаго статистическаго комитета. Оставшіяся научно-литературныя силы Пермскаго края дробятся между нѣсколькими конкурирующими научными учрежденіями. Въ Перми въ истекшемъ году функционировали: Статистическій Комитетъ, Архивная Коммиссія и Пермская Коммиссія Уральского Общества Любителей Естествознанія. Комитетъ выпустилъ II т. «Пермскаго Края», Архивная Коммиссія два выпуска своихъ трудовъ, Уральская Коммиссія не имѣетъ въ Перми самостоятельнаго изданія, но на ея засѣданіяхъ доложено было нѣсколько интересныхъ рефератовъ, относящихся къ археологіи и исторіи мѣстнаго края. Наиболѣе энергичнымъ работникомъ во всѣхъ переименованныхъ учрежденіяхъ оказался Ѡ. А. Теплоуховъ. Послѣ долготѣней коллекторской дѣятельности онъ выступилъ въ истекшемъ году съ научной обработкой собраннаго матеріала: въ «Трудахъ» Архивной Коммиссіи онъ напечаталъ статью «Памятники каменнаго и бронзоваго вѣка на Камѣ», въ «Пермскомъ Краѣ» о чудскихъ идолахъ въ вѣрѣ фантастическихъ животныхъ, въ засѣданіяхъ Коммиссіи Уральского О. Л. Е. онъ выступилъ съ двумя рефератами: 1) «Пермская Чудь по даннымъ археологіи» 2) «О находкахъ въ пещерахъ на р. Чанвѣ Соликамскаго уѣзда». Съ содержаніемъ печатныхъ трудовъ почтеннаго пермскаго археолога читатели «Извѣстій» уже знакомы изъ помѣщенныхъ въ IV выпускѣ библиографическихъ отчетовъ. Рефератъ «о Пермской Чуди» представляетъ, судя по отчету о немъ въ «Перм. Губ. Вѣд.», изложеніе взглядовъ, высказанныхъ въ статьѣ объ идолахъ. Подтвержденіе своихъ взглядовъ на народность Чуди авторъ видитъ между прочимъ и въ тѣхъ отрицательныхъ результатахъ, которыми сопровождалась въ 1893 г. наша попытка отыскать чудскіе могильники: если Чудь представляла собою вѣтвь Угорской группы Финновъ, то отъ нея и не могло остаться могильниковъ, думаетъ г. Теплоуховъ—и, кто знаетъ, можетъ быть онъ окажется современнымъ правымъ. Сообщение Ѡ. А. оживило мѣстный интересъ къ вопросу о Чуди. Противъ его гипотезы высказался другой членъ Коммиссіи г. Остроумовъ, занимавшійся въ недавнее время специально вогулами, и общался «опровергнуть всѣ доводы референта». Съ исполненіемъ этого общанія мы познакоимся, вѣроятно, уже въ текущемъ году. Рядомъ съ Ѡ. А. Теплоуховымъ изслѣдованіемъ Пермскихъ древностей занимался въ 1893 г. секретарь Коммиссіи С. И. Сергѣевъ. Въ одномъ изъ засѣданій Коммиссіи былъ прочитанъ его рефератъ «О пещерахъ на р. Яйвѣ и ея притокахъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи». Рефератъ этотъ былъ плодомъ его экскурсіи въ Яйвенскія пещеры, изъ которыхъ онъ вывезъ собраніе каменныхъ ору-

дй, монеть и идоловъ. Другая сосѣдка Кавани, Вятка овнаменовала въ истекшемъ году свою дѣятельность изданіемъ календаря и нѣсколькими статьями въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

О дѣятельности Уральского Общества Любителей Естествознанія много говорить не приходится. Въ теченіе отчетнаго года Уральское Общество Любителей Естествознанія не выдвинуло ни одного мало мальски интереснаго сообщенія по археологіи и этнографіи мѣстнаго края. Такъ-же, какъ и въ прошломъ году, кое-какой вкладъ въ этотъ отдѣлъ изученія мѣстнаго края сдѣлала мѣстная газета «Екатеринбургская Недѣля». Изъ помѣщенныхъ въ ней статей обращаетъ на себя вниманіе обширный очеркъ г. Б. «Къ исторіи южной части Екатеринбургскаго уѣзда».

Газеты являлись органами распространенія свѣдѣній по исторіи и этнографіи мѣстнаго края и въ Тобольскѣ. Комитетъ Тобольскаго музея, выступившій съ проэктомъ основанія «Ежегодника» еще въ 1892 г., въ 1893 успѣлъ только подготовить матеріалъ для первой книжки, которая должна появиться въ 1894 г., и объявить на предпринимаемое изданіе подписку.

Томское «Общество Естествоиспытателей и Врачей» проэктировало, по извѣстіямъ мѣстныхъ газетъ, командировать для археологическаго и этнографическаго изученія губерніи С. К. Кузнецова, Т. О. Оссовскаго и К. А. Шапошникова. Мѣстная печать—преимущественно «Симбирскій Вѣстникъ»—дала нѣсколько интересныхъ статей по этнографіи Сибири. Въ «Восточномъ Обзорѣніи» (№ 9) мы нашли извѣстіе, что въ Томскѣ переселился, въ званіи дорожнаго техника, Г. О. Оссовскій, извѣстный своими работами по до-исторической археологіи В. Пруссіи, Познани и Галиціи. Когда-то г. Оссовскій произвелъ большой шумъ результатами своихъ изслѣдованій Галиційскихъ пещеръ. Переводъ его съ Запада въ Сибирь по словамъ газеты прямо обусловливается желаніемъ ввести Сибирь въ кругъ своихъ археологическихъ изслѣдованій. Въ добрый часъ, конечно; но до сихъ поръ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что предпринялъ г. Оссовскій для осуществленія своей задачи.

Замѣчательный подъемъ научной дѣятельности, рядомъ съ ученымъ, но не торопливымъ Томскомъ, представляетъ за истекшій годъ Омскъ. Подъ управленіемъ новаго предсѣдателя Г. Е. Катанаева мѣстный отдѣлъ Географическаго Общества, можно сказать, совершенно переродился: засѣданія слѣдовали одно за другимъ на протяженіи двухъ недѣль, иногда одной, вмѣсто обычной одной книжки отдѣлъ выпустилъ въ 1893 г. уже 5 книжекъ и не теряетъ надежды выпускать современемъ по 6 выпусковъ своихъ «Записокъ» въ годъ. Главнымъ виновникомъ этого оживленія является самъ Г. Е. Катанаевъ; ему принадлежатъ самыя крупныя и интересныя для насъ работы, напечатанныя въ «Запискахъ»: «Киргизскія степи, Средняя Азія и Сѣверный Китай въ XVII и XVIII ст. по показаніямъ, развѣдкамъ, доѣзжимъ записямъ, отчетамъ и изслѣдованіямъ Западно-Сибирскихъ казаковъ и прочихъ служивыхъ Сибирскихъ людей» (книжка XIV, вып. I), «Еще объ Ермакѣ и его Сибирскомъ походѣ» (кн. XV, вып. II), «Хлѣбопашество въ Бельгагтской безводной степи Алтайскаго горнаго округа»—(ibid.), «При-Иртышскія казаки

и киргизы Семипалатинскаго уѣзда въ ихъ домашней и хозяйственной обстановкѣ (къ вопросу о культурномъ взаимодействіи расъ) — *ibid.* Во вторую половину года онъ предпринялъ путешествіе въ Кокчетавъ уѣздъ и вывезъ оттуда любопытный этнографическій матеріалъ. Г. Катанасевъ оказался однако не однимъ воиномъ въ Омскомъ полѣ. Рядомъ съ нимъ работали г. Закржевскій («Краткій очеркъ Сѣвернаго склона Джунгарскаго Ала-тау» — (кн. XV, вып. I), А. Александровъ («Поѣздка въ Восточный Тянь-Шань») — П. Маковецкій («Юрта» — кн. XV, вып. III), В. Михайловъ («Киргизскія степи Акмолинской области» — *ibid.*, XVI, I) К. Качаровскій («Переселенцы въ Азиатской Россіи» — XVI, I). Съ содержаніемъ всѣхъ перечисленныхъ статей мы надѣемся еще познакомить читателей въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы называемъ ихъ только для того, чтобы дать читателямъ точное представленіе о размѣрахъ и направленіи Омской дѣятельности. Искренне желаемъ, чтобы въ наступающемъ году Омскъ подошелъ ближе къ осуществленію такъ твердо поставленной задачи.

Жизнь Восточно-Сибирскаго отдѣла Импер. Р. Географическаго Общества шла обычнымъ ходомъ. Отдѣлъ выпустилъ XXIII-й томъ своихъ «Извѣстій», въ которыхъ помѣщено нѣсколько статей по археологіи и этнографіи Сибири: А. Кузнецова «Отчетъ объ археологической поѣздкѣ въ юго-восточную часть Забайкалья въ 1892 г.», Подгорбунскаго «Воззрѣнія буддійской священной литературы на женщину», Вацлава Сѣрашевскаго «Объ якутскихъ пѣсняхъ и пѣвцахъ», А. С. Еленева «Естественно-географическій очеркъ р. Енисея» (характеристика положенія инородческаго населенія въ Туруханскомъ краѣ). Для археологическаго, антропологическаго и этнографическаго изученія мѣстныхъ инородцевъ Восточно-Сибирскій отдѣлъ предполагалъ организовать нѣсколько небольшихъ экскурсій. А. С. Еленевъ долженъ былъ заняться археологическимъ изученіемъ окрестностей Иркутска, кандидатъ правъ Кроль — изученіемъ юридическаго быта Бурятъ, врачъ Ю. Д. Гриневицъ — антропологическимъ изученіемъ Монголо-Бурятъ. Самымъ крупнымъ фактомъ въ исторіи отдѣла за 1893 г. является переходъ въ его вѣдѣніе этнографическаго изученія Якутской области. И. М. Серебряковъ выразилъ готовность предоставить въ распоряженіе отдѣла 10,000 рублей на выясненіе взаимнаго вліянія русскаго и инородческаго населенія и на изслѣдованіе инородческаго населенія Якутской области въ этнографическо-экономическомъ отношеніи. Условія, на которыхъ г. Серебряковъ выразилъ готовность сдѣлать въ пользу отдѣла такое выдающееся по размѣру пожертвованіе, были слѣдующія: изслѣдованіе ведется не менѣе двухъ лѣтъ, деньги вносятся г. Серебряковымъ въ сроки указанные отдѣломъ; назначеніе экскурсентовъ и вознагражденіе за труды тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ избраны на весь срокъ экспедиціи, производится съ согласія жертвователя; общее завѣдываніе экспедиціей поручается извѣстному мѣстному дѣятелю и изслѣдователю Д. А. Клеменцу. Отдѣлъ принялъ условія жертвователя и предположилъ поручить члену Статистическаго Бюро при канцеляріи генераль-губернатора В. Ю. Григорьеву изслѣдованіе быта инородческаго населенія въ той части Якутской области, которая тяготеетъ къ золотымъ промысламъ Олекминско-Витимской

системы. На эту первую экспедицію предположено было ассигновать 1,600 рублей. Пожертвованіе И. М. Серебрякова дало возможность Иркутскимъ дѣтелямъ осуществить свою давнишнюю мечту, переходъ отъ большихъ подвижныхъ экспедицій къ стационарному изслѣдованію края. Г. Клеменцъ не разъ высказывалъ положеніе, что обстоятельное описаніе края возможно только при помощи мѣстныхъ, хорошо обставленныхъ и организованныхъ на продолжительный срокъ изслѣдованій.

На счетъ Восточнаго Отдѣла Г. О. слѣдуетъ отнести и то пробужденіе научнаго интереса въ Забайкальи, которое выражается въ хлопотахъ объ организаціи мѣстныхъ музеевъ и научныхъ собраній. О музей начинаютъ мечтать въ Читѣ, а въ офицерскомъ собраніи устраивались публичныя лекціи, посвященныя мѣстному краю, на которыхъ собиралось значительное количество слушателей, между прочимъ дамъ и учащейся молодежи обоего пола. Одна изъ этихъ лекцій «объ ороціонахъ Верхне-Ангарскаго округа» (П. П. Шимкевича) сопровождалась туманными картинами и коллекціей фотографическихъ снимковъ. Тотъ-же г. Шимкевичъ прочелъ въ мѣстномъ отдѣлѣ Императорскаго Общества «размноженія промысловыхъ и охотничьихъ животныхыхъ» докладъ «Объ охотѣ у Орочонъ».

Лежащая на пути иркутскихъ изслѣдователей въ Монголію торговая Кяхта входитъ подъ вліяніемъ Иркутска во вкусъ научныхъ интересовъ. Восточно-Сибирскій отдѣлъ Г. О. стремится къ тому, чтобы обратить ее въ станцію для изслѣдованія Забайкалья и Монголіи. Онъ предлагаетъ свое содѣйствіе къ открытію въ городѣ музея и выражаетъ готовность открыть здѣсь отдѣленіе собственнаго музея. Въ истекшемъ году вопросъ о музей подвинулся значительно впередъ. А. Д. Старцевъ пожертвовалъ для помѣщенія его домъ, а директоръ мѣстнаго реальнаго училища г. Сахаровъ изъявилъ согласіе принять участіе въ его организаціи.—Крупное оживленіе научной дѣятельности замѣчается на крайнемъ востокѣ Сибири, начиная отъ Чукотскаго мыса и кончая Владивостокомъ. Этнографическое и археологическое изслѣдованіе Чукотскаго края и крайняго Сѣверо-Востока Сибири, несомнѣнно, сильно двинется впередъ благодаря назначенію начальникомъ Анадырскаго округа извѣстнаго московскаго этнографа Н. Л. Гондатти. Н. Л. путешествовалъ въ концѣ 80-хъ годовъ въ Западной Сибири и знакомъ уже отчасти съ условіями этнографическихъ изслѣдованій въ Сибири. Край, открывающійся для его дѣятельности въ настоящее время, въ высокой степени интересенъ и г. Гондати, можно надѣяться, окажется въ дѣлѣ его изслѣдованія достойнымъ соперникомъ случайныхъ европейскихъ и американскихъ ученыхъ гостей.

Прозектированное въ прошломъ году «Общество изученія полуострова Камчатки» до сихъ поръ еще не получило оффиціальной санкціи, но уже начало функционировать. Изъ письма его учредителя, доктора Башинскаго, въ редакцію газеты «Дальній Востокъ» видно, что въ Петропавловскѣ положено основаніе музею приношеніемъ въ даръ отъ г. Башинскаго и отъ другихъ членовъ и сотрудниковъ «Общества» рѣдкихъ образчиковъ геологическаго, растительнаго и животнаго царствъ полуострова, предметовъ каменнаго періода Камчатки, всѣхъ инструментовъ, употреблявшихся здѣсь для.

развѣдокъ мѣсторожденій жильнаго золота и для поисковъ золота въ россыпяхъ на полуостровѣ Камчаткѣ, фотографическихъ снимковъ мѣстныхъ видовъ и типовъ полуострова, Командорскихъ и Курильскихъ острововъ, образчиковъ работъ инородцевъ перечисленныхъ мѣстностей и т. д. При возникающемъ Обществѣ составлена объемистая и почти полная библіотека изъ специальныхъ сочиненій о Камчаткѣ, полученныхъ по выпискѣ за наличныя деньги изъ книжныхъ магазиновъ Томска, С.-Петербурга, Риги,—присланныхъ въ даръ «Обществу» Императорскою С.-Петербургскою Академіею Наукъ, и книгъ отъ членовъ «Общества» и частныхъ жертвователей. Частные жертвователи, замѣтимъ мимоходомъ, какъ всегда, не особенно затрудняли себя вопросомъ, что слѣдуетъ жертвовать, и въ библіотеку возникающаго ученаго Общества поступили такія «ученыя» вещи, какъ «Жидокъ» Пушкина (разсказчица), разсказы Лейкина и Вейнберга. Учредители Общества не имѣли мужества отвергнуть этотъ «даръ по недоразумѣнію».

15 октября 1892 года отправлено Главному Начальнику края: а) ходатайство о принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ «Общества изученія полуострова Камчатки» подъ Свое Высокое Покровительство; б) ходатайство о принятіи Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Алексѣемъ Александровичемъ и Александромъ Михайловичемъ избранія почетными предсѣдателями «Общества»; в) увѣдомленіе объ избраніи Барона Андрея Николаевича Корфа почетнымъ членомъ «Общества»; г) списокъ всѣхъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и сотрудниковъ «Общества».

Дѣло во всякомъ случаѣ начато. Можетъ быть, уже въ близкомъ будущемъ Петропавловскъ раздѣлитъ трудъ изслѣдованія восточной окраины Сибири съ Владивостокомъ. Для возникшаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ послѣднемъ городѣ «Общества изслѣдователей Амурскаго Края» 1893 г. былъ богатъ выдающимися событіями. Члены его слѣдали нѣсколько археологическихъ экскурсій. Г. Буссе и Маргаритовъ производили раскопки городища на мысу Красномъ на берегу Уссурійскаго залива, слѣдали поѣздку на Монгугай для раскопки находящихся тамъ кургановъ, въ долину Лефу для изслѣдованія находящихся здѣсь пещеръ и круглыхъ ямъ и еще въ нѣсколькихъ пунктахъ. Наиболѣе богатой результатами оказалась раскопка кургана близъ с. Никольскаго. Надъ этимъ курганомъ находился памятникъ въ видѣ черепахи. Внутри кургана г. Буссе нашелъ кости различныхъ животныхъ и ниже каменный склепъ съ обугленными останками.

Общество выпустило 2 т. своихъ «Записокъ», изъ которыхъ одинъ (II-й) заключаетъ въ себѣ трудъ г. Маркова «Анадырскій край», а другой— отчетъ г. Бородавскаго о путешествіи по юго-западной Монголіи. На очереди стоитъ печатаніе IV выпуска, въ который должны войти отчеты г. Крапоткина о поѣздкѣ по Гольдскимъ селеніямъ близъ Хабаровки и г. Буссе—объ его археологическихъ развѣдкахъ въ Уссурійскомъ краѣ. Крупная перемѣна къ лучшему произошла и въ судьбѣ мѣстнаго музея. Музей, достроенный благодаря данной городомъ суммѣ въ размѣрѣ 2,500 р., былъ фактически недоступенъ для публики, такъ какъ у Общества не хватало средствъ на его

отопленіе и освѣщеніе, да и постройка его была такова, что уже въ началѣ 1893 г. возникъ вопросъ о ремонтѣ для приведенія музея въ надлежащій видъ («Дальній Востокъ» № 18). Съ пріѣздомъ новаго генераль-губернатора Приморской Области г. Духовскаго положеніе разомъ измѣнилось. На пожертвованныя лично генераль-губернаторомъ средства музей былъ начисто отдѣланъ внутри и открытъ для публики, хотя вчернѣ—пока подоспѣтъ необходимая для музея мебелировка. Разрѣшеніе вопроса о музеѣ было для «Амурскаго Общества» той ласточкой, которая возвѣщала объ ожидающихъ его успѣхахъ. Новый приморскій генераль-губернаторъ разомъ вошелъ въ курсъ мѣстныхъ научныхъ интересовъ и точно оцѣнилъ значеніе той научной позиціи, которую можетъ занимать Владивостокъ. Явившись на другой день послѣ своего пріѣзда въ музей, онъ обратился къ собравшимся здѣсь членамъ «Амурскаго Общества» съ характерной въ устахъ крупнаго администратора рѣчью.

«Сердечно радъ господа, видѣть, людей, посвящающихъ свои силы на изученіе обширнаго малоизвѣданнаго края. Я уже раньше ознакомился съ вашимъ Обществомъ по его трудамъ и отчетамъ и искренно радовался вашей во всѣхъ отношеніяхъ полезной дѣятельности. Здѣсь, на окраинѣ, при общей слабости силъ, вашъ трудъ становится еще болѣе цѣннымъ, и я кланяюсь вамъ за этотъ трудъ. Честь инициаторамъ общества, его учредителямъ! Создать общество, преслѣдующее научныя цѣли, гдѣ нибудь въ крупномъ центрѣ—не трудно. Другое дѣло—здѣсь, на окраинѣ, гдѣ, повторяю, силы еще такъ слабы, а трудъ такъ великъ и сложенъ. Вы этого не побоялись; ваши изданія, ваша работа, наконецъ, ваше присутствіе здѣсь, какъ членовъ Общества, подтверждаютъ сказанное мною. Вы сдѣлали большое дѣло.. Я говорю это совершенно искренно, потому что состою самъ членомъ подобныхъ же Обществъ, принималъ непосредственное участіе въ ихъ работахъ и знаю, какъ тяжело работать, тѣмъ болѣе при ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ. Вы можете повѣрить въ мою искренность и большой интересъ къ дѣятельности Общества уже потому, что всего только два дня прошло, какъ я впервые пріѣхалъ въ вашъ городъ, не успѣлъ еще ознакомиться съ учрежденіями—и, какъ видите, я уже стою среди васъ, чтобы видѣть людей, о которыхъ я слышалъ далеко отсюда. Что меня особенно радуетъ, такъ это то, что я вижу здѣсь людей не официальныхъ, но преимущественно полуофициальныхъ и людей дѣла, отдающихъ научнымъ цѣлямъ свои досуги:—очевидно, они сознаютъ потребность изучать окраину и содѣйствовать ея изученію... Я слышалъ, что ваше Общество стѣснено средствами. Имѣя это въ виду, я передъ отъѣздомъ сюда имѣлъ случай говорить объ этомъ съ И. Геогр. Обществомъ. Оно готово подать вамъ помощь, какъ оказываетъ ее другимъ. Задачи ваши, на сколько я ознакомился съ ними, вполне тождественны, вы можете смѣло подать другъ другу руки на условіяхъ взаимности и, если вы пожелаете, я предлагаю вамъ свое посредство... Въ другомъ отношеніи я желалъ бы также помочь вамъ... Кромѣ вашихъ изданій, свѣдѣній въ газетахъ и вообще текущей литературы, здѣсь, въ управленіяхъ, группируются официальные данныя, часто богатая по содержанію, близкія къ вашимъ задачамъ,

но остающіяся въ публичнаго пользованія. Что можно сдѣлать достояніемъ интересующейся части населенія путемъ опубликованія, для расширенія, въ самомъ край и внѣ, знаній о немъ—я готовъ передавать въ Общество для отпечатанія въ его трудахъ... Наконецъ, я долженъ сообщить вамъ, что, будучи въ Америкѣ, я надѣялся встрѣтить тамъ лично вашего Покровителя, Его Императорское Высочество Александра Михайловича, и испросить у него какихъ либо указаній для вашего Общества, но, къ моему великому сожалѣнію, я не имѣлъ возможности встрѣтить Великаго Князя».

За эффектной рѣчью немедленно послѣдовали факты. Уже выходя изъ музея, г. Духовскій пожертвовалъ на его отдѣлку 500 р. Вскорѣ начаты были и общаннныя переговоры относительно превращенія «Амурскаго Общества» въ Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Столичные газеты сообщали недавно, что хлопоты Приморскаго генераль-губернатора увѣнчались успѣхомъ: Владивостоку будетъ имѣть Отдѣлъ Географическаго Общества съ опредѣленнымъ бюджетомъ. Нѣтъ сомнѣній, что эта внѣшняя перемена отзовется выгодно на положеніи русской науки на далеко восточной окраинѣ Россіи. Если уже прежде труды членовъ Амурскаго Общества находили себѣ мѣсто (въ извлеченіи) въ печати сосѣднихъ странъ, напр. въ издававшемся въ Сеулѣ (Корея) англійскомъ журналѣ, то теперь это взаимодѣйствіе должно сдѣлаться болѣе ощутительнымъ.

Охватывающее край оживленіе научныхъ интересовъ выходитъ за предѣлы Владивостока. Въ декабрѣ истекшаго года поднять вопросъ объ организации музея въ Хабаровкѣ (нынѣ Хабаровскѣ). Мысль объ этомъ музеѣ возникла еще у покойнаго Приамурскаго генераль-губернатора барона Корфа. Генераль Духовскій приступилъ къ ея осуществленію. Для музея и имѣющей возникнуть при немъ библиотеки специальныхъ сочиненій относящихся къ Приамурскому краю выдѣлено уже помѣщеніе; ко всѣмъ лицамъ, интересующимся научнымъ изученіемъ края и имѣющимъ въ своемъ распоряженіи предметы пригодныя для музея, г. Духовскій обратился съ приглашеніемъ пожертвовать ихъ въ возникающій музей.

Этотъ призывъ, конечно, не останется гласомъ вопіющаго въ пустыни. Примѣръ отзывчивости къ нуждамъ мѣстныхъ музеевъ подають высшіе представители мѣстной администраціи. Въ послѣднихъ №№ «Дальняго Востока» мы прочитали напр. извѣстіе, что военный губернаторъ Приморской Области г. Унтербергеръ пожертвовалъ въ музей Амурскаго Общества принадлежности древняго Камчадальскаго вооруженія—роговой шлемъ и кожаныя латы. Назначеніе извѣстнаго своими научными трудами генерала Гродекова помощникомъ генераль-губернатора, несомнѣнно, также отзовется на оживленіи мѣстной научной дѣятельности.

Съ самыми свѣтлыми надеждами на будущее мѣстной науки мы оставляемъ нашъ дальній Востокъ и возвращаемся назадъ на Западъ. Въ Сибири ка этомъ обратномъ пути намъ придется остановиться въ немногихъ пунктахъ. Отъ Нерчинскаго музея мы не получили еще отчета. Съ приобретеніями Минусинскаго музея читатели могутъ ознакомиться изъ печатаемаго въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій» сообщенія его почтеннаго основателя. Мы

скажемъ только нѣсколько словъ о дѣятельности Барнаульскаго общества «Любителей Изслѣдованія Алтая». Изъ сообщенія объ его первомъ годичномъ собраніи, помѣщеннаго въ № 60 «Сибирскаго Вѣстника» мы узнаемъ, что Общество должно было выпустить сборникъ своихъ трудовъ.

Признаки научнаго оживленія проявились въ истекшемъ году и въ Средней Азій. На засѣданіяхъ Ташкентскаго отдѣленія Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи сдѣлано было Н. П. Остроумовымъ, Левшинымъ и В. В. Бартальдомъ нѣсколько любопытныхъ сообщений по мѣстной археологіи. Г. Левшинъ коснулся въ своемъ сообщеніи общихъ задачъ археологіи, Н. П. Остроумовъ обрисовалъ настоящее положеніе археологіи въ Туркестанѣ. По словамъ г. Остроумова многочисленныя мѣстные памятники глубокой древности—курганы, городища, развалины городовъ оставались до покоренія края русскими въ неприкосновенности: туземцы не трогали ихъ изъ уваженія къ праху умершихъ. Съ появленіемъ въ край русскихъ положеніе измѣнилось прежде всего расширилась площадь воздѣлываемой земли. При запашкѣ полей и постройкѣ аданій стали гибнуть памятники старины. Затѣмъ началось разрушеніе памятниковъ древности кладонискателями, въ роли которыхъ выступили и туземцы. Г. Остроумовъ предложилъ Обществу обратить на сохраненіе древнихъ памятниковъ вниманіе администраціи. Г. Бартольдъ выдвинувъ вопросъ объ организаціи археологическихъ изслѣдованій мѣстными силами. Подъ влияніемъ его сообщенія присутствовавшій на засѣданіи генераль-губернаторъ предложилъ основать въ Ташкентѣ археологическій кружокъ съ отдѣленіями въ различныхъ городахъ края. Это предложеніе было сочувственно принято присутствовавшими и, вѣроятно, не замедлитъ осуществиться.

Рядомъ съ предполагаемымъ возникновеніемъ археологическихъ кружковъ слѣдуетъ отмѣтить рожденіе въ Средней Азій новаго музея—въ Самаркандѣ. Мысль объ этомъ музеѣ съ большой энергіей пропагандировалъ переселившійся сюда извѣстный археологъ Эварницкій. Мѣстная администрація въ лицѣ начальника области графа Н. Я. Ростовцева и генераль-губернатора края отнеслась къ этой идеѣ очень сочувственно. Въ видѣ основанія для будущаго музея постановлено приобрести коллекцію мѣстныхъ древностей капитана Барщевскаго. Въ составъ этой коллекціи входятъ добытыя изъ Афросіаба терракотты, сосуды, металлическая утварь, печати, перстни, мѣдныя и серебряныя монеты и памятники болѣе глубокой древности—каменные и мѣдныя орудія.

Въ Оренбургѣ, который по своему географическому положенію долженъ являться ближайшимъ сотрудникомъ Ташкента и Омска въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія степей, задуманные въ прошломъ году прозекты осуществлены далеко не вполне. Отдѣлъ началъ дѣйствительно выпускать свои «Извѣстія», но вмѣсто предполагаемыхъ шести книжекъ далъ только двѣ тоненькихъ тетрадки съ статьями физико-географическаго характера. Намѣченные еще въ прошломъ году этнографическія статьи почему-то не появились въ печати. Для мѣстной этнографіи больше сдѣлали, какъ читатель увидитъ изъ напечатаннаго ниже обзора литературы три выходящія въ Орен-

бургъ газеты «Оренбургскій Край», «Оренбургскій Листокъ» и «Тургайскаія Областныя Вѣдомости». Сосѣдки Оренбурга—Уфа и Самара остались въ 1893 г. на томъ же уровнѣ научныхъ интересовъ, что и въ 1892: въ «Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано нѣсколько статей, въ Самарѣ по прежнему почти ничего. Изъ поволжскихъ городовъ наибольшее оживленіе обнаружилъ Саратовъ. Въ то время, какъ «Петровское Общество» въ Астрахани ничѣмъ не заявило о своемъ существованіи, Саратовская Архивная Коммиссія напечатала два выпуска IV т. своихъ трудовъ, каталогъ коллекцій и томъ «Саратовскаго Сборника». На крайнемъ западѣ обозрѣваемой территоріи, на линіи Тамбовъ-Пенза-Рязань крупная перемѣна по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ произошла въ Пензѣ. Мѣстный Статистическій Комитетъ приступилъ къ периодическому изданію сборниковъ, которые заключали-бы въ себѣ матеріалы для изученія губерніи въ отношеніяхъ историческомъ, этнографическомъ, археологическомъ и т. п. Въ предисловіи къ первому выпуску редакція предупреждаетъ читателей, что продолженіе изданія будетъ зависеть отъ того, какъ пойдетъ въ продажѣ первый выпускъ. Можно думать, что Комитетъ вернулъ себѣ затраты отъ этого выпуска, такъ какъ въ текущемъ году изданъ уже второй выпускъ.

Нашъ обзоръ конченъ. Факты, которые намъ удалось собрать, говорятъ достаточно краснорѣчиво. Они свидѣтельствуютъ, что 1893-й годъ не пропалъ бесплодно для научнаго изученія русскаго Востока. Интересъ къ изученію прошлаго и настоящаго крѣпнетъ и растетъ въ однихъ мѣстахъ, нарождается въ другихъ. Чита, Анадырь, Якутскъ, Камчатка... Почти вчера еще съ этими именами соединялись печальныя представленія о гражданской и духовной смерти. Сегодня съ ними ассоциируются уже новые образы: мужевъ, ученыхъ обществъ, кружковъ для самообразования. Пускай то, что скрывается подъ этими именами и очень скромно, пускай не подходитъ подъ мѣрку, съ которой къ нимъ обратится житель столицъ и болѣе счастливыхъ уголковъ Россіи. Важно уже то, что въ видѣ этихъ учреждений зарождаются новые очаги духовной жизни. Будущее такихъ очаговъ обезпечено тѣмъ, что научное изученіе того или другаго края начинается разсматриваться въ административныхъ сферахъ, какъ условіе нормальнаго управленія имъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Туркестана и Примурскаго Края.

В. Смирновъ

МУЗЕОГРАФІЯ.

Древности Минусинскаго края, поступившія въ Минусинскій музей съ января 1892 года по декабрь 1893.

А. Предметы мѣдные и бронзовые.

1—15. Мѣдные и бронзовые кельты, I группы табл. 1 ф. 2 и 3. См. К л е м е н ц ъ: Древности Минусинскаго музея текстъ и атласъ, Томскъ 1886, фотогр. 56, фотографическіе снимки табл. 51—58, ф. 3.

16—17. Мѣдные топорики съ 2-мя ушками II группы.

18—28. Бронзовые и мѣдные топорики III гр. табл. I ф. 4, 5, 6, 7, 8.

29—33. Мѣдные и бронзовые клинья IV гр.

34—37. Мѣдные озупы VI гр. табл. I ф. 10.

38. Мѣдная мотыка въ видѣ клина IV группы у котораго вмѣсто углубленія придѣлана горизонтальная сквозная втулка для рукоятки. фотогр. 56, фиг. 5. Всѣ измѣренія въ миллиметрахъ. Дл. лопатки 58, шир. 55, дл. втулки 40. Деревья черемушка.

П р и м ѣ ч а н і е I. Это пока единственный экземпляръ между извѣстными сибирскими древностями.

— II. Въ коллекціи музея орудій I—VI группы. 225 экземпляровъ.

39—42. Мѣдные боевые топоры съ боковой проушиной для рукоятки VII группы. Таб. II ф. 1, 2, 3. фот. 51, ф. 3.

43. Бронз. боевой молотъ VIII группы, фот. 51 ф. 2. Длина 198.

C. Субботино.

44. Тоже табл. 51 ф. 4. Дл. 180. Дер. Карелка.

45. Тоже — 51 ф. 5. Дл. 123. — Терехта.

46. — — 51 ф. 6. Дл. 175. — Улусъ Нурилкова.

47. — Мѣдный съ 4-хъ граннымъ остриемъ фот. 57 ф. 7. Дл. 125.

Найденъ въ курганѣ вмѣстѣ съ бляхами изображающими оленей, ножицами: XVIII и X группы и др. предметами.

48. Тоже бронзовый съ 4 ребрами, дл. 154. фот. 51 ф. 8. С. Кавказское.

49—53. Тоже мѣдные фот. 51 ф. 9 и 10.

54—62. Мѣдные долота прямолинейныя и полукруглыя IX группы—табл. II ф. 7, 8, 9; фот. 51 ф. 7.

63. Мѣдное долотцо современнаго типа съ прямолинейнымъ остриємъ и острой пяткой для насаживанія на рукоятку. Дл. 170. Найдено въ яру у дер. Малый Хабыкъ, фот. 56 фиг. 7.

Примѣчаніе. Это долотцо пока единственное въ извѣстныхъ сочиненіяхъ по археологіи.

64. Мѣдное 4-хъ гранное, съ прямолинейнымъ лезвиемъ и втулкой, долотцо. Дл. 80, фот. 56 ф. 9. Окр. Минусинска. Единственный экземпляръ въ Минусинской коллекціи.

Примѣчаніе. Коллекціи чекановъ, боевыхъ топоровъ и долотъ представлены въ музеѣ 89 экземплярами.

65—70. Мѣдные и бронзовые кинжалы X группы табл. IV ф. 14, 4, 8, 10.

71. Мѣдный кинжалъ дл. 87, фот. 52, ф. 5. Дер. Кривая.

72. Бронз. кинжалъ дл. 155, фот. 56, ф. 12. — Уты.

73. Мѣдн. кинжалъ дл. 112, фот. 57, ф. 6. — Малый Хабыкъ.

74. Мѣдн. кинжалъ съ пустой шаровидной головкой съ прорѣзьями. Дл. 240. С. Катирево.

75—76. Бронз. кинжалъ съ углубл. въ рукояткѣ для вкладней XII группы табл. IV, ф. 9 а и в.

77—86. Бронзовые кинжалы XIII группы, табл. V, ф. 6, 7.

Примѣчаніе. Въ музеѣ 150 бронзовыхъ и мѣдныхъ кинжаловъ.

87—108. Мѣдные серповидные ножи XIV группы таб. III, ф. 1, 2, фот. 57, ф. 2. Нѣкоторые изъ этихъ ножей украшены знаками. Всѣ эти ножи грубой работы; на всѣхъ видны слѣды отъ употребленія.

109—136. Кривые мѣдные и бронзов. ножи XV группы таб. III, ориг. 4—12. Изъ нихъ представлены на 53 и 57 фотогр. табл. слѣдующіе:

а) Бронз. съ округлой рукояткой; на рукояткѣ изображ. сохатаго; работа чистая, слѣды шлифовки. Марьясова. Дл. 190, фот. 53, фиг. 12.

б) Мѣдн. грубой работы, фот. 53, ф. 12. Дл. 160. Городокъ.

в) Бронз. съ округл. рукояткой. Дл. 192, фот. 53, ф. 19. Бузукова.

Примѣчаніе. Почти всѣ ножи XV группы мѣдные, грубой работы.

Изъ 113 ножей находящихся въ музеѣ только 2 бронзовые съ слѣдами шлифовки. Весьма разнообразны украшенія рукоятокъ этихъ ножей, на всѣхъ ихъ видны слѣды долгаго употребленія; нѣкоторыя стерты до того, что ножевая пластинка имѣетъ длину менѣ половины рукоятки.

137. Бронзовый, прямой гладкій длинный ножъ, таб. III, ф. 13. Якушева.

138. Бронз. XVI группы, фот. 53, ф. 10. Дл. 204. Бейчкихъ.

139. — XVI — съ прорѣзью. Дл. 70. С. Дубенское.

140. Бронз. XVI группы съ прорѣзью въ видѣ ломаной линіи подѣ уголь 45. Алтайское старкря.

141—142. Бронз. XVI группы, съ кольцомъ надъ рукояткой и прорѣзью XXXX. С. Восточное.

143. Бронз. XVI группы, съ овальными вырѣзками. Дл. 90. Кривая.

144—153. Мѣдные и бронзовые ножики XVII гр. таб. V, ф. 10 фот. 53 ф. 5, 13, 20.

154—174. Тоже XVIII гр. таб. V, ф. 8. Эта форма ножей самая обыкновенная—они представлены въ музеѣ 220 экземплярами.

175—197. Мѣдные и бронзовые ножики XIX группы табл. V, ф. 2, фотогр. 43, ф. 4, 15.

198—264. Тоже XX и XXI группъ табл. V, ф. 7, 10, 13, фот. 53, ф. 11. Нѣкоторые изъ ножиковъ XX группы украшены знаками.

265—269. Бронзовые ножики съ углубленіемъ для рукоятки и съ вкладными въ родѣ шила XXII группы таб. VI, ф. 1 a, b, c; фотогр. 53, фиг. 6 и 16.

270—278. Бронзовые ножики XXIII группы, у которыхъ на рукояткѣ изображеніе животныхъ таб. VIII, ф. 2 a, b, 4, 7; фотогр. 53, ф. 8.

279—304. Мѣдные и бронз. ножики съ кольцомъ и рѣзной отдѣланной рукояткой табл. V, ф. 1. VI, ф. 10, фот. 53, ф. 3, 17.

308—322 Мѣдные и бронзовые ножики въ видѣ 3-хъ угловыхъ пластинокъ XXV группы. Сибирск. древн. табл. I, фиг. 1—4. Ножики эти напоминаютъ кремневья ножевидныя пластинки. За малымъ исключеніемъ всѣ они покрыты черной патиной съ серебряннымъ отливомъ (олово и его окисъ). На нѣкоторыхъ орнаментъ въ видѣ черточекъ, 3-хъ угольныхъ выгравированныхъ на рукояткѣ.

323—329. Мѣдные ножики XXVI группы таб. V, ф. 6; VI, ф. 8.

330—336. Мѣдные ножи XXVII группы. Сибирск. древн. табл. IV, ф. 17, 18. Всѣ ножи этой группы мѣдные, грубой работы, съ толстой стѣнкой и вдавленной рукояткой, покрыты толстымъ слоемъ зеленой патины. Въ общемъ они схожи съ кривыми ножами XV группы—есть много переходныхъ формъ между послѣдними.

337—357. Мѣдные и бронзовые ножики разныхъ типовъ XXVIII группы—изъ нихъ фотографированы на 53 табл. слѣдующіе:

1. Мѣдный грубой работы дл. 206; рукоятка съ одной стороны гладкая, съ другой съ желобками. Дер. Б. Ничка.

2. Тоже дл. 160. Дер. Жигалка.

8. Бронзовая дл. 190. Дер. Шомька.

9. — съ колечкомъ для привѣшиванія, дл. 194. Самодуровка.

21. — гладкій. Самодуровка.

22. — въ видѣ пластинки, дл. 140. Комаровка.

Бронзовый, дл. 211. Фот. 57, фиг. 1. Глядень.

358. Мѣдный символическій ножикъ съ остриемъ для насаживанія на черенокъ, фот. 55, фиг. 15, дл. 54. Дер. Б. Ничка.

Примѣчаніе. Между археологическими предметами мѣднаго вѣка, наход. въ музеѣ—всего больше мѣдныхъ и бронзовыхъ ножи-

ковъ и ножей. Въ настоящее время, коллекція ножей состоитъ изъ 1350 экземпляровъ.

359. Бронзовая ухочистка дл. 77, фот. 51, фиг. 11. Дер. Шуперы.

360. Мѣдная лопаточка съ остр. для насажив. на рукоятку; одна сторона выпуклая—другая вогнутая, фот. 56, ф. 13.

361. Мѣдн. скребокъ, копые, въ видѣ ромбической пластинки, дл. 140, фот. 52, ф. 6. С. Ботеки.

362. Тоже дл. 600. фот. 52, ф. 7. Дер. Саянская.

363—371. Мѣдные и бронз. наконечн. стрѣлъ XXX группы, таб. VII, ф. 10, 11, 13—19, фот. 52, ф. 14.

372. Мѣдный наконечн. копья, фот. 52, ф. 1. дл. 148. Гора Шыхъ.

373. Тоже въ видѣ развилки—съ обломани. концами развилки, фот. дл. 145, фот. 52, ф. 3. Кочергина.

374. Бронзов. наконечникъ копья дл. 201, фот. 52, фиг. 3. Венское.

375. Мѣдн. наконечникъ копья, конецъ острія обломанъ, втулка по-видимому придѣлана послѣ—дл. 97, таб. 52, ф. 3 Дер. Калы.

376. Мѣдное 4-хъ гранное сверло, съ втулкой дл. 88, фот. 56, ф. 11.—Единственный экземпляръ. Дер. Кривая.

377—381. Мѣдные сверла XXXI группы, табл. II, ф. 6.

382—386. Мѣдные и бронзовые иглы XXXII группы.

387—426. Мѣдные и бронзовые шпильки XXXIII группы, таб. VII, фиг. 6, 7, 12 фот. 52, фиг. 8, 13.

Примѣчаніе: Въ группахъ XXX—XXXIII 353 предмета.

427. Мѣдная головка отъ кистеня, табл. IX, фиг. 4, дл. 90, диаметръ шара 55, диаметръ трубки 31. На поверхности шара изображеніе животныхъ. Дер. Икекъ.

428—441. Мѣдные и бронзовые серьги и подвѣски къ нимъ XXXVI и XXXVII группъ, таб. X, ф. 1, 2, 7, 8, 12, 14, 15.

442—448. Мѣдные и бронз. кольца, перстни и запястья XXXVIII и XXXIX группъ, табл. IX фиг. 3, 4, 6, 13—16.

449—452. Мѣдные и бронз. подвѣски для костюма, сбруи и пр. XL группъ, таб. VIII, фиг. 2 и др.

453—465. Мѣдные и бронзовые налечники для поясовъ и поясныхъ бляхи XLI группъ. Изъ нихъ фотографированы на табл. 54, ф. 15 и 16, табл. 55, ф. 14, табл. 57, фиг. 4, 5.

466—467. Мѣдные бляхи изображ. оленей, табл. VIII, ф. 11, дл. 67, выпш. 42. Бляхи эти были покрыты листкомъ золота—изъ котораго уцѣлѣло только на одной бляхѣ.—Найдены съ символическими ножицами XXI группы и боевыми молотами въ курганѣ у дер. Верхній Сустукъ.

468—487. Мѣдные и бронз. пряжки, застежки, пуговицы XLII—XLVI группъ. Изъ нихъ фотографированы: мѣдные пряжки, табл. 55, фиг. 16, 17, бронз. пугов. таб. 55, фиг. 20.

488—562. Мѣдные и бронзовые налечники, бляшки, разныя украшенія для сбруи XLVIII—LIII группъ—таб. VIII, фиг. 20, 22; таб. XI, фиг. 1—3, 8—16.

Примѣчаніе. Предметовъ XXXVI—LIII группъ въ музеѣ 954 экз. 563—577. Бронзовые зеркала круглыя и другой формы,—гладкія, съ изображеніемъ человѣка, животныхъ, растений, буквъ и разныхъ знаковъ LI группы.

Примѣчаніе. Повидимому всѣ зеркала китайскаго происхожденія— всѣхъ ихъ 131—изъ нихъ 21 съ китайскими знаками и манджурскими буквами. Немногія изъ зеркалъ опредѣлены по китайскому археологическому сборнику «Бо-гу-ту»; зеркала относятся къ династіямъ Хань и Тань.

578. Бронзовая бляха, фот. 55, фиг. 8, дл. 105, шир. 85. Гора Изыхъ.

579. Тоже дл. 91, шир. 75, табл. 55, фиг. 9. С. Бейское.

580. Бронзовый костылекъ отъ удила группа LV, фот. 54, фиг. 14, дл. 170. Изъ с. Казанцева.

581—584. Тоже, табл. IX, фиг. 5.

585—593. Мѣдныя удила LIV группы, табл. IX, фиг. 6.

594. Мѣдныя удила составл. изъ разныхъ звеньевъ, фот. 54, фиг. 8. Шалабагинское.

595—600. Мѣдныя скребницы, I—VI группы, таб. IX, фиг. 10.

601. Мѣдная скребница, фот. 57, фиг. 9, о 4-хъ зубьяхъ, дл. 90. Бѣлоярское.

602—606 Мѣдныя чаши LVIII группы, табл. XIII, фиг. 1—4.

607. Бронзовый сосудъ въ видѣ чашки съ квадратной прорѣзью на днѣ; діам. 64, выш. 54, фот. 54, фиг. 3. С. Бейское.

608. Мѣдный глубокій сосудъ, у котораго дно переходитъ въ шипъ для насаживанія на рукоятку, фот. 54, фиг. 2. Дер. Верхняя Коя.

609. Мѣдный символическій сосудикъ въ видѣ открытаго боченочка съ ушкомъ на боку. Выш. 24, діам. 20, фот. 57, фиг. 11. Абаканская степь.

610—612. Бронзовые фрагменты отъ большихъ чашъ китайскаго происхожденія.

613. Бронзов. сосудъ на подставкѣ въ видѣ потира, выш. 90, діам. 80. Дер. Имякъ.

Примѣчаніе. Всѣхъ сосудовъ въ музеѣ 72 экземпляра.

614—623. Мѣдныя и бронзовые кружки съ рукояткой въ центрѣ (зеркала) LXII группы, табл. XII, фиг. 3, 6.

624—633. Разные мѣдныя и бронзовые предметы LXIII—LXVI группъ. Изъ нихъ фотографированы слѣдующіе:

1. Мѣдный молоточекъ съ желѣзной рукояткой. Гора Изыхъ. Табл. 52, фиг. 16.

2. Мѣдное стремя, въ видѣ круглой рѣшетки съ дугой, діам. 77 вышина дуги 35, табл. 54, ф. 1. Ашка.

3. Мѣдное неоткнутое кольцо—(запястье) съ желобкомъ на внутренней сторонѣ кольца. Діам. 62, толщ. 11, фот. 54, ф. 4. Сь р. Теи.

4. Бронз. оковка украшенная птичьимъ клювомъ, табл. 54, фиг. 5, дл. 43, діам. 21.

5. Мѣдная оковка, дл. 70, діам. 30, таб. 54, фиг. 10. Березовка.

6. Бронзовая оковка въ видѣ полой трубки съ прорѣзями, табл. 54, фиг. 11, дл. 90, діам. 30. Галактанова.

7. Мѣдный крючекъ для ловли рыбы, съ палочкой. Таб. 54, ф. 9, дл. крючка 100—палочки 40. Дер. Очуры.

8. Бронзовая палочка съ 2 кружками на одномъ концѣ, дл. 160, діам. кружки 50, таб. 54, фиг. 6. С. Усинское.

9. Мѣдный крючекъ въ видѣ птичьяго клюва съ ушкомъ и на внутренней сторонѣ желобкомъ; дл. 88, таб. 57, ф. 7. Марьясова.

Всѣхъ мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ поступило въ Минусинскій музей за 1892 и 1893 гг. 633—а всего съ прежде поступившими 3751.

И. Мартыяновъ.

Минусинскъ.

20 декабря, 1893 г.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Anderson N. Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjakischen. S.-Pb. 1893. 345 стр.

Трудъ г. Андерсона представляетъ тщательное обследованіе одного частнаго вопроса сравнительной фонетики финскихъ языковъ. Въ финскихъ языкахъ въ области зубныхъ согласныхъ оказывается тотъ интересный фактъ, что въ нѣкоторой группѣ случаевъ вогульскому и остяцкому начальному *t* (или эквивалентнымъ ему *l*, *ʃ*) соответствуетъ *s* или его эквиваленты въ другихъ нарѣчіяхъ. Возникаетъ вопросъ, какой звукъ считать въ этомъ случаѣ первоначальнымъ. Буденца, ссылаясь на указанія индоевропейскаго языковѣднія, считаетъ первоначальнымъ *t*; г. Андерсонъ не раздѣляетъ этого воззрѣнія, признавая основнымъ звукъ *s*, и въ своей монографіи подвергаетъ подробному разсмотрѣнію относящіяся сюда случаи. Такимъ образомъ трудъ г. Андерсона состоитъ не только въ критикѣ воззрѣнія Буденца, но въ то же время въ обоснованіи собственной гипотезы съ присоединеніемъ обширнаго матеріала. Матеріалъ этотъ состоитъ изъ 140 группъ словъ, и при каждой группѣ, кромѣ перечня составляющихъ ее родственныхъ словъ въ отдельныхъ финскихъ языкахъ, предлагаются богатые примѣчанія, посвященные обсужденію сравниваемыхъ словъ, и въ этомъ случаѣ трудъ г. Андерсона служитъ пополненіемъ къ сравнительно-этимологическому словарю Буденца. Нѣкоторыя сопоставленія послѣдняго авторъ отрицаетъ,—и вторая часть труда посвящена именно такимъ группамъ, какъ не могущимъ служить для выводовъ о соответствіяхъ (стр. 144—242). Кромѣ того авторъ составилъ статистическія таблицы для тѣхъ нѣсколько разнообразныхъ рефлексовъ, какіе оказываются въ разобранныхъ имъ примѣрахъ. Въ заключеніе онъ подводитъ слѣдующій итогъ своимъ разысканіямъ (стр. 236):

«1) Измѣненіе начального зубнаго спиранта въ *t*-, resp. *l*-, *ʃ*-, ограничивается языками остяцкимъ и вогульскимъ. Что вызвало это измѣненіе и когда началось оно, темерь мы уже не можемъ опредѣлить съ достовѣрностью, но только то вѣрно, что оно не успѣло еще насту-

пить ко времени отдѣленія мадьяръ отъ ихъ ближайшихъ угрскихъ родичей, но уже можетъ быть доказано для конца XIII в.

2) Начальный зубной спирантъ только въ мадьярскомъ и западно-финскихъ языкахъ измѣнился въ h-, но совершенно независимо другъ отъ друга.

3) Такъ же дѣло обстоитъ и съ полнымъ исчезновеніемъ спиранта, съ одной стороны—въ мадьярскомъ, а съ другой—въ вотскомъ, эстонскомъ и ливонскомъ.

4) Первоначальное t- никогда не переходило въ началѣ словъ въ h-, а тѣмъ болѣе не исчезало, и если оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣнилось на s-, то послѣднее остается неизмѣненнымъ.»

«Wandungen» г. Андерсона заканчиваются тщательно составленными указателями словъ, расположенными по отдѣльнымъ языкамъ угрофинскимъ, индоевропейскимъ и др.

Представивши въ общихъ чертахъ содержаніе труда г. Андерсона, я долженъ однакожь замѣтить, что не вполне рѣдѣяю общія воззрѣнія автора по изслѣдуемому имъ вопросу. Сначала я приведу представленную имъ критику взглядовъ Буденца. Г. Андерсонъ говоритъ, что Буденцъ для предполагаемой имъ цѣпи звуковыхъ переходовъ t : s : h : \emptyset (нуль) не даетъ ни одной параллели изъ индоевропейскихъ языковъ, хотя для другихъ случаевъ словарь Буденца указываетъ таковыхъ не мало. «И я—продолжаетъ г. Андерсонъ—не смотря на все мое стараніе, не могъ подыскать такого примѣра, который бы рѣшительно говорилъ въ пользу гипотезы Буденца. Въ греческомъ, напр., начальное t нерѣдко измѣнилось въ σ , а еще чаще σ измѣнилось въ густое придыханіе; но, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ въ греческомъ языкѣ ни одного слова, въ которомъ гистерогенное начальное σ перешло бы въ густое придыханіе или безслѣдно исчезло бы, хотя такое измѣненіе внутри слова въ діалектахъ греческихъ вовсе не рѣдко, равно какъ и въ угрофинскихъ языкахъ» (стр. 4). Самъ г. Андерсонъ, какъ было упомянуто, считаетъ болѣе правильныхъ признать обратный порядокъ процесса, т. е. исходнымъ пунктомъ онъ считаетъ не взрывной согласный (t), а придувной. Въ подтвержденіе такой гипотезы онъ приводитъ длинный рядъ параллелей изъ аrioевропейскихъ языковъ. Однако многое при этомъ не относится къ дѣлу. Напр., онъ говоритъ (стр. 7) о такихъ словахъ, какъ $\zeta\upsilon\upsilon\upsilon\nu$ =беот. и лакон. $\delta\upsilon\upsilon\upsilon\nu$, или $\zeta\omega\upsilon\upsilon$ =крит. $\tau\omega\upsilon\upsilon$, гдѣ начальный согласный получился изъ *j-. Но развѣ эти примѣры доказываютъ положеніе г. Андерсона? Ему нужно иллюстрировать возможность такого процесса, гдѣ бы основное *s дало, кромѣ обычныхъ своихъ рефлексовъ—s, h, \emptyset , еще и t; а вмѣсто этого онъ приводитъ такіе примѣры, гдѣ основное *j усилилось въ звукъ ζ или сродные съ нимъ звуки (при этомъ я уже не говорю объ игнорированіи авторомъ вопроса о произношеніи въ этихъ случаяхъ начальныхъ буквъ ζ , δ , τ ; не говорю и о смѣшеніи имъ случаевъ ζ разнаго происхожденія, какъ напр. въ $\zeta\upsilon\upsilon\upsilon\nu$ и $Z\alpha\upsilon\upsilon\zeta$). Г. Андерсону требуется доказать вовсе не то, что звуки въ исторіи языка не только ослабляются, но и усиливаются, какъ напр. j въ ζ , чего не оспариваетъ и Буденцъ, но то, что основное s рядомъ съ обычными своими экви-

валентами переходить еще въ т. Въѣдъ на основаніи j нельзя же строить выводъ объ s. Повидимому, болѣе удачна приводимая г. Андерсономъ параллель тѣхъ случаевъ, гдѣ скт. kš=греч. κτ, напр. скт. kšas «медвѣдь»=греч. ἄρκτος. Но это соотвѣтствіе не принадлежитъ къ числу разъясненныхъ. Дѣло въ томъ, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ скт. kš=греч. ξ, напр. ākšas «ось»=греч. ἄξων. Эта двойственность въ соотвѣтствіи побудила Бругмана (Vergl. Gram. I стр. 409—410) слѣлать догадку о двухъ особыхъ первоначальныхъ фонемахъ—*kš и *ks. Я же полагаю, что нормальнымъ соотвѣтствіемъ должно признавать скт. kš=греч. ξ, но нѣкоторые корни на К-звукъ санскритъ распространилъ посредствомъ s, между тѣмъ какъ греческій тѣ же корни распространилъ черезъ τ (все равно—непосредственно, или же «подмѣнивши» группу κτ на весьма обычную κτ), отчего и произошло кажущееся отступленіе отъ нормальнаго соотвѣтствія. Но и за всѣмъ тѣмъ такіе примѣры, какъ ἄρκτος, не представляютъ должной параллели. Припомнимъ, что г. Андерсонъ настойчиво требовалъ отъ Буденца примѣровъ измѣненія начальной гот въ s, себѣ же онъ снисходительно позволяетъ приводить примѣры предполагаемаго перехода s въ t внутри словъ; затѣмъ, примѣры Буденца должны содержать всѣ звеня цѣпи t: s: h: ∅, тогда какъ примѣры самого г. Андерсона могутъ содержать только два звена—s и t, принадлежащія разнымъ языкамъ, что для Буденца возбранялось. Что касается такихъ случаевъ, какъ греч. πύω=лат. ruo, то это не общее явленіе, а специальный случай: появленіе группы πτ, какъ одного изъ привычныхъ сочетаній въ греческомъ, ср. πάλι || πάλις, παρθένος || πάρθος и т. п. Не входя въ разборъ другихъ примѣровъ, замѣчу вообще, что не могу назвать критику г. Андерсона по отношенію Буденца особенно удачною.

Теперь я позволю высказать свои соображенія, возникшія у меня при разсмотрѣннн угрофинскихъ примѣровъ. Разбирая случаи съ начальными t-и s- въ финскихъ языкахъ, можно усмотрѣть нѣсколько типовъ соотвѣтствій. Такъ:

I. фн. tule, Им. tuli «огонь», эст. tuli; морд. tol; черем. tul; лап. tolla (норв. dolla); вог. tū; ост. tūt; вог. taut; мад. tūz. (См. *Budenz Szotar* № 250).

Къ этой группѣ относятся слова, начинающіяся во всѣхъ угрофинскихъ языкахъ зубнымъ варывомъ.

II. фн. sulaa- «расплавляться, таять», эст. sula-; морд. sola-; чер. šol-; лап. šolkete- (норв. šolgede); вяр. šil-; ост. lola; вог. tol, tal; мад. olvadni. (*Budenz* № 927, *Anderson* № 5).

Во второй группѣ во всѣхъ угрофинскихъ языкахъ имѣется въ началѣ словъ зубной спирантъ или его ближайшій эквивалентъ и только въ вогульско-остяцкомъ t со своими эквивалентами. Эта группа и является собственно предметомъ изслѣдованія г. Андерсона.

III. фн. suole-, Им. suoli «кишка», эст. sol-; морд. šula; чер. šolo; лап. šole; вяр. и вог. šul; ост. sul (Ирт. sut); мад. hur. (*Budenz* № 165).

Въ третьей группѣ во всѣхъ финскихъ языкахъ примѣры начинаются зубнымъ спирагтомъ или его эквивалентами.

Изъ приведенныхъ типовъ болѣе прозрачными по происхожденію начального согласнаго являются первый и послѣдній. Для первой группы должно предположить въ угрофинскомъ праязыкѣ фонему *t, а для послѣдней группы фонему *s или т. п. Спрашивается, какую же фонему нужно предположить для второй группы? Такъ какъ рефлексы этой группы отличаются отъ рефлексовъ первой и послѣдней группы, то значить—праязыковая фонема не можетъ быть ни *t первой группы, ни *s послѣдней. Можно думать, что это была особая разновидность или передне-язычного спиранта (напр. *ʃ* или т. п.), или же передне-язычного взрывнаго (напр. *t'*, *t* или т. п.). Но приведенными группами не исчерпывается еще все разнообразіе рефлексовъ¹⁾, и быть можетъ иные случаи требуютъ допущенія новыхъ праязыковыхъ символовъ: *ц, *ч, *ш или т. п. Подобнымъ приемомъ различенія праязыковыхъ фонемъ добыты многіе важные результаты въ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ; на это методологическое правило я и хотѣлъ обратить вниманіе въ своей замѣткѣ какъ на такое, отъ примѣненія котораго можно ожидать не менѣе важныхъ результатовъ и въ угрофинскомъ языкознаніи.

Я позволю себѣ еще остановиться на второй группѣ, такъ какъ она именно и составляетъ предметъ изслѣдованія г. Андерсона. Въ Иртышъ-остяцкомъ нарѣчій въ этомъ случаѣ является *t*, тогда какъ въ восточномъ или Сургутъ-остяцкомъ слышится, по словамъ Кастрена, «своеобразный придыхательный звукъ, похожій на *tl* или *thl*», который г. Андерсонъ обозначаетъ черезъ *t*, а въ сѣверно-остяцкомъ—звукъ, который Альквистъ условно обозначилъ черезъ *l*, но о произношеніи котораго г. Андерсонъ, самъ непосредственно не наблюдавшій живыхъ остяцкихъ говоровъ, не встрѣтилъ точныхъ указаній (стр. 14). Нужно замѣтить, что такому своеобразному *l* однихъ остяцкихъ говоровъ, чередующемуся съ *t* въ другихъ остяцкихъ и въ вогульскомъ, въ прочихъ финскихъ языкахъ кромѣ зубнаго спиранта нерѣдко соответствуетъ *l*, напр.:

¹⁾ Ср., между прочимъ:

ф. н. *sulka* «перо», эст. *sul'g*; морд. *tolga*; чер. *tol*; лан. *tolke* (норв. *dolgge*); зыр. *tīl*, вог. *tīlī*; ост. *togol*; вог. *taul*; мад. *toll*. (*Budenz* № 234).

ф. н. *sakea* «густой, частый, многій», эст. *sage*; морд. *sājede*, *sidā*; чер. *šuko*, *šoka*; лан. *suokes* (норв. *sagga*); зыр. *suk*, *šök*, вог. *zök*; ост. *šīk*, *šaka* (Ирт. *t'ay*); вог. *šak*; мад. *sok*. (*Budenz* № 358, *Anderson* № 101).

ф. н. *happame* «кислый», эст. *happu*; морд. *šarama*, *šaramo* (Э.); чер. *šoro*; зыр. *šoma*; ост. *šum* «киснуть»; вог. *šāu* «квасить», *šāum* *šāh-uit* «кислое молоко»; мад. *savanyú* «кислый». (*Budenz* № 341).

И т. п.

ф и. luke- «читать, считать», э с т. luge-; м о р д. luvī; ч е р е м. lud-; л а п. lokka-; з ы р. и в о т. lūd; в о г lau- lav; о с т. luūt-, tund-, tōid-; м а д. olvas. (*Budenz* № 928, *Anderson* № 37).

Такие примѣры, какъ приведенный, по настоящему не относятся къ предмету изслѣдованія г. Андерсона, такъ какъ въ этомъ случаѣ праязыковою фонемою былъ звукъ l, что слѣдуетъ изъ согласія рефлексовъ этого звука въ финскихъ языкахъ. Но изъ того, что остяцкое l (resp. t, t) можетъ собою отражать, кромѣ первоначального *s (по Андерсону), еще и первоначальное *l, вовсе не вытекаетъ необходимость приведенія группъ словъ второго рода, такъ какъ въѣдъ въ этомъ случаѣ нѣтъ «Wandlung der anlautenden dentalen Spirans». А между тѣмъ г. Андерсонъ, говоря объ остяцкомъ l (t, t), приводитъ смѣшанно случаи той и другой категоріи, вводя такимъ образомъ въ свой трудъ отчасти матеріалъ, прямо не относящійся къ изслѣдуемому имъ вопросу.

Представивши нѣкоторыя возраженія на взгляды г. Андерсона, а также и свое мнѣніе по обсуждаемому вопросу, мнѣ остается въ заключеніе сказать, что тщательное монографическое изслѣдованіе спеціальнаго вопроса при возможно полномъ собраніи матеріала, масса частныхъ замѣчаній, разъясненныхъ въ трудѣ, достаточная строгость при сопоставленіи словъ, сказывающаяся въ различеніи словъ родственныхъ и заимствованныхъ,—все это сообщаетъ интересъ и значеніе труду г. Андерсона.

В. Богородицкій.

ЛИТЕРАТУРА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ В. РОССИИ

въ 1893 г. *).

- Археологія и исторія искусства. Ахмарова. *ibid.*, 3.
Памятники старины близь с. Архангельскаго. *ibid.*
- Матеріалы для археологіи Россіи, издаваемые Императорской Археологической Коммиссіей. Вып. XI. Лядинскій и Томниковскій могильники. В. Н. Ястребова. Эпиграфическій памятникъ Волжской Булгаріи. И. А. Износкова. *ibid.*
Еще о слѣдахъ древняго поселенія близь г. Спасска. Обрѣзкова. *ibid.*, 4.
Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Муха. *ibid.*
- Finska Fornminnes föreningens Tidsskrift. XIII. Tietoja Karjalan gautakadesta.—Изъ желѣзнаго вѣка Кареліи. Клады и кладоисканіе на Руси. В. Н. Витевскаго. *ibid.*, 5.
Данныя о городахъ Волжской Булгаріи. III. Кашанъ. П. А. Пономарева. Экскурсія на мѣсто древняго Сувара. Г. Ахмарова. *ibid.*, 5.
«Извѣстія Каз. Общ. А. И. и Э.», 2. Археологическія раскопки въ Оренбургской и Тургайской областяхъ. *ibid.*
Табулгу-тау и неопредѣленные города Волжской Булгаріи. Его-же. *ibid.*, 4.
Малетинскія древнія копи. П. О. Чупина, *ibid.*, 6.
Муранскій могильникъ. Археологическій очеркъ. В. Н. Поливанова. *ibid.*, 3.
Древности въ долинѣ Ангрена. *ibid.*
Изъ области лингвистической археологіи. В. А. Богородицкаго. *ibid.*, 2.
Изъ поѣздки въ с. Мамаевку. *ibid.*
Замѣтки о происхожденіи нѣсколькихъ кладбищъ при татарскихъ селеніяхъ Волжско-Камскаго края. Г. Упраздненная Пятницкая церковь, что на Пинскихъ Буграхъ. «Ниж. Еп. Вѣд.», 1.
Девятый археологическій сѣздъ

*) См. вып. 3, стр. 315.

въ Вильнѣ. «Ниж. Губ. Вѣд.», 46, 48, 49, 52.

Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ. *Ө. А. Теплоухова. «Пермскій Край». Т. II и отдѣльно.*

Материалы къ исторіи Увеса. «Тр. Сар. Арх. Ком.» Т. IV, вып. 1.

Древній могильникъ Аткарскаго уѣзда. А. Н. Минхъ. *ibid.*, вып. 2.

Археологическія разысканія и раскопки, произведенныя въ 1892 г. въ уѣздахъ Краснослободскомъ и Наровчатскомъ Пензенской губерніи. В. М. Терехина. — «Сборникъ Пензенскаго Губернскаго Статистическаго Комитета». Вып. I.

Археологическое сообщеніе. «Турк. Вѣд.», 60.

Путеводитель по Средней Азіи въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ, Д. И. Эварницкаго. Рецензія Н. Петровскаго. *ibid.*, 67.

Слѣды древности на Амурѣ. «Дальн. Востокъ». 29.

Экспедиціи Общества изученія Амурскаго Края. *ibid.* 51.

Исторія.

Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. «Изв. К. Общ. А. И. и Э». 3.

Акты, относящіяся къ исторіи Мордвы Пензенской губерніи. Сообщ. В. М. Терехинымъ. *ibid.*

Письмо князя Ивана Бековича Ширинскаго къ его родственнику въ Казань. Сообщ. А. И. Соколовымъ. *ibid.*

«Саратовское Поволжье съ древнѣйшихъ временъ». Реценз. С. И. Кедрова. *ibid.*

Захватъ, купля и продажа инородокъ въ Якутской области. *ibid.* 2.

Владѣнныя грамоты Спасскаго Казанскаго монастыря. Епископа Никанора. *ibid.*, 4.

Пребываніе Екатерины II въ Чебоксарахъ. *ibid.*

Карта Екатеринбургскаго вѣдомства и провинціи Соли-Камской etc. 1734—1736 гг. П. О. Чупина. «Пермскій Край». Т. II.

Материалы къ исторіи Пермскаго майоратнаго имѣнія Строгановыхъ. *ibid.*

Къ полувѣковой годовщинѣ смерти П. А. Слоцова. *ibid.*

Вотчины Московскихъ монастырей въ Саратовскомъ краѣ. А. Голомбьевскаго. «Труды Сар. Арх. Ком.» IV, 1.

Къ исторіи переселенія малороссія въ Саратовскій край. А. Н. Минха. *ibid.*

Къ исторіи Саратовскаго края (изъ Донскихъ дѣлъ). А. Е. Шахматовой. *ibid.*

Материалы по исторіи Саратовской и сосѣднихъ губерній за вторую половину XVIII в. Л. Б. Вейнберга. *ibid.*

Описаніе архива Саратовскаго стараго собора. А. И. Соколова. *ibid.*

Къ исторіи Пугачевскаго бунта. Ф. В. Духовникова. *ibid.* Вып. 2.

Къ исторіи организаціи врачебнаго дѣла въ Саратовской губерніи Н. Ф. Хованскаго. *ibid.*

Жалованная грамота царя Ивана Грознаго Ивану Тимашеву на землю въ Мещерахъ. Е. А. Шахматовой. *ibid.*

Узинскій станъ Пензенскаго уѣзда. *ibid.* А. А. Голомбьевскаго.

Завальскій станъ Пензенскаго у. Его-же. *ibid.*

Саратовскій Край. Изд. Сар. Общ. Вспом. Литер. Вып. I.

Пензенскіе архипастыри. А. Ө. Селиванова. «Сборн. Пенз. Губ. Стат. Комит.» I.

- Матеріали для історіи, археології etc. Пензенскаго края. В. и Г. Холмогоровыхъ. *ibid.*
- Пензенскій Троицкій женскій монастырь. Г. И. Мѣшкова. *ibid.*
- Матеріали по історіи гор. Пензы. В. Х. Хохрякова. *ibid.*
- Шевченко въ Н. Новгородѣ. «Ниж. Губ. Вѣд.», 30, 31.
- Александръ Серафимовичъ Гацисскій; его ученая и литературная дѣятельность. *ibid.*, 19, 20, 21.
- Иванъ Петровичъ Кулибинъ. *ibid.*, 24—26.
- Изъ Нижегородскаго прошлаго. *ibid.*, 15, 17.
- Каспійское море въ названіяхъ и понятіяхъ древнихъ. «Волгарь». 66.
- Изъ прошлаго. *ibid.* 115, 116.
- Владиміръ на Клязьмѣ въ історіи русскаго государства. *ibid.* 170—173.
- Матеріали для живнеописанія И. П. Кулибина. *ibid.* 238—240.
- Изъ прошлаго. Пугачевщина въ Починкахъ. *ibid.* 225.
- Къ історіи большаго Кубанскаго погрома. Э. Э. Чекалина. «Пенз. Губ. Вѣд.», 109.
- Первая грамата воеводѣ Алфимову. 1663 г. «Вят. Губ. Вѣд.», 94.
- Историческая справка о стариннѣйшихъ вятскихъ фамиліяхъ. *ibid.* 97, 98.
- Дѣятели и замѣчательные люди Оренбургскаго края. «Уф. Губ. Вѣд.» 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25, 29, 31, 33, 36, 38, 40, 44.
- Прошлое и настоящее. Э. Э. Киселева. *ibid.* 26, 28, 31, 36, 38, 40, 44, 45, 46, 47.
- Торговля въ средне-азіатскихъ ханствахъ въ началѣ настоящаго столѣтія. *ibid.* 46, 47, 51.
- Графъ В. А. Перовскій и его степные походы «Оренб. Край». 112, 115, 118, 121.
- Пугачевскій бунтъ въ Оренбургской губ. «Оренб. Листокъ». 28, 29.
- Холера въ Киргизской ордѣ въ 1829—30 гг. «Тург. Обл. Вѣд.», 11, 13, 14.
- Къ історіи южной части Екатеринбургскаго уѣзда. «Екат. Нед.», 18, 31, 36.
- Древнія свѣдѣнія о рѣкѣ Кугакъ (Зеравшанъ). «Окраина». 50, 51.
- Древнія Самаркандскія мечети въ описаніи Д. И. Эварницкаго. *ibid.* 78, 79, 80.
- Хидая. Комментаріи мусульманскаго права. *ibid.* 100, 101.
- Культурные успѣхи Закаспійскаго края. *ibid.* 121, 125.
- Изъ прошлаго. *ibid.* 137, 140.
- Замѣтки по ирригаціи. Древность ея въ Ср. Азії. «Турк. Вѣд.», 35, 37.
- Восточная литература о Россіи и русскихъ. *ibid.* 91.
- Путь Александра Македонскаго отъ Карши до Сыръ-Дарьи. *ibid.* 93.
- Къ біографіи П. А. Словцова. «Тоб. Губ. Вѣд.», 14.
- Невельскій и островъ Сахалинъ. *ibid.* 18.
- Начало Сибирскихъ городовъ. *ibid.* 21, 26.
- Пути сообщенія въ Сибири. *ibid.* 16, 17.
- Сказаніе объ Ермакѣ. Е. Л. *ibid.* 26.
- Къ свѣдѣніямъ о пребываніи въ ссылкѣ князей Долгорукихъ. *ibid.* 27.
- Изъ документовъ объ устройствѣ Тобол. Дух. Семинаріи. *ibid.*
- Къ образцамъ старыхъ школьныхъ порядковъ. Строгости Верхотурской таможи. *ibid.* 29.
- Къ свѣдѣніямъ о Пугачевщинѣ въ Сибири. *ibid.* 30.
- Старыя мѣры къ утвержденію въ правилахъ крещеныхъ остяковъ. Къ

- свѣдѣніямъ о пугачевскомъ полковникѣ Салаватѣ. *ibid.* 31.
- Арестъ воеводы. *ibid.* 32.
- Обскіе пираты прошлаго вѣка. *ibid.* 33, 34.
- Историческая справка объ открытіи Тоб. Дух. Семинаріи. *ibid.* 36.
- Сказки о семьѣ смыльнаго украинца Новицкаго. *ibid.* 44.
- «Снабдеваніе» студентовъ одежду. *ibid.* 45.
- Очерки Сибирской торговли. «Сиб. Лист.», 35, 36
- Торгово-промышленное положеніе Тюмени до половины XIX в. *ibid.* 99—100.
- Туруханскій край. *ibid.*
- Рѣчь, произнесенная по случаю 500-лѣтняго юбилея Тоб. Дух. Семинаріи. «Тоб. Еп. Вѣд.», 21—22.
- Замѣтки объ архивахъ Алейскаго и Владимірскаго волостныхъ правленій. «Том. Губ. Вѣд.», 35, 37—41—50.
- Бараба. Историко-статистическіе, этнографическіе и экономическіе очерки. Е. Филимонова. «Сиб. Вѣст.», 39, 53, 57, 73, 77, 93, 105, 108.
- Василій Ивановичъ Вербицкій. Н. А. *ibid.* 131.
- Памяти перваго историка-сибиряка. «Енис. Лист.», 18.
- Сказаніе объ Ермакѣ. *ibid.* 23.
- Изъ біографіи иностранца, сосланнаго въ Сибирь въ XVIII в. *ibid.* 25.
- Красноярскій Успенскій монастырь. *ibid.* 45, 47.
- Проекты введенія обязательнаго труда на Сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. В. Семевскаго. «Вост. Обзор.», 10.
- В. И. Вербицкій. *ibid.* 66—67.
- Владивостокъ въ его историческомъ развитіи. «Дальній Востокъ». В. П., 24, 28, 37, 48, 50.
- Китай въ его прошломъ и настоящемъ. В. П. *ibid.* 16, 19, 26, 30, 31, 39, 46, 47, 48, 51, 58, 64, 66.
- Этнографія. I. Русскіе.
- Постройки с. Тальзина Симб. г. Постникова. «Изв. Каз. Общ. А. И. и Э. 4.
- Пѣсни Балахнинскаго у. «Ниж. Губ. Вѣд.», 16, 42, 44, 48.
- Лѣсная глушь. *ibid.* 49.
- Сергачская Ачка въ этнографическихъ рамкахъ. *ibid.* 45.
- Отчетъ Самарскаго миссіонерскаго Общества за 1892 г. (Свѣд. о расколѣ). «Сам. Еп. Вѣд.», 7.
- Состояніе раскола и сектанства въ Сам. губ. съ 1888 по 1892. Н. Гребнева. *ibid.* 23.
- Производство крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ машинъ въ Перм. и Вят. губ. «Вят. Губ. Вѣд.», 89.
- Затруднительное положеніе сектантовъ. «Оренб. Край», 36.
- По деревнямъ Оренб. уѣзда. «Оренб. Край». 62.
- Самовольныя школы въ Оренб. уѣздѣ. А. Кузнецова. *ibid.* 139.
- По русскимъ селеніямъ Сыръ-Дарьинской области. «Турк. Вѣд.», 14, 31, 33, 43, 51, 53, 77, 85.
- Экономическія замѣтки о крестьянской жизни Верхоленскаго округа. «Сиб. Лист.», 21, 29, 31, 39, 41.
- Переселенцы Семирѣченской области. *ibid.* 28.
- Сибирскіе покрученики. *ibid.* 95.
- По Ленѣ. «Сиб. Вѣст.», 45.
- Суевѣрные обряды, обычаи и примѣты крестьянъ Ачинскаго округа. «Енис. Лист.», 29.
- Финны и Самоѣды.
- Черемисы Арбанской волости. Н.

Троицкой. «Изв. Каз. Общ. А. И. и Э», 1. вера Тобольской губернии. «Енис. Лист.», 36, 37.

Journal de la Société Finno-Ougr. Vol. I.—X. Рец. И. Н. Смирнова. *ibid.*

Кара-Якуповская волость (Черемисы). И. Износкова. *ibid.* Вып. 2.

Черемисско-русский словарь. В. П. Троицкого. *ibid.* Прилож. Вып. 2—6.

Черемисская свадьба. «Вятск. Губ. Вѣд.», 70.

Ницая. Чер. сказка. *ibid.*

Замѣтки о Мордвѣ и памятникахъ мордовской старины въ Нижегородской губернии. А. Д. Смирнова. *ibid.* 3.

Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у Вотяковъ. Г. Вихмана. *ibid.*

Вѣрованія и культъ Мордвы с. Сабанчеева Симб. губ. Алат. у. М. П. Лукина. *ibid.* 4.

Мордва. — Историко-этнографическій очеркъ. И. Н. Смирнова. *ibid.* 5, 6.

Изъ быта Мордвы с. Живайкина Карс. у. Симб. г. Ф. Бутузова. *ibid.* 5.

Изъ быта Мордвы с. Дюрки. С. Иванцева. *ibid.* 6.

Мордовская свадьба. М. Евсеева. «Жив. Стар.», 1, 2.

Мордовско-крещенскій приходъ с. Акузова Сергачскаго у. «Ниж. Еп. Вѣд.», 25—27.

С. Лобаски. «Ниж. Губ. Вѣд.», 48.

Вотяки Больше-Гондырской волости. *ibid.* 48, 50.

Экспедиція А. А. Сыромятникова на С. Уралъ. «Екат. Нед.», 36, 44.

Взгляды Вотяковъ на заразные болѣзни и способы борьбы съ ними. «Вят. Губ. Вѣд.», 66.

С. Кондинское (рыболовство у остяковъ). «Сиб. Лист.», 18, 43.

Положеніе остяковъ и самоѣдовъ. *ibid.* 47.

Къ вопросу объ упорядоченіи хлѣбной торговли среди инородцевъ Сѣ-

Турки.

Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. В. А. Мошкова. «Извѣстія Каз. Общ. А. И. и Э.» Вып. 1, 2, 4.

Кривда и правда. Киргизская легенда «Тоб. Губ. Вѣд.», 19.

Церемоніаль ханскихъ выборовъ у Киргизовъ. П. Л. Юдина. «Уф. Губ. Вѣд.», 20, 24.

Замѣтки о количествѣ домашнихъ животныхъ и ихъ лѣтнемъ содержаніи въ Тургайской области. «Тург. Област. Вѣд.», 3—6.

Овцеводство и его значеніе въ экономіи киргизскаго населенія Тургайской области. *ibid.* 18—21.

Земледѣліе въ Тургайской области. *ibid.* 28.

Киргизская легенда о потопѣ. «Оренб. Лист.», 18.

Киргизское колдовство. *ibid.* 29.

Выборное начало у Киргизовъ. *ibid.* 34, 36, 39, 43.

Озеро Тузь-Куль (киргизскія могилы). «Оренб. Край». 57.

Чувашская свадьба. *ibid.* 68.

Приготовленіе кумыса Киргизами Тургайской области. *ibid.* 82.

Чудесный ножъ.—Киргиз. сказка. *ibid.* 87.

Балдызъ-Калымъ. *ibid.* 88.

Замѣтка по поводу статьи «Очерки киргизскаго коневодства Тургайской области». *ibid.* 92.

Киргизы-пастухи. *ibid.* 97.

Лѣто въ степи у Киргизъ-Кайсаковъ. *ibid.* 107, 110.

Похоронные и поминальные обычаи Чувашъ поволжскаго края. Ф. А. Добросмыслова. *ibid.* 145.

Киргизскія колыбельныя и дѣтскія

пѣсни. *ibid.*

Д. И. Эварницкій о Сартахъ, «Окраина». 66, 69.

Байга. *ibid.* 131, 132.

Сангъ - Туда (восточная легенда). *ibid.* 137.

Сарты. Н. П. Остроумова. Рецензія Д. И. Эварницкаго. «Турк. Вѣд.», 3.

Пржевальскъ (дунганы и киргизы). *ibid.* 27, 53.

Каръ-Хатъ (туземный обычай). *ibid.* 82.

Вѣсти изъ Якутской области. «Сиб. Лист.», 101.

Въ горахъ Алтая. «Сиб. Вѣст.», 52, 56, 58, 60.

Изъ моего дневника (Якуты). *ibid.* 102, 109.

Прототипъ терапевтическаго метода Броушъ - Секара. Малароводство на Алтаѣ. *ibid.* 20.

Неудавшееся предпріятіе (изъ быта Якутовъ). «Вост. Обзор.», 33, 34.

Киргизскія пословицы и загадки. П. Меліоранскаго. З. Вост. О. И. Р. Арх. О. т. VII, вып. I—V.

Гаданія у жителей Вост. Туркестана. Н. Катанова. *ibid.* т. VIII, вып. I—II.

Среди Тюрковъ. Его-же.

Салары. Этн. оч. Э. Пояркова и В. Ладыгина. «Этн. Обзор.» 1.

Тѣма объ усѣченной головѣ въ степи. *ibid.*

Киргизская легенда о веретенѣ, превратившемся въ гору. *ibid.*

Ордынскія параллели къ поэмамъ Ломбардскаго цикла. *ibid.* 3.

Горные башкиры-китайцы. Л. Берхгольца. *ibid.*

Изъ быта Чувашей Каз. губ. В. Магнитскаго. *ibid.*

Монголы.

Сайханъ - Абаї (монголо-бурятская легенда). *ibid.* 19.

Конецъ племени Кангиениси. *ibid.* 40—41.

Мщеніе ламы. А. К. Ордынскаго. *ibid.*

Свадебный обрядъ у Балаганскихъ Бурятъ. «Екат. Нед.», 19 (окончаніе). Тункинскій край (положеніе бурятъ). «Сиб. Лист.», 68.

Мерзльскій край (Тунгузы). *ibid.* 134. Православіе и ламаизмъ въ Забайкальи. *ibid.* 140—142.

Книги для Бурятъ. «Вост. Обзор.», 8. Борьба съ эпидемическими болѣзнями въ Западномъ Забайкальи. *ibid.* 17, 18.

Интересъ изученія народной и тибетской медицины въ Забайкальи. Н. Кирилова «Этн. Обзор.» 4.

Калмыцкія сказки. А. Позднѣва. Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. т. VII, вып. I—V.

Сахалинскіе гиляки. «Этн. Обзор.» 2. Л. Штернберга.

Арктическіе народы.

Ditmar. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka. Библиогр. отчетъ И. Н. Смирнова. «Изв. Каз. Общ. А. И. и Э.», 2.

Извѣстія иностранцевъ о народахъ Россіи. И. Н. Смирнова. *ibid.* 3.

Формы жилищъ и поселеній у народовъ В. Россіи. И. Н. Смирнова. *ibid.*

Изъ жизни окраины. Чукотскій край. «Дальній Востокъ». 73.

Бытъ Чукчей. *ibid.* 53.

Наши сѣверо-восточныя окраины (Чукчи). «Сиб. Вѣст.», 55.

Статьи смѣшаннаго содер-
жанія.

Приходъ с. Ключева Сергачскаго у.
Ниж. губ. «Ниж. Еп. Вѣд.», 6.

Приходъ с. Субботина Сергачска-
го у. Ниж. губ. *ibid.* 9.

Приходъ с. Богородскаго Сергач-
скаго у. Ниж. губ. *ibid.* 7.

Приходъ с. Апраксина Сергачска-
го у. Ниж. губ. *ibid.* 18.

Приходъ с. Ушакова Сергачскаго
у. Ниж. губ. *ibid.* 15.

Приходъ с. Сарги Сергачскаго у.
Ниж. губ. *ibid.* 17.

Приходъ с. Елховки Сергачскаго
у. Ниж. губ. *ibid.* 22.

Приходъ с. Пересѣкина Сергачска-
го у. Ниж. губ. *ibid.* 23.

Приходъ с. Ивкова Сергачскаго у.
Ниж. губ. *ibid.* 24.

Село Гагино Ниж. губ. Сергачска-
го у. «Ниж. Губ. Вѣд.», 19, 20, 22,
24, 28, 31.

Село Старо-Ахматово. «Ниж. Губ.
Вѣд.», 46.

Село Абдулино. Его происхожде-
ніе и населеніе. «Сам. Еп. Вѣд.», 24.

Село Идолга Саратов. у. «Сар. Губ.
Вѣд.», 4, 5.

Краткія географическія свѣдѣнія
о Тургайской Области. «Тург. Обл.
Вѣд.», 12, 18.

Поѣздка на Ирмель. «Оренб. Край».
24.

Степные очерки и картинки. И. С.
Ш. *ibid.* 79, 96.

Оро-гидрографическій очеркъ Се-
мирѣчья. «Турк. Вѣд.». 19.

Путешествіе Биддельса по Закаспійскому Краю. *ibid.* 41.

Ангарскія письма. «Сиб. Лист.» 33,
34, 92.

Съ береговъ Байкала. «Вост. Обзор.»
25, 29, 31, 33, 35, 70.

Письма съ дороги. *ibid.* 30, 36.

Музеографія.

Новѣйшія пріобрѣтенія музея Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. «Изв. Каз. Общ. А. И. Э.» II.

Списокъ антропологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ предметовъ Борнаульскаго горнаго музеума *ibid.* III.

Минусинскій мѣстный музей и общественная бібліотека въ 1892 г. «Сиб. Вѣст.» 35.

Александровская Самарская публичная бібліотека (музей). «Сам. Вѣст.», 69.

Справочныя изданія.

Указатель къ «этногр. обзор.» кн. I—XV (1889—1892 гг.). Сост. Г. И. Куликовскій.

Матеріалы для бібліографіи Сибири. Указатель статей и главн замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ Сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ. А. А. Терновскій.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Печатается «Алтайскій Сборникъ».—Изд. Общества Любителей
Исслѣдованія Алтая.

Въ Гельсингфорсѣ предполагается изданіе съ предстоящей весны новаго по-
священнаго финнологіи журнала «Finnische Forschungen». Къ участію въ
изданіи предполагается привлечь всѣхъ выдающихся финноловъ Россіи, Венг-
ріи, Германіи и Скандинавскихъ государствъ.

Digitized by Google

X 1935 / 380

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ зданій и археологическихъ предметовъ. Снимки можно приобрести отдѣльно и альбомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Булгарь. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор перепл. 5 р.
2. Древности Ананьинскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и 2 на $\frac{1}{2}$ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.
- 3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, картины быта (занятія, обряды).
 - а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 сн. Ц. въ кол. пер. 6 р.
 - б) Чуваші. 32 сн. Ц. въ кол. пер. 12 р.
 - в) Черемисы. 76 сн. Ц. въ кол. пер. 18 р.
 - г) Мордва. 18 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.
 - д) Вотяки. 12 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.

Изготавливаются:

- 1) Казань старая и новая.
- 2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Виды прибрежныхъ городовъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фотографу К. Т. Софонову.

Упрі

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азій и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: Н. О. Акасовъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. О. Будде, Н. Виташевскій, К. В. Виклондъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, О. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катанаяевъ (Омскъ), С. И. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ) Н. М. Мартыановъ (Минусинскъ), П. Мелокъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, О. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Эйрсовъ, пр.-доц. Н. Н. Эйрсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсъ, Буда-Пештъ и Упсалъ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желашіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣръ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

О погребальныхъ обычаяхъ тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Н. О. Катанова. 109 - 142.
Русскіе въ якутской области въ XVII в. М. А. Красовскаго. 147 - 176.
Хроника. Пермская археологическая выставка 1894 г. А. А. Спицына. 177 - 178.

I. Матеріалы. Археологическіе. Городище япончино на р. Кубнѣ. Г. Ахмарова. II. Историческіе свѣдѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ. III. Этнографическіе. Качинская легенда о сотвореніи міра. Н. О. Катанова. Приключенія муллы Насръ-Эддина. Т. А. Иваницкаго. . 179 - 193.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ
Секретарь Н. Катановъ.

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

У ТЮРКСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Тюркскія племена въ самое отдаленное отъ насъ время всё были шаманистами, а потомъ, когда въ силу историческихъ обстоятельствъ имъ пришлось расселиться по разнымъ странамъ, они столкнулись съ народами, исповѣдывавшими христіанство, мусульманство и буддизмъ, и стали исповѣдывать эти три религіи, сохранивши впрочемъ нѣкоторые обряды прежней своей религіи, т. е. шаманства. Болѣе всего шаманскихъ обрядовъ сохранилось у племенъ, исповѣдующихъ въ настоящее время христіанство и буддизмъ. Въ этой статьѣ я описываю погребальные обряды слѣдующихъ племенъ: во-первыхъ, Бельтировъ, Сагайцевъ, Каларовъ, Каргинцевъ и Карагасовъ, исповѣдующихъ христіанство; во-вторыхъ, Урянхайцевъ, исповѣдующихъ буддизмъ (ламаизмъ); и въ-третьихъ, Казакъ-киргизовъ и нѣкоторыхъ Татаръ Китайскаго Туркестана, исповѣдующихъ мусульманство. О шаманскихъ обрядахъ племенъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, было говорено въ печати достаточно; поэтому я остановлюсь только на погребальныхъ обрядахъ тѣхъ племенъ, бытъ, религію и языкъ которыхъ я изслѣдовалъ съ 1889 по 1892 годъ, по порученію Академіи Наукъ и Географическаго Общества, въ Сибири, Монголіи, Китайскомъ Туркестанѣ и округѣ Тарбагатай. Прежде чѣмъ приступить къ описанію погребальныхъ обрядовъ

вышеуказанныхъ племенъ, скажу нѣсколько словъ о погребаль-ныхъ обрядахъ древнихъ тюрковъ и народовъ, возлѣ которыхъ турки жили. Какъ въ древности, такъ и теперь всѣ шаманисты глубоко вѣруютъ, что загробная жизнь есть продолженіе настоящей; что въ загробномъ мірѣ есть свое солнце и своя луна, свои люди и свой скотъ; что въ загробномъ мірѣ будетъ такая же жизнь, какъ и въ этомъ, только съ меньшими невзгодами. Глубоко вѣруя, что загробная жизнь есть продолженіе настоящей, шаманисты вляли и кладутъ въ могилу умершаго чело-вѣка всѣ предметы, которые онъ употреблялъ въ домашнемъ обиходѣ: сѣдло любимаго воя и одежду умершаго, деньги, водку въ сосудѣ, лукъ, стрѣлы, табачную трубку, кисеть или кошелекъ съ табакомъ и пищу въ мѣшкѣ. Обычай влать въ гробъ покойника запасъ пищи и другіе предметы существуетъ теперь какъ у тюркскихъ племенъ, такъ и у многихъ дру-гихъ народовъ Урало-Алтайской семьи: у Черемисовъ ¹⁾, Морд-вы ²⁾, Вотяковъ ³⁾, Пермьяковъ ⁴⁾, Вогуловъ ⁵⁾, Мешеряковъ ⁶⁾, Тептярей-язычниковъ ⁷⁾, Чувашей ⁸⁾, Лопарей ⁹⁾, Остяковъ ¹⁰⁾, Якутовъ ¹¹⁾, Тунгусовъ ¹²⁾, Коряковъ ¹³⁾, Гиляковъ ¹⁴⁾ и др.

¹⁾ «Народы Россіи». Спб. 1878. Ч. I, стр. 365. С. К. Кузнецовъ. «Загробныя вѣрованія Черемисъ». Каз. 1884. Стр. 10.

²⁾ «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 273—4.

³⁾ «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 295. Б. Гавриловъ. Произвед. народ. слов. Вотяковъ. Каз. 1880. Стр. 183.

⁴⁾ Э. Реєлю. Т. II. Азіят. Россія. Спб. 1884. Стр. 522 «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 376 и 382.

⁵⁾ «Нар. Россіи». Ч. I, стр. 376 и 382.

⁶⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 126.

⁷⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 133.

⁸⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 143.

⁹⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 440.

¹⁰⁾ «Записки И. Р. Г. Общ.». Книга XII, стр. 335. «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 485.

¹¹⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 531. Н. Vambèry. Das Türkenvolk. Leipz. 1885. Стр. 162.

¹²⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 546.

¹³⁾ «Нар. Россіи». Ч. II, стр. 590.

¹⁴⁾ А. Красновъ. «На Сахалинѣ» («Историч. Вѣстникъ». Годъ XV. Февраль 1894).

По разсказамъ древнихъ путешественниковъ и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Китайскими лѣтописями ¹⁾, погребальные обряды древнихъ тюрскихъ племенъ и народовъ, жившихъ рядомъ съ ними, и исповѣдывавшихъ шаманство, были слѣдующіе.

Гунны. Гунны, или, какъ называли ихъ Китайскія лѣтописи, Хунну, жившіе съ III вѣка до Р. Х. по I вѣкъ по Р. Х. въ Сѣв. Монголіи, своихъ хановъ хоронили въ гробѣ, въ облаченіи изъ золотой и серебряной парчи. Этотъ гробъ вставляли въ другой, ббольшій.

Ухуань. Ухуань, или Дунъ-ху, родственные Сянь-бійцамъ, Манжурскому племени, и жившіе съ I вѣка до Р. Х. по III вѣкъ по Р. Х. въ Вост. Монголіи, своихъ покойниковъ вляли въ гробъ, и по немъ производили плачь. Гробъ провозжали съ пѣснями и плясками. Брали одну откормленную собаку и вели ее на цвѣтномъ шкурѣ. Брали также лошадь, на которой любилъ ѣздить покойникъ, его одѣянія и вещи и все это сожигали и несли за гробомъ для препорученія собакѣ, чтобы она охраняла душу умершаго.

Уйгуры. Уйгуры, по-монг. Ойхоръ и Хойхоръ, а по-ит. Хойху и Гаогюй, произошли отъ Гунновъ и жили въ Сѣв. Монголіи и Китайскомъ Туркестанѣ съ I вѣка по Р. Х. до XIII. Мертвыхъ они относили въ выкопанную могилу; ставили трупъ на серединѣ, съ натянутымъ лугомъ въ рукахъ, опоясанный мечемъ, съ копьемъ подъ мышкою, какъ будто живаго человѣка, но могилы не засыпали.

Дулгасцы. Дулгасцы, или Тугю (Тюрки), происходившіе отъ Гунновъ и родственные Уйгурамъ, жили по Черному Иртышу и въ сѣв. части Гобійской пустыни въ V—VII вѣкахъ по Р. Х. Если кто умиралъ, то брали лошадь, на которой ѣздилъ покойникъ, и вещи, которыя онъ употреблялъ, и потомъ все сожигали вмѣстѣ съ покойникомъ. Въ зданіи, по-

¹⁾ Монахъ Іакинѣвъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена». Часть I. Спб. 1851.

²⁾ Тамъ-же, у Іакинѣва.

строеномъ при могилѣ, ставили нарисованный обликъ покойника и описаніе сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ. Они женились на мачихахъ, невѣствахъ и теткахъ по смерти ихъ мужей. Такъ поступали и предки ихъ Гунны ¹⁾.

Дубо. Дубо, происходившіе отъ Гунновъ и слѣд. родственные Уйгурамъ и Дулгасцамъ, жили съ V вѣка по Р. Х. въ верховьяхъ Енисея, на югѣ смежно съ Уйгурами, а на западѣ смежно съ Киргизами (Хагасы), предками нынѣшнихъ дубокаменныхъ Киргизовъ. Дубо есть не что иное, какъ нынѣшніе Урянхайцы и Карагасы, называющіе себя Туба. Дубо полагали своихъ покойниковъ въ гробы и ставили въ горахъ или привязывали на деревьяхъ. Провожая покойника, производили плачь такъ-же, какъ и Дулгасцы, ихъ единоплеменники.

Такъ описывались погребальныя обряды шаманистовъ Китайскими лѣтописцами. Теперь посмотримъ, что говорятъ объ этихъ обрядахъ и загробныхъ вѣрованіяхъ Европейскіе путешественники XII—XV вѣковъ по Р. Х. ²⁾.

П л а н о К а р п и н і я, отправленный папою Иннокентіемъ IV въ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ 1246 году, говоритъ, — Татары вѣруютъ, что въ загробной жизни они будутъ веселиться, будутъ имѣть тамъ стада, пить, ѣсть и дѣлать то, что было въ этой жизни. Если умретъ какой-нибудь начальникъ, то Татары, по словамъ того-же Плана Карпинія, хоронятъ его тайкомъ въ полѣ, ставятъ передъ нимъ столъ, полный кувшинъ мяса и чашку коровьяго молока. Съ нимъ погребаютъ также верховое животное со всей сбруей и сѣдломъ; ѣдутъ на могилѣ другую лошадь. Съ покойникомъ хоронятъ также золото и серебро. Разламываютъ телѣгу, въ которой онъ ѣздилъ, разрушаютъ и домъ его. Между двухъ насыпей вырываютъ яму, на подобіе погреба, ставятъ въ нее тѣло умершаго, владутъ упомянутыя вещи,

¹⁾ На невѣствахъ женятся теперь только Минусинскіе Татары.

²⁾ «Voyages faits principalement en Asie dans les XII—XV siècles. Par Pierre Bergeron. T. I. et II. A la Haye. 1735».

засыпають все землей, а сверху сбѣютъ растенія, чтобы никто не могъ найти могилу. Родственники покойника и ихъ домочадцы должны очиститься огнемъ, разведеннымъ въ двухъ мѣстахъ. Разводятъ именно два костра, возлѣ нихъ ставятъ два копья, которыя соединяются сверху веревкой. Подъ этой веревкой и между огней и копій нужно пройти людямъ и животнымъ, которыхъ надо очистить. Между тѣмъ двѣ женщины, одна съ одной стороны, другая съ другой, брызжутъ на нихъ водою, произнося нѣсколько словъ. Очищаютъ огнемъ и вещи человѣка, убитаго молніей.

Гильёмъ Рюисбрюкъ, отправленный въ Татарамъ въ 1253 году королемъ Людовикомъ IX, говоритъ, что Татары оплакиваютъ своего покойника громкими рыданіями и воплями, и затѣмъ освобождаются отъ платежа податей на весь годъ. Присутствовавшій при чьей-нибудь смерти не можетъ переступить черезъ порогъ великаго хана цѣлый годъ. Тотъ-же Рюисбрюкъ сообщаетъ, что у Половцевъ существуетъ обычай дѣлать надъ могилою умершаго насыпь и ставить на нее статую съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку, и съ чашкою въ рукѣ. Надъ могилами богатыхъ и знатныхъ лицъ ставятъ маленькіе срубы на подобіе пирамидъ. Надъ могилою вѣшаютъ 16 лошадиныхъ шкуръ, по 4 съ каждой стороны. На могилѣ они ставятъ въ посудѣ кумысъ и мясо. Могилы обносятъ камнями, вертикально поставленными. 4 камня, стоящіе по угламъ, обозначаютъ страны свѣта.

Марко Поло, отправившійся въ 1253 году въ Китай черезъ городъ Хами, въ которомъ я жилъ 2¹/₂ мѣсяца въ 1292 году, говоритъ, что, если умереть у Татарина сынъ, еще не женатый, а у другаго умереть дочь, еще дѣвица, то родители того и другой женятъ ихъ обоихъ и, заключивши брачное условіе, рисуютъ на бумагѣ мальчика и дѣвочку, твердо вѣруя, что покойники поженятся на томъ свѣтѣ.

Писатели Кромеръ, Винцентъ де-Бовэ и другіе (XII—XV вѣковъ) говорятъ, —Татары вѣруютъ, что будутъ имѣть въ загробной жизни стада и прочія вещи, которыя были

у нихъ въ этомъ мѣрѣ. Покойника кладутъ въ могилѣ на возвышеніе въ видѣ трона, со столомъ, на которомъ поставлено мясо и молоко въ посудинѣ, и такъ хоронятъ его съ кобылою, жеребенкомъ и лошадыю въ полной упряжи. Другая лошадь убивается и съѣдается; шкура ея наполняется сѣномъ и возвышается на двухъ палкахъ. Все это, говорятъ Татары, дѣлается для того, чтобы въ другой жизни имѣть свою хижину, свою лошадь и свое молоко. Кости всегда сожигаются. Важныхъ особъ хоронятъ тайно отъ народа, вмѣстѣ съ ними кладутъ рабовъ. Нѣкоторые сжигаютъ тѣла своихъ родителей и берегутъ ихъ пепель, которымъ посыпаютъ мясо.

Вѣрованіе, что загробная жизнь есть продолженіе настоящей, было присуще не только Тюркскимъ, Манжурскимъ и Монгольскимъ племенамъ, когда они были шаманистами, но и Корейскимъ племенамъ, по крайней мѣрѣ это видно изъ Китайскихъ лѣтописей, обнимающихъ время со II вѣка до Р. Х. по IX вѣкъ по Р. Х. ¹⁾. У племенъ Ф у ю й и Г а о г ю й л и младшій братъ, по смерти старшаго, женился на невѣсткѣ. У племени В о с т о ч н а г о В о ц з ю й съ каждымъ повоинникомъ вляли вырѣзанный изъ дерева обликъ его. У племени Г а о г ю й л и при покойникѣ вляли золото, серебро и разныя дорогія вещи. Насыпь надъ могилою дѣлали изъ камней, набросанныхъ въ кучу, и обсаживали хвойными деревьями. У племени Г а о л и послѣ погребенія всѣ вещи, которыя покойникъ употреблялъ при жизни, какъ-то: одѣяніе, разныя рѣдкости, телѣги, лошадей, разставляли подлѣ могилы. Племя У г и бросало своихъ покойниковъ на степи и ихъ трупами приманивало во время охоты соболей. Племя Ш и в е й вляли трупы своихъ покойниковъ на деревьяхъ. Указанныя здѣсь 6 племенъ жили въ вост. части Монголіи и въ нынѣшней Манжуріи. На основаніи сходства погребальныхъ обрядовъ этихъ 6 племенъ, причисляемыхъ Китайцами къ такъ называемымъ „восточнымъ инозем-

¹⁾ Монахъ Гакинъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Часть II. Спб. 1851».

цамъ“, съ погребальными обрядами нынѣшнихъ Амурскихъ инородцевъ, какъ-то: Манжурь, Тунгусовъ, Гольдовъ, Гиляковъ и Айно, можемъ думать, что эти Амурскіе инородцы произошли отъ вышеупомянутыхъ „восточныхъ иноземцевъ“, исповѣдывавшихъ шаманство, которое, сохранившись до нашихъ дней, выражается какъ въ почитаніи душъ предковъ и призваніи духовъ, водъ, горъ, огня и лѣсовъ, такъ и въ погребальныхъ обрядахъ. Что касается нынѣшнихъ Монгольскихъ племенъ, то шаманство держится у нихъ въ народѣ до сихъ поръ, хотя ламы строго преслѣдуютъ исповѣдующихъ шаманство, или, какъ они называютъ, „черную вѣру“. Призванія духовъ какъ у Монголовъ, такъ и у Татаръ по содержанію совершенно сходны другъ съ другомъ. Погребеніе умершаго съ предметами домашняго обихода и гаданіе шамановъ о потерѣ по жѣноу бараньей лопаткѣ существуютъ въ Монголіи, Тарбагатаѣ, Китайскомъ Туркестанѣ, на Алтаѣ и въ Вост. Сибири съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ. По свидѣтельству Китайскихъ лѣтописцевъ ¹⁾, писавшихъ именно исторію младшаго дома Хань, который царствовалъ съ 25 до 220 года по Р. Х., ворожба по сожигаемымъ костямъ была извѣстна и Японцамъ.

Переходя теперъ къ описанію погребальныхъ обрядовъ изслѣдованныхъ мною тюрскихъ племенъ, я долженъ связать, что у нѣкоторыхъ племенъ или совершенно не сохранилось остатковъ шаманскихъ обрядовъ, или, если и сохранилось что-нибудь, то лишь весьма немногое: погребальные обряды болѣе или менѣе измѣнились согласно требованіямъ религіи, которая оффиціально исповѣдуется.

І. Бельтиры.

(Минусин. округъ Енис. губ.).

Прежде всего, какъ у м р е т ь человекъ, его обмываютъ: мужчину старикъ, а женщину старуха. Мальчика можетъ

¹⁾ Гакинѣъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азии въ древнія времена. Часть II. Спб. 1851».

обмыть и старуха. Умершаго человѣка моютъ, посадивъ его на доску или берѣсту. Обмываютъ въ переднемъ углу юрты, возлѣ огня: мужчину на южной сторонѣ юрты, а женщину на сѣверной сторонѣ. Доску, на которой обмывали покойника, больше не употребляютъ въ дѣло, а выбрасываютъ вонъ. Богатые люди надѣваютъ на покойника новую одежду, а большинство—старую; вымывъ и вычистивъ её, говорятъ: „Пусть на томъ свѣтѣ носить её-же!“ Душа (сюнэ, сюрэнэ) умершаго человѣка поднимается къ Богу (Кудай). Вымывши покойника, надѣваютъ на него его собственную одежду, лицо закрываютъ платкомъ, надѣваютъ и шапку, если-же дѣло происходитъ зимою, то надѣваютъ и рукавицы. Послѣ этого кладутъ покойника на кошму головою къ переднему углу. Подоставъ кошму подъ покойника, кладутъ её вмѣстѣ съ нимъ. Родственники и посторонніе мужчины собираются и идутъ „дѣлать покойнику дерево“, т. е. гробъ. Людей, дѣлающихъ гробъ, бываетъ даже до 30. Расколовши дерево и выдолбивъ его, готовятъ гробъ. Деревянную колотушку и клинъ, послѣ того какъ гробъ сдѣланъ, разрубаютъ на нѣсколько частей и отбрасываютъ подальше, говоря: „Да не дастъ намъ Богъ впередъ подобной работы!“ Гробъ дѣлаютъ изъ лиственницы или изъ тополя. Привозятъ гробъ къ юртѣ лѣтомъ на телѣгѣ и зимою на саниахъ. Везутъ гробъ, сидя на конѣ верхомъ, а садиться рядомъ съ гробомъ не дозволяется. Приѣхавши, гробъ вносятъ въ юрту; внеся, кладутъ его по лѣвую сторону покойника; положивъ человѣка въ гробъ, гробъ отставляютъ подальше отъ огня, къ сундукамъ. Покойника въ гробъ кладутъ не мужъ и не жена его, а люди, дѣлавшіе гробъ. Кладутъ покойника вмѣстѣ съ кошмою, на которой онъ лежалъ; поднимаютъ и кладутъ, взявши за кошму руками. Потомъ пьютъ вино и ѣдятъ мясо, устраивая поминки. Покойникъ эту ночь пробудетъ въ юртѣ, а на второй день увозятъ его на степь (т. е. кладбище).—Въ древнее время дѣлали еще такъ, что сѣдали любимаго коня покойника его-же сѣдломъ въ самый день смерти, привязавъ въ торокѣ вещи покойника, даже топоръ.

Чолку и хвостъ коня заплеталъ подобно женской косѣ. Заплеталъ обыкновенно старикъ. Затѣмъ онъ привязывалъ коня передъ дверями. Конь стоялъ на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не вынесли покойника изъ юрты, даже двое сутокъ.— Подкладываютъ въ 2 мѣстахъ подъ гробъ арканъ, поднимаютъ гробъ и выносятъ его изъ юрты. Изъ юрты выносятъ сначала ноги, а потомъ и голову. Лѣтомъ телѣгу, а зимою сани ставятъ передъ дверями поперекъ (т. е. съ юга на сѣверъ), чтобы везти покойника. Туда ставятъ гробъ, головою назадъ, а ногами къ коню. Деревянный крестъ и лопатку кладутъ рядомъ съ гробомъ покойника. Положивъ эти вещи, перевязываютъ ихъ арканомъ. Какаянибудь старуха наливаетъ въ чашку, находясь еще въ юртѣ, молоко и закрываетъ чашку чѣмъ-нибудь бѣлымъ. Вынеся молоко, эта старуха говоритъ: „Да не уйдетъ вмѣстѣ съ нимъ наше счастье!“ Затѣмъ она, говоря „куруй! куруй!“ (спаси! спаси!), трижды обходить коня съ покойникомъ и плещетъ молокомъ, обходить она коня противъ теченія солнца. Принеся молоко въ юрту, прибираетъ его, а чашку закрываетъ тѣмъ же бѣлымъ. Одинъ мужчина садится верхомъ на коня и увозитъ, а другой мужчина садится на осѣдланнаго коня покойника и ѣдетъ тутъ-же. На степь (кладбище) не ѣдетъ ни одна женщина, ѣдутъ все мужчины. Ёдутъ все верхомъ. Привезя покойника, копаютъ могилу, а нѣкоторые таскаютъ камни. Снявши прахъ покойника съ телѣги (или сани), кладутъ его на землю головою на западъ, ногами на востокъ. Такъ кладутъ покойника и въ могилу. Затѣмъ приводятъ упомянутаго осѣдланнаго коня и, говоря: „Возьми своего коня!“, бросаютъ поводъ того коня на лѣвую его руку. На томъ свѣтѣ лѣвая рука станетъ правою. Поводъ бросаютъ 3 раза. Бросаетъ тотъ человекъ, который пріѣхалъ на этомъ конѣ. Потомъ, разсѣдлавши коня и снявъ съ него вещи, ведутъ его къ неизменному мѣсту или къ ямѣ. Люди, не боящіеся ничего, ведутъ того коня; затѣмъ, приведя его въ яму, связываютъ вмѣстѣ 4 ноги его, голову притягиваютъ межъ переднихъ ногъ его-же уздою и его-же поводомъ. Сзади межъ

ногъ и брюхомъ коня вталкиваютъ оглоблю. Народъ ступаетъ на эту оглоблю ногами. Мужественный, небоящійся человѣкъ беретъ острый ножъ и вонзаетъ его коню межъ ушей въ затылокъ. Если конь пропадетъ сейчасъ-же, то всё верѣвки развязываютъ и уносятъ, сѣдло и узду тоже уносятъ. Тутъ-же выпускаютъ ему внутренности. Отъ этого коня не остается ничего, такъ какъ его съѣдаютъ птицы и собаки. Взявши сѣдло, узду и прочія вещи, приходятъ, чтобы прибрать „кости“ (прахъ). Къ этому времени уже готовятъ могилу, готовятъ и камни. Сѣдло разбираютъ по всѣмъ частямъ, узду разрѣзываютъ, перерѣзываютъ и арканъ. На томъ свѣтѣ всё это явится въ цѣломъ видѣ. Затѣмъ отрѣзываютъ отъ платья покойника всё пуговицы. На томъ свѣтѣ и онѣ окажутся на мѣстѣ. На томъ свѣтѣ вещи, которыя здѣсь имѣютъ обратный видъ, получаютъ прямой настоящій видъ. Отрѣзанныя пуговицы привозятъ домой и отдаютъ ихъ женѣ и дѣтямъ покойнаго, какъ талисманъ (кумарка). Чашку и ложку покойника тоже ломаютъ, и, изломавши, кладутъ въ гробъ. Съ лѣвой стороны къ покойнику кладутъ провизію въ чашкѣ. Вино наливаютъ въ бутылку и, отбивши горлышко ея, ставятъ тоже у лѣвой руки. Съѣвши и выпивши всё, накладываютъ на гробъ крышку и, подхвативъ гробъ арканомъ въ 2 мѣстахъ, опускаютъ въ могилу. Опустивъ гробъ, всё вещи, какъ-то: узду, сѣдло, арканъ, потникъ, кечимъ, кладутъ у ногъ покойника возлѣ гроба. Котѣль разбиваютъ и кладутъ тамъ-же, вмѣстѣ съ сѣдломъ и прочими вещами. На сердце умершаго человѣка кладутъ иногда монету, говоря: „Пусть счастье и душа его будутъ хороши“. Если у умершаго человѣка глаза не закрылись, то значитъ, умереть еще кто-нибудь и улусъ его постигнетъ еще какая-нибудь неприятность. Потомъ народъ бросаетъ на гробъ землю. Прежде всего землю бросаетъ 3 раза братъ, отецъ или какой-нибудь ближній родственникъ; послѣ нихъ бросаетъ землю и остальной народъ. Послѣ сверху могилы набрасываютъ много камней. Тутъ костей съѣденнаго животнаго не сжигаютъ. Возвращаясь домой, сани или телѣгу

бросають на дорогѣ, поворотивъ передомъ по направленію къ костямъ (т. е. къ кладбищу). Если увезли на кладбище деревянную лопату, то разбивають её тамъ-же, возлѣ могилы. Прибывши къ юртѣ покойника, умываются. Какъ только увидятъ женщины, что мужчины уже ѣдутъ съ кладбища, на улицѣ передъ дверями ставятъ ведро воды. Послѣ того какъ умоется весь народъ, приносятъ то ведро женѣ умершаго. Жена умывается въ юртѣ. Послѣ того какъ народъ уѣдетъ на степь (т. е. кладбище) хоронить умершаго, какая-нибудь старуха или самая старшая женщина, не имѣющая родства, расплетаетъ косы женѣ умершаго и отрѣзываетъ ихъ какъ-разъ по-поламъ. Косы эти снова заплетаютъ черезъ 7 дней.—Когда умываются, берутъ воду изъ ведра и моются надъ землею. Ведро это не разбивають, а цѣлымъ бросають въ яму. Войдя въ юрту, народъ пьетъ вино и ѣстъ пищу. Одни уходятъ по домамъ, другіе остаются здѣсь. Оставшись, сидятъ 3 ночи подрядъ до разсвѣта, не спавши. Если кто заснѣтъ, то будятъ его, чтобы не пришла душа умершаго и не стала ходить по спящему.

Черезъ 3 дня устраивають п о м и н к и, не ѣздя на кладбище. На „старшей“ (верхней) сторонѣ юрты (югъ) ставятъ одну бутылку вина, ставятъ вмѣстѣ и чашку; пищу народу ставятъ тутъ-же, вмѣстѣ съ чашкою и ложками. Эти вещи ставятъ на столъ. Въ этотъ день собирается народа мало. Половину вина и пищи бросають на огонь, какъ жертву за покойника духу огня. Нѣкоторые жгутъ вино и мясо до 7 дней, а нѣкоторые—и дольше. Когда пройдетъ 3 дня, кто-нибудь ѣдетъ на степь и привозитъ оттуда телѣгу или сани, положивъ на нихъ мелкихъ дровъ.

Близкіе родственники не ѣдятъ 7 дней ни печени, ни осердія заколотыхъ животныхъ. По истеченіи 7 дней берутъ печень и осердіе и, мазнувши ими 3 раза себя противъ печени и осердія, бросають ихъ въ деревьямъ. Послѣ этого разрѣшаютъ ѣденіе того и другаго. Если не прошло полныхъ 7 дней и если кто-нибудь за это время поѣстъ печени или осер-

дія, то на томъ свѣтѣ у умершаго человѣка будетъ болѣть печень или осердіе. Выйдя изъ юрты, всѣ отправляются на кладбище. Ъдутъ теперь всѣ: и мужчины, и женщины; ѣдутъ, какъ придется: на саняхъ, на телѣгѣ или верхомъ. Приѣхавши на кладбище, раскладываютъ огонь. Потомъ собираютъ отовсюду куски мяса въ чашку, отрѣзавъ ихъ сверху; въ другую чашку собираютъ вина отъ всѣхъ присутствующихъ; собирая по каплямъ, наполняютъ чашку. Всѣ люди подходятъ затѣмъ къ камнямъ, находящимся на могилѣ, и каждый выливаетъ часть своего вина 3 раза и говоритъ; „Пей изъ этого вина! ѣшь изъ этой пищи! ѣсть тебѣ отъ этого назначено свыше“! Сказавши это, берутъ упомянутое по каплямъ собранное вино и по кускамъ собранное мясо и, отвнеся, кладутъ ихъ на камни. Затѣмъ весь народъ пьетъ вино и ѣстъ мясо. Принеся вино, стоящее въ чашкѣ на могилѣ, выливаютъ его на огонь; мясо тоже приносятъ оттуда и, 3 раза взявши горстями, бросаютъ его на огонь. Вино изъ чашки выливаютъ на огонь все, а оставшееся мясо раздаютъ по одному куску ближнимъ родственникамъ покойнаго. Выпивши вино и съѣвши мясо, всѣ возвращаются домой. Огонь раскладывается обыкновенно у начала могилы (т. е. на западѣ). Возвращаются всѣ опять въ юрту умершаго; возвратившись, снова пьютъ „крѣпчайшее изъ вина“ и ѣдятъ „лучшее изъ кушанья“. Потомъ расходятся всѣ. Пока не пройдетъ полныхъ 7 дней, изъ юрты покойника не выносятся ни одной вещи; если вынесутъ, то людямъ, оставшимся въ живыхъ, не будетъ счастья (счастье выносится изъ юрты вмѣстѣ съ вещью).

Поминки и бывають затѣмъ черезъ 20 дней. Тогда на кладбище не выѣзжаютъ, справляютъ поминки дома. Мясо кладется на огонь, туда-же льется и вино. Потомъ, попивъ вина и поѣвъ мяса, расходятся.

Также устраиваютъ поминки и черезъ 40 дней. Тогда выѣзжаютъ на кладбища. Поминки устраиваютъ такъ-же, какъ и черезъ 7 дней.

Послѣ этого устраиваютъ поминьи черезъ полугодіе, тѣмъ-же порядкомъ.

Когда придѣтъ черезъ годъ день смерти, устраиваютъ поминьи въ послѣдній разъ. Тогда собираются всѣ родственники. Приѣзжаютъ на кладбище, на которомъ, если умеръ мужъ, жена и, если умерла жена, мужъ—обходитъ могилу 3 раза по теченію солнца (востокъ — югъ — западъ—сѣверъ). Когда со дня смерти истекъ одинъ годъ, то оставшіяся въ живыхъ—мужъ или жена говоритъ: „Я тебя бросаю теперь!“ Въ древности мужъ умершей жены не женился въ теченіе этого времени, пока не прошло года, а жена умершаго мужа не выходила за-мужъ. Теперь до истеченія года одни женятся, а другія выходятъ за-мужъ.—Если умрѣтъ жена, то мужъ можетъ жениться только на ея младшей сестрѣ (пасты); братъ за-мужъ старшую сестру умершей жены не дозволяется, какъ не дозволяется ему и называть её по имени. Можно называть по имени свою тѣцу и своего тестя, но называть по имени старшую сестру умершей жены нельзя.—Если умрѣтъ мужъ, то жена его выходитъ за-мужъ за его старшаго брата (касты) не можетъ, но за младшаго можетъ.

Когда умретъ шаманъ, то кто-нибудь изъ людей, присутствующихъ при его погребеніи, беретъ его бубенъ и вѣшаетъ на дерево, разрѣзавши ножомъ тѣ части его кожи, на которыхъ есть рисунки, изображающіе небо, землю и подземное царство. Колотушки вставляютъ внутрь бубна.

II. Сагайцы.

(Минусин. окр. Енис. губ.).

Покойника, если онъ былъ взрослымъ, хоронятъ черезъ 1 или 2 дня: если-же онъ былъ маленькій, то хоронятъ въ тотъ-же день, рѣдко на другой. Могилу (инъ) копаютъ не глубже 1½, аршинъ. Покойника обмываютъ старухи въ день-же смерти на доскахъ. Эти доски или выбрасываются на степь, или сжигаются. Потомъ одѣваютъ покойника въ его платье

и надѣваютъ на него его собственную обувь, потому что въ загробной жизни все это будетъ ему нужно. Въ гробъ (комды) кладутъ также постель и подушки. Дно могилы устилается берестою. По правую руку кладутъ въ мѣшки или посудѣ пищу, табакъ, трубку, богатые кладутъ и деньги (50 в.—1 рубль). Покойника въ юртѣ кладутъ поперегъ, ногами на сѣверъ, головою на югъ и правымъ бокомъ къ дверямъ. Хоронятъ головою на западъ, а ногами на востокъ. Покойника изъ юрты выносятъ чужіе, приподнимая съ земли сначала голову. До кладбища (сѣтеръ) покойника везутъ на телѣгѣ или на саняхъ ногами въ коню. Ямщикъ сидитъ верхомъ на конѣ, везущемъ покойника, а прочіе ѣдутъ верхомъ. Родственники ѣдутъ иногда на телѣгѣ. Кладбище устраивается не ближе одной версты отъ улуса. Привезя покойника, копаютъ могилу и спускаютъ покойника въ нее. Не на долго открываютъ крышку гроба, чтобы покойникъ полюбовался еще дневнымъ свѣтомъ; затѣмъ закрываютъ крышку и зарываютъ могилу, оставивъ въ могилѣ всѣ предметы. Передъ окончательнымъ зарываніемъ пьютъ всѣ водку изъ одной бутылки и ставятъ ее по правую руку покойника въ могилѣ. Передъ опущеніемъ покойника въ могилу всѣ прощаются съ нимъ, цѣлуя ему ротъ и пупъ. Опустивъ покойника въ могилу, мужъ, жена или ближайшій родственникъ бросаетъ 3 горсти земли на покойника, послѣ чего его зарываютъ. Похоронивъ, всѣ усаживаются въ томъ-же порядкѣ, какъ сидѣли въ юртѣ, пьютъ водку, ѣдятъ мясо и ѣдутъ въ домъ покойника. Мясо варится дома. На могилѣ во время похоронъ огонь не зажигается никогда. Тотъ, кто отвозитъ покойника, не доѣзжая до улуса, бросаетъ телѣгу или сани, поворотивъ оглоблями по направленію къ могилѣ. Черезъ 3 дня телѣга и сани увозятся домой. Оставшіеся въ юртѣ женщины выставляютъ передъ дверями юрты ведро рѣчной воды. Возвратившіеся съ кладбища умываютъ руки и лицо и входятъ въ юрту. Тутъ варятъ и ѣдятъ мясо, а водку пьютъ по 1—2 чашки.

Шамановъ - покойниковъ часто несутъ на высокую гору, тамъ кладутъ шамана на землю, а возлѣ него ставятъ на полѣ бубенъ и шубу. Плохого шамана на гору не носятъ. Возлѣ такого шамана ставятъ въ землю палочку, на которую насаживается небольшая квадратная дощечка, обвѣшанная по угламъ ленточками синяго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ.

Родственники покойника не ломаютъ костей заколотога животного на 3 и 7 день. Печени и лёгкихъ они въ эти дни тоже не ѣдятъ. На 7-й день родственники покойника вынимаютъ изъ заколотога животного печень и легкія, смазываютъ ими себя противъ печени, бросаютъ ихъ къ дверямъ юрты, и съ этихъ поръ они разрѣшаютъ себѣ яденіе всего. Поминки устраиваютъ на 3 и 7 день. На 7-ой день выѣзжаютъ на кладбище и, поѣвъ тамъ мяса, кости сжигаютъ на огнѣ, разведенномъ у начала могилы. Водку пьютъ въ изобиліи; передъ началомъ питія чашка воды выливается на могилу.

Поминки (ибиригъ) справляются на 20 день, 40-ой день (большія поминки) и черезъ 1 годъ. Гробъ выдалбливается здѣсь преимущественно изъ толстаго тополя. Вытесываютъ его пѣлымъ народомъ. Богатые приглашаютъ иногда на похороны русскаго священника. Если умеръ мужъ, то жена, оплакивая его, говоритъ: „на кого ты покинулъ меня и дѣтей своихъ? злая смерть сразила тебя преждевременно! о я, одинокая и несчастная, какъ буду жить безъ тебя“? Если умершій не оставилъ жены и дѣтей, то имущество его дѣлится между родственниками, а за отсутствіемъ ихъ между единоплеменниками. Смерть покойника происходитъ отъ преслѣдованій подземнаго обитателя Айна. На могилу сверху накладывается куча камней, называемая кая (т. е. скала). Деревянные лопатки, которыми рыли могилу, домой не привозятся, а разбиваются тамъ-же у могилы о камень, желѣзные лопатки вслѣдствіе своей дороговизны привозятся обратно домой. Кладбище каждаго улуса находится на горѣ въ 2—2½, верстахъ. Огни, являющіеся на кладбищѣ послѣ похоронъ, суть огни, происходящіе отъ сгоранія души покойника передъ отправленіемъ

ея на небо въ обители Всевышняго Кудая и называется „ўзўть оды“, т. е. огонь покойника. Душа (сюнэ) добрая поднимается на небо, а злая остается подъ землею.

III. КАРГИНЦЫ.

(Мянусин. окр. Енис. губ.).

Могилу копають глубиною въ 1½—2 аршина. Покойника везуть головою по направленію къ владбищу. Въ могилу гробъ опускають посредствомъ веревокъ. Крещенаго владуть головою на востокъ, а некрещенаго головою на западъ. Рядомъ съ гробомъ въ могилу владуть мяса, ставятъ бутылку водки, владуть яицъ и калачей. Пуговицы съ рубахи всѣ срѣзываются и оставляются дома. Умершаго хоронятъ въ полномъ одѣяніи: въ рубахѣ, штанахъ, шубѣ, шапкѣ и сапогахъ. Прежде въ могилу клали также деньги и огниво. Если у умершаго не было родственниковъ, то отрѣзанныя пуговицы владутся въ гробъ. Если есть у него родня, то сѣдло коня, на которомъ умершій любилъ ѣздить, отдается роднѣ; въ противномъ случаѣ сѣдло владется рядомъ съ гробомъ. Коня беретъ человекъ, устраивающій поминки. Съ правой стороны погребеннаго, ближе къ головѣ, разводять огонь. Кости животныхъ, заколотыхъ на владбищѣ, бросаютъ въ огонь, ломать же ихъ не дозволяется. На огонь выливаютъ 3 чашки водки и выбрасываютъ 3 горсти мяса. Дѣлаютъ такъ для того, чтобы духъ огня доставилъ пищу и питье умершему, душа котораго въ это время спускается черезъ 3 слоя земли въ подземный міръ. Съѣвши мясо, всѣ обходятъ 3 раза по теченію солнца могилу и говорятъ: „Онъ ушелъ въ истинный міръ, а мы пойдемъ домой, къ своему народу“! Передъ тѣмъ какъ опускать гробъ въ могилу, одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ (отецъ, сынъ или братъ) подводитъ ко гробу коня, на которомъ ѣздилъ умершій, и 3 раза ударяетъ съ правой стороны гроба и говоритъ: „Ты уходишь въ истинный міръ!“ Этого коня уводитъ назадъ тотъ-же, кто приводилъ

его на кладбище. Похоронивъ умершаго, всѣ идутъ въ его юрту, гдѣ въ изобиліи ѣдятъ мясо и пьютъ водку. Приблизившись къ селенію, сани или телѣгу, на которыхъ отвозили умершаго на кладбище, оставляютъ въ степи и берутъ ихъ черезъ 1—1½ мѣсяца. Около саней или телѣги столько-же времени лежатъ заступы и лопаты. Сани и телѣгу оставляютъ въ полѣ передомъ по направленію къ кладбищу. Вернувшись въ юрту умершаго, выплескиваютъ 3 ложки водки къ переднему углу, на огонь и къ дверямъ. Въ переднемъ углу живетъ духъ—покровитель рода, въ огнѣ живетъ духъ огня, эти духи сопровождаютъ умершаго вплоть до царства Эрликъ-хана, а у дверей невидимо присутствуетъ домовый духъ (медвѣдь), защищающій юрту и дворы отъ мелкихъ злыхъ духовъ: горь, лѣсовъ и воды.

Поминки по всякомъ человѣкѣ справляютъ: 1) черезъ 3, 7, 20, 40 дней; 2) весною, во время перваго кукованія вѣщей птицы—кукушки, которая сопровождаетъ шамана во время полетовъ по поднесенію и извѣщаетъ его о приближеніи злыхъ духовъ; 3) безъ 2 дней черезъ годъ и черезъ 2 года. Поминки состоятъ въ перечисленіи добрыхъ дѣлъ умершаго, обильномъ яденіи мяса и обильномъ распиваніи водки. Браки прежде не заключались до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ съ дня похоронъ 2 лѣтъ, теперь они заключаются даже черезъ 5—6 мѣсяцевъ.

Лѣтъ 50—60 тому назадъ это племя хоронило своихъ дѣтей такъ. Завертывали умершаго ребенка изнутри въ кочму, снаружи въ бересту и потомъ привязывали къ дереву. Иногда клали его въ дупло, а сверху закрывали древесною корою. Взрослыхъ хоронили прежде такъ же, какъ хоронятъ теперь своихъ покойниковъ Бельтиры и Калары.

IV. Калары.

(Мирусин. окр. Енис. губ.).

Умершаго шамана дома держать не долѣе сутокъ. Пова тѣло его находится еще въ юртѣ, ѣдятъ мясо и пьютъ водку

какъ родственники его, такъ и всѣ живущіе въ одномъ съ нимъ селеніи. Гробъ выдалбливаютъ изъ лиственницы или сосны. Въ прежнее время ставили въ степи 4 столба, которые соединялись перекладинами. На перекладыны набрасывали древесныхъ вѣтвей, а сверху вѣтвей ставили гробъ. Теперь такъ хоронятъ только наиболѣе почтенныхъ стариковъ. Умершую шаманщигу обмываютъ по христіанскому обряду женщины, а шамана мужчины. Доску, на которой обмывали умершаго, сжигаютъ передъ дверями юрты, т. е. съ ея восточной стороны. Гробъ дѣлаютъ тотчасъ послѣ смерти человѣка. Въ дѣланіи его участвуютъ всѣ до одного мужчины. Топоры кладутся въ гробъ и вынимаются оттуда тогда, когда надо класть умершаго. Гробъ везутъ на кладбище лѣтомъ на телѣгахъ, а зимою на саяхъ. Одинъ человѣкъ сидитъ верхомъ на конѣ, везущемъ гробъ, а остальные идутъ всѣ пѣшкомъ. Дѣлавшіе гробъ никакой платы не получаютъ. Умершаго человѣка, шамана или простаго человѣка, кладутъ въ юртѣ на южной сторонѣ, а женщину на сѣверной сторонѣ. Какъ только принесенъ гробъ, сейчасъ-же кладутъ въ него повойника ногами къ дверямъ, т. е. на востокъ, головою къ переднему углу, т. е. на западъ, а выносятъ наоборотъ. Подъ умершаго подстилаютъ что-нибудь бѣлое—матерію или вочму. Передъ тѣмъ какъ выносить умершаго шамана, какой-нибудь шаманъ, разрѣзываетъ кожу, которою былъ обтянутъ бубенъ, ударивши предварительно по бубну 3 раза колотушкою. Разбивши бубенъ, шаманъ говоритъ народу: „онъ умеръ, исполняя призывъ Эрлигъ-хана“! Тотъ-же шаманъ беретъ бубенъ и колотушку и несетъ ихъ вслѣдъ за народомъ на кладбище. При погребеніи шамана на кладбище идутъ только мужчины, а при погребеніи простаго человѣка идутъ и мужчины, и женщины. Кладбище отъ селенія находится въ 1—3 верстахъ.

На кладбище не пускаютъ собакъ; свистѣть на кладбищѣ тоже не слѣдуетъ. Хоронятъ умершаго въ первый же день, если онъ умеръ утромъ; или хоронятъ на другой день, если умеръ днемъ или вечеромъ. Въ теченіе 3 дней послѣ погребен-

ніа умершаго домашніе не спятъ, а проводятъ время въ бодромъ состояніи, сказывая сказки, распивая водку и ѣдя мясо. Кто въ первые 3 дня заснетъ или задремлетъ, того задавить душа умершаго.

По смерти шамана разрѣзываютъ кожу, которою обтянутъ его бубень, и вѣшаютъ бубень съ колотушкою внутри и съ костюмомъ шамана на березу. Ленты, висяція на колотушкѣ, всѣ отрываются и кладутся внутри бубна.

У. К А Р А Г А С Ы.

(Нижнеудин. окр. Иркут. губ.).

Если умереть человѣкъ, то его кладутъ на кочму или шкуру головою къ двери, т. е. къ восходу солнца, а ногами въ переднему углу. Хоронятъ по христіанскому обычаю на третій день, головою на западъ. Шаманъ при погребеніи не шаманитъ. Покойника хоронятъ въ шапкѣ, шубѣ, штанахъ и обуви. Душа умершаго спускается черезъ 3 слоя земли къ Эрликъ-хану и превращается въ эрлика. Гробъ дѣлаютъ внутри могилы, пока покойникъ лежитъ еще дома. Сверху могилы кампей не кладутъ. Черезъ 3 слоя земли душа проходитъ только въ 3 года.

Умершаго человѣка лѣтомъ закапываютъ въ землю, вырывъ могилу глубиною до плечъ человѣка. Зимой кладутъ покойника непосредственно на землю, построивъ вокругъ него подобіе ящика съ крышкою. У ногъ умершаго кладутъ: ножикъ, топоръ, чашку чайную, горшокъ, чай, табакъ и сѣдло, ставятъ бутылку воды, денегъ не кладутъ. Покойника кладутъ головою на востокъ, а ногами на западъ.

Гробъ шамана, какъ и простаго человѣка, выдалбливаютъ изъ дерева: сосны или лиственницы. Сверху закрываютъ крышкою. Кладутъ его головою на западъ. Возлѣ его могилы вѣсятъ на дерево полный шаманскій костюмъ съ бубномъ и колотушкою.

V I. У Р Я Н Х А Й Ц Ы .

(На Улугъ-хемъ).

Урянхайцы-ламаиты говорятъ, что душа умершаго хорошаго человѣка улетаеъ въ землю Бога, на небо, а душа худаго человѣка въ землю Эрликъ-хана. Урянхайцы, какъ ламаиты, такъ и шаманисты, не хороняъ своихъ покойниковъ, а кладутъ ихъ на поверхности земли. Душа умершаго хорошаго человѣка, прилетѣвши къ Богу, перерождается тамъ и дѣлается чистою черезъ 49 дней, а душа худаго человѣка остается въ распоряженіи Эрликъ-хана, сдѣлавшись его слугою, т. е. младшимъ эрликомъ. Хорошая-ли душа, или худая, опредѣляютъ обыкновенно по книгамъ ламы. Земля имѣетъ 3 слоя. Небесъ 33, отдѣленій ада 18, эрликовъ старшихъ тоже 18, а младшихъ несмѣтное количество. Душа шамана, по словамъ ламъ, ни на небѣ, ни подъ землею не принимается: она живетъ то въ камняхъ, то въ деревьяхъ. Урянхайцы шаманисты, подобно Бельтирамъ, Каргинцамъ и Каларамъ говорятъ, что душа шамана, какъ и всякаго другаго человѣка, спускается черезъ 3 слоя земли и приходитъ въ землю Эрликъ-хана, освѣщенную своимъ солнцемъ и своею луною и населенную своими людьми.

(Чернаго Иртыша).

Урянхайцы, кочующіе въ Сѣверной Монголіи по Черному Иртышу, дѣлаютъ изъ древесныхъ вѣтвей подобіе стола и кладутъ на него покойника. Если покойникъ пользовался уваженіемъ народа, то возлѣ него ставится его изображеніе, вытесанное изъ камня или вырѣзанное изъ дерева. Подлѣ покойника кладутся вещи, употреблявшіяся въ этомъ мірѣ.

(На Хуа-хемъ).

Мертвыхъ увозятъ въ степь. Умершихъ отпѣвають монгольскіе ламы: сначала въ юртѣ, а потомъ въ степи. Въ степи покойника кладутъ или прямо на землю, или на полатахъ,

устроенныхъ на сучьяхъ. Такихъ покойниковъ сѣдаютъ волки, собаки и хищныя птицы. Ламъ сжигаютъ, а чиновниковъ хоронятъ въ такихъ мѣстахъ, куда не проникаютъ домашнія животныя.

(Округа Тарбагатай)

По происхожденію они раздѣляются на три кости: черную кость (простые люди), среднюю кость (богачи и чиновники) и бѣлую кость (духовенство и праведники). Простолодиновъ бросаютъ на степи; людей бѣлой кости предають сожженію; людей средней кости погребаютъ, если рѣшить хелинъ (священникъ); въ противномъ случаѣ бросаютъ на степи, какъ и людей черной кости.

Если умираетъ лама, то духовенство, отовсюду собравшеся, обладываетъ его ватою, обливаетъ коноплянымъ масломъ и передаетъ сожженію. Жгутъ вообще только наиболѣе чтимыхъ. Потомъ собираютъ пепель отъ сожженнаго трупа великаго ламы и, смѣшавши съ водою, дѣлаютъ изъ него тѣсто, которое вмѣшивается въ глину, разведенную для лѣпки какого-нибудь идола (б у р х а н ъ). Калмыки и Урянхайцы говорятъ, что покойникъ, преданный здѣсь сожженію, на томъ свѣтѣ будетъ чистымъ, святымъ.

Простыхъ людей (чѣрную кость) бросаютъ на степи, подставивши подъ нихъ худенькій войлокъ. Подъ голову умершаго простолодина кладутъ сѣдло, въ руку-трубку, на самого надѣваютъ (зимомъ) шубу, у головы иногда привязываютъ коня. Урянхайцы и Калмыки думаютъ, что всё эти вещи понадобятся умершему на томъ свѣтѣ, гдѣ будетъ продолженіе здѣшней жизни. Случалось, что Киргизы уводили коней, привязанныхъ около головы покойника. Если у покойника пѣтъ жены, и дѣтей, то всё его имущество переходитъ въ полную собственность ближайшаго монастыря или ламъ.

Похороны людей средней кости происходятъ почти такъ же, какъ и людей чѣрной кости, только съ тою разницею,

что первыхъ владутъ въ могилу, а вторыхъ на поверхности земли.

У головы покойника разводятъ огонь и жгутъ бумагу. Покойника обливаютъ коноплянымъ масломъ, чтобы собаки съѣли его скорѣе обыкновеннаго. Чѣмъ скорѣе собаки съѣдятъ покойника, тѣмъ болѣе радуется родня. При похоронахъ пьютъ водку и плачутъ. Возвратившись домой, старшій въ юртѣ брызжетъ пальцами нѣсколько капель водки на идола, стоящаго въ переднемъ углу, на огонь, направо и налѣво, и потомъ всѣ начинаютъ пить водку, поминая покойника.

VII. КИТАЙСКІЕ КАЗАКЪ - КИРГИЗЫ.

(Округъ Тарбагатай).

Описываемые здѣсь погребальныя обряды справляются у богатыхъ по отношенію къ умершему хозяину юрты и по отношенію къ наиболѣе уважаемымъ членамъ семьи.

Если умеръ мужчина, то поминовеніе дѣлаютъ при конѣ; если умерла женщина, — при верблюдѣ. Послѣ того, какъ умрѣтъ, моютъ. Тѣмъ людямъ, которые обмывали, черезъ семь дней даютъ одежду умершаго человѣка: женщинамъ одежду умершей женщины, мужчинамъ одежду умершаго мужчины. Въ то время, когда выносятъ, даютъ умершему отпущеніе: мулла читаетъ Коранъ и снимаетъ всѣ грѣхи. Муллѣ даютъ 9 „вара“; слово „вара“ знач. скотъ; даютъ и пшеницы. Причитанія по умершемъ мужчина не произносятъ, а произносятъ дома женщина, когда выносятъ кости (т. е. покойника); посторонній человѣкъ причитаній не произноситъ, произноситъ близкій. Народу даютъ пищу: въ 7-ой день, 20-ый, 40-ой, черезъ годъ. Передъ раздаваніемъ пищи, мулла прочитываетъ Коранъ, прося отпущенія грѣховъ умершему. Когда умрѣтъ мужчина, ставятъ висою у передняго угла юрты сѣдло. Халатъ и одежды умершаго прицѣпляютъ къ луку сѣдла, прицѣпляютъ одежду за воротникъ, прицѣпляютъ, если есть, и поясъ; на переднюю луку сѣдла, на воротникъ одежды, надѣваютъ шапку. По жен-

щинѣ дѣлаютъ это въ теченіе 40 дней, если только она была хорошая. Если умрётъ юноша, то въ копьё на подобіе знамени привязываютъ красную ленту. Древко копья стоитъ въ юртѣ, у передняго угла; конецъ копья съ лентою высовывается надъ юртою. Раздавши одежду, на седьмой день отрѣзываютъ хвостъ лучшему коню, на которомъ покойный ѣздилъ. Такого коня называютъ овдовѣвшимъ (лишившимся хозяина). Отрѣзанное бросаютъ на степи. Въ продолженіе 40 дней зажигаютъ свѣтильникъ, въ переднемъ углу у огня. Если есть хозяйка, то зажигаетъ она; если ея нѣтъ, то зажигаетъ дочь ея. Когда пройдетъ одинъ годъ и разоидется, поѣвши пищу, народъ, одинъ хорошій мужчина ломаетъ копьё. Хозяйка и дочь ея обнимаютъ копьё и, плача, не выпускаютъ. Мужчина выдѣргиваетъ у нихъ копьё и ломаетъ. Разводятъ большой огонь, и бросаютъ въ огонь копьё и знамя. Человѣку, сломавшему копьё, хозяйка юрты даритъ новый халатъ. Въ день смерти жена надѣваетъ чѣрную одежду, а дочь надѣваетъ бѣлую одежду и красную шапку. Обѣ не открываютъ лица передъ людьми. Туда, гдѣ хоронятъ, женщины не ѣздятъ; если и ѣздить въ праздникъ, то заставляютъ муллу читать Коранъ. Пока не исполнится годъ, ни хозяйка, ни дочь не ходятъ на пиры. Послѣ того какъ умрётъ кто-нибудь, домашніе въ теченіе 3 дней не ѣдятъ своей пищи,—чай и мясо приносятъ сосѣди. И хозяйкѣ, и дочери ея въ день похоронъ посторонняя женщина расплетаетъ волосы. На седьмой день заплетаетъ снова та женщина, которая расплетала. Жена младшаго брата покойника расплетаетъ у себя половину волосъ, расплетаетъ именно концы; по серединѣ перевязываетъ. При перекочевкѣ къ хвосту коня привязываютъ красный лоскутокъ; на спину кладутъ задомъ напередъ сѣдло; сѣдло покрываютъ халатомъ; на воротникъ надѣваютъ шапку. Ружьё и саблю умершаго кладутъ на верхъ сѣдла и привязываютъ. Этого коня ведётъ за поводъ хозяйка; если ея нѣтъ, то ведётъ дочь, пока не достигнетъ мѣста новаго жилища. Если умрётъ женщина, то сѣдло кладутъ на спину верблюда; сѣдло покрываютъ сверху одеждою и платкомъ. Этого

верблюда ведётъ за поводъ, если есть дочь, дочь или, если есть невѣстка, то ведётъ невѣстка. Если жѣнщина, ведущая за поводъ, станетъ причитать по умершемъ, то ея коня ведётъ за поводъ другая жѣнщина. Если станетъ причитать и рыдать жѣнщина, ведущая верблюда, то и ея коня ведётъ другая жѣнщина. Когда устраиваютъ бѣга, то призы отдають въ юрту умершаго человѣка, хотя-бы онъ и не былъ родственникомъ, былъ-бы только изъ одного улуса. Когда исполнится годъ, дають народу пищу; сзываютъ чрезвычайно много народа. Нѣкоторые богачи приглашаютъ людей изъ нѣсколькихъ областей. Созвавши, дають пищу и устраиваютъ призы бѣговъ. Тому коню, который прибѣжитъ первымъ, жертвуютъ 300 коней, жертвуютъ и 300 коровъ. Людей, пріѣхавшихъ изъ другой земли, ожидаютъ люди одной волости съ покойникомъ, и прислуживаютъ имъ. Въ теченіе одного года жена и дочь плачутъ и причитають каждый день. Когда исполнится годъ, закалываютъ для пищи хорошаго коня, на которомъ ѣздилъ умершій; близкій человѣкъ ѣстъ только задъ и шею, всё остальное онъ самъ не ѣстъ, а отдаётъ народу. Мулла читаетъ Коранъ дома въ 7-ой, 20-ый, 40-ой день и черезъ годъ; на кладбищѣ не читаетъ. Въ день смерти жена расцарапываетъ у себя лицо, расцарапываетъ и дочь, такъ что по лицу течётъ кровь. Похоронивши, близкіе родственники рыдаютъ и, говоря: „о другъ мой!“ (с о б. печень моя), пускають коней въ махъ и возвращаются, нѣкоторые даже падаютъ съ коней; похоронивши умершаго человѣка, они ѣдутъ къ жѣнѣ и дѣтямъ его. Сватъ умершаго человѣка, услышавши объ его смерти, наполняетъ кожаную кадку кумысомъ, потомъ пріѣзжаетъ къ юртѣ умершаго человѣка со всѣми родственниками и доставляетъ всего по девяти: кумысу, верблюдовъ, коней и бобровъ. Все это Киргизы называютъ подарками соболъзнованія. Какъ только увидятъ, что ѣдетъ сватъ, жена и дочь умершаго человѣка плачутъ и причитають, пока сватъ не войдѣтъ въ юрту. Послѣ этого мулла читаетъ Коранъ. Мулла велитъ оставить причитаніе. Пріѣхавшій сватъ устраиваетъ конскіе бѣга и призы отдаётъ въ юрту

умершаго человѣка. Въ тотъ день, когда устраиваютъ поминки, не ломаютъ костей убитыхъ и заколотыхъ животныхъ. Кости съ мозгомъ и мясомъ отдають тѣмъ, кто привѣзъ кумысу; за каждую кожанную ваду дають одну кость съ мозгомъ. Получивши кость, ся не ломають. Костей въ огонь не бросаютъ. Пока не исполнится годъ, близкіе родственники не выдають взрослыхъ дочерей за-мужъ. Жена и дочь умершаго человѣка въ продолженіе года выходятъ на улицу съ закрытымъ лицомъ и работы не дѣлають. Ихъ работу исполняетъ близкая родня. Люди, поздно услышавшіе, приѣзжаютъ и велятъ муллѣ каждый четвергъ читать Коранъ. Мулла покрываетъ „шельпекъ“ скатертью и читаетъ надъ нимъ Коранъ. Каждый четвергъ ѣдятъ этотъ „шельпекъ“ всѣ люди, находящіеся въ юртѣ. „Шельпекъ“ дѣлають изъ муки; мѣшаютъ съ масломъ тѣсто, раскатываютъ его и разрѣзываютъ на части, величиною не болѣе четверти.

Послѣ того, какъ исполнится годъ, всѣ надѣвають одежды какъ слѣдуетъ. Если хочется выйти за-мужъ, то ни жена, ни дочь не идутъ за-мужъ, пока не исполнится годъ. Если человѣкъ умрѣтъ, то его обматываютъ въ длинную, новую, бѣлую матерію; мужчину обматываютъ три раза, женщину пять разъ. Умершаго человѣка въ гробъ не кладутъ. Матерію, которою обматываютъ, называютъ „акыратъ“ (саванъ). Её привозятъ изъ Ташкента и Бухары. Чалму муллъ и саванъ умершаго человѣка дѣлають изъ одинаковой бѣлой матеріи. Людямъ, копавшимъ могилу, дають деньги; муллѣ дають одну овцу, называя её милостынею могилы. Одежду покойника отдають мыть. Пока не наступитъ время появленія звѣздъ, мытая одежда висятъ на улицѣ. Умершаго человѣка кладутъ лицомъ на югъ. Покойника кладутъ на верблюда и везутъ; если близко, несутъ на рукахъ. Съ боковъ подвязываютъ ящики, а сверху разстилають рѣшетку юрты, на эту рѣшетку и кладутъ умершаго. Если моють, то не прикасаются къ трупу голыми руками. Люди, которые моють, дѣлають изъ бязи рукавицы и надѣвають ихъ на руки. Воду льютъ на трупъ севозъ бязь

дабу. Бязь берётъ себѣ человѣкъ, который мылъ. Послѣ того какъ кончилось отпѣваніе, мулла говоритъ народу: „хорошѣ ли этотъ человѣкъ“? Народъ отвѣчаетъ: „онъ—хорошій человѣкъ“! Кто услышитъ о смерти этого человѣка, тотъ творить за него молитву, произнося: „Алла́ ѓкперъ!“ (великъ Богъ). На конѣ умершаго человѣка въ теченіе года не ѣздитъ ни одинъ человѣкъ.

Поминки справляются по всякомъ покойникѣ въ седьмой, двадцатый, сороковой и годовой день. Поминки состоятъ изъ чтенія положенныхъ на этотъ случай суръ (главъ) Корана и изъ яденія пищи, въ изобиліи раздаваемой народу.

VIII. ВОСТОЧНЫЕ КИТАЙСКІЕ ТАТАРЫ.

(Округа Хами и Баркуль).

Когда умереть какой-нибудь бекъ (князь, дворянинъ), то его домашніе даютъ своимъ слугамъ для раздачи народу, мужчинѣ на полный халатъ, а женщинѣ на полное платье, матерію разнаго цвѣта бѣлаго, краснаго, зеленаго и синяго. Потомъ даютъ за поминавленіе серебро: главнымъ мулламъ по 10 сѣровъ (20 руб.), а прочимъ по 5, 6—9 сѣровъ (10, 12—18 руб.).—Умершаго моютъ—мужчину мужчины, а женщину женщины, обмывши, даютъ водѣ стечь и затѣмъ завертываютъ трупъ въ саванъ. Тѣмъ временемъ одинъ мулла всходитъ на крышу дома къ трубѣ, т. е. къ дымнику, и читаетъ Коранъ. Этому муллѣ въ видѣ платы за чтеніе Корана даютъ 9 разныхъ чашекъ по 9 штукъ и 1 скатерть. Когда покойникъ отнесенъ на кладбище, но еще не опущенъ въ могилу, отъ дома вплоть до могилы раскладываютъ сырое мясо: лошадей, быковъ и овецъ. Народъ беретъ это мясо и уноситъ къ себѣ домой. Стоя у могилы, разрываютъ на части всякаго рода матерію и завертываютъ въ нихъ по 40—50 шт. мѣдныхъ денегъ (5—10 коп.); потомъ эти деньги кладутъ въ мѣшечки и, описавши этими мѣшечками кругъ надъ головою умершаго, бросаютъ ихъ народу. Пока несутъ покойника изъ

дому до кладбища, разбрасываютъ народу мѣдными деньгами, которыя тоже находятся въ мѣшечкахъ; мѣшечки эти лежатъ на верблюдѣ. Прибывши на кладбище, весь народъ молится за умершаго подъ руководствомъ главнаго муллы, которому за эту молитву даютъ: лошадь съ уздою и сѣдломъ, экземпляръ Корана, ружье и 9 узловъ разныхъ матерій на платье. Покойника хоронятъ, когда только придется, однимъ словомъ, въ теченіе первыхъ 3 дней послѣ смерти. Умершаго, будь онъ мужчина или женщина, выносятъ всегда мужчины, положивъ его въ ящикъ съ открытою крышкою. Хоронить покойника, какъ мужчину, такъ и женщину, ходятъ одни мужчины. Изъ дому выносятъ сначала ноги, а потомъ голову, на кладбище же несутъ впередъ головою. Покойника вкладываютъ безъ гроба въ углубленіе, вырытое съ боку могилы, а не кладутъ въ самую могилу. На умершаго бросаетъ ближайшій его родственникъ, напр. сынъ или кто-нибудь другой, 7 лопать земли; затѣмъ бросаетъ землю остальной народъ. Затѣмъ всѣ повенногу читаютъ Коранъ и расходятся по домамъ, а передъ самыми сумерками приходятъ на кладбище и молятся за умершаго. Такъ молятся въ теченіе 7 вечеровъ, потомъ въ теченіе 40 дней молятся у ногъ умершаго каждое утро, передъ самымъ восходомъ солнца. Какъ въ самую могилу, такъ и подлѣ нея не кладутъ никакихъ вещей. Надъ могилою возвышаютъ или деревянный срубъ, или глиняную гробницу. Богатые беки нанимаютъ читать Коранъ у ногъ умершаго на цѣлый годъ. Такому чтецу платятъ по 5—10 серовъ (10—20 рублей) въ мѣсяцъ. Народъ кормятъ пищею нѣкоторые цѣлый годъ, а нѣкоторые 7 дней. Водка не подается. Вдова не выходитъ замужъ раньше 4 мѣсяцевъ 10 дней, а вдовецъ женится когда захочетъ. Траурное платье и траурный халатъ—всегда бѣлые.

Когда умретъ какой-нибудь богачъ изъ простаго сословія, то за поминаеніе даютъ всего 100—200 серовъ (200—400 рублей), изъ которыхъ 50—100 серовъ (100—200 руб.) берутъ себѣ двое судей, а остальные дѣлятъ между собою муллы и народъ. Покойниковъ простаго сословія выно-

сять, хоронять и поминають тѣмъ-же порядкомъ, какъ и покойниковъ княжескаго и дворянскаго происхожденія, съ небольшою только разницею. Мулла, читавшій Коранъ на крышѣ, получаетъ: пару большихъ чайныхъ чашекъ, пару малыхъ чайныхъ чашекъ, пару самыхъ маленькихъ и одну сватерть, всего 7 вещей. Похоронивши покойника, съ 4 угловъ могилы садятся 4 младшихъ муллы и читають Коранъ, а у бековъ читають Коранъ старшіе муллы. За чтеніе Корана каждый мулла получаетъ: халатъ, шубу, длинную нижнюю рубаху, кушакъ и шапку, получаетъ именно такія принадлежности одежды, какія носилъ умершій, только новыя. Пришедши въ домъ умершаго, 2—3 муллы снова читають Коранъ, въ чемъ и состоитъ поминовеніе. Читають Коранъ эти муллы съ 7-го до 40-го дня послѣ смерти, за что получаютъ по 5—10 серовъ (10—20 руб.) въ мѣсяцъ. Имущество простолюдина, не имѣющаго родни, переходитъ въ собственность казны. Вдова можетъ выйти замужъ не ранѣе 4 мѣсяцевъ 10 дней, а вдовецъ можетъ жениться когда угодно. Сыновья умершаго князя, дворянина или простолюдина не могутъ жениться, а дочери выходить замужъ раньше 40 дней.

Бѣдныхъ хоронять на общій счетъ. Муллы за чтеніе Корана не получаютъ ничего. Домъ или садъ, принадлежавшіе бѣдняку, который не имѣлъ родни, отбираются въ казну. Поминовеніе всѣмъ народомъ совершается вообще на 3-ій, 7-ой, 20-ый, 40-вой день и черезъ годъ.

ІХ. Западные Китайскіе Татары.

(Округа Кашгаръ, Аксу, Турфанъ и Пичанъ).

Погребеніе умершаго мужчины.

Если умереть человѣкъ мужскаго пола, то, прежде всего перевязывая бѣлымъ платкомъ подбородокъ и голову, соединяють ихъ вмѣстѣ. Связываютъ вмѣстѣ 2 ножные пальца. Такъ поступаютъ со своими покойниками и восточные Китайскіе

Татары. Покойника, какъ и у Хамійскихъ татаръ, кладутъ въ домѣ ногами на западъ. Потомъ родственники жертвуютъ за чтеніе Корана по покойникѣ: одинъ свертокъ чалмы на голову, одну рубаху, одни штаны, одинъ кушакъ и одинъ халатъ. Богатые жертвуютъ еще одного коня.

Бѣдные родственники жертвуютъ такимъ образомъ. У дымника избы умершаго кладутъ одинъ экземпляръ одежды съ ногъ до головы, одно блюдо съ ложкою, одну чайную чашку и, присоединивши къ нимъ въ блюдѣ одинъ шинъ (3 джипа = 4—5 фунт.) пшеницы, ставятъ все это у дымника. Человѣкъ, взобравшійся къ дымнику и называемый „хатипъ“ (чтець), читаетъ семь разъ 36 главу Корана Ясипъ и, прочитавши молитву за покойника, беретъ упомянутыя вещи. Что касается молитвы, то самый старшій мулла мѣстности со всѣми общественниками, сотворивши объ усопшемъ молитву съ тремя поклоненіями, читаетъ этому покойнику благословеніе. Одеждою, въ которую одѣваютъ этого покойника, служитъ семь разъ обмотанный саванъ. Потомъ крѣпко перевязываютъ голову и ноги этого покойника. Затѣмъ, если собравшееся общество уже готово, то родственники этого покойника, начиная съ того утра, на бануи котораго умеръ покойникъ, и кончая вечеромъ, пока не исполнится одинъ день, стоятъ передъ дверями и плачутъ, говоря: „о отецъ мой!“, если умеръ отецъ, и „о мать моя!“, если умерла мать. Когда этотъ покойникъ приготовленъ, то, обмотавши его въ кочму, мужчины поднимаютъ его и выносятъ изъ избы; потомъ кладутъ на носилки (джиназа). Носилками называется подобіе ящика, въ который кладется покойникъ. Потомъ всѣ прихожане, которые собрались къ этому покойнику, подходятъ къ нему и молятся. Затѣмъ подошедшіе мужчины берутъ этого покойника и, нигдѣ не останавливаясь, несутъ къ могилѣ и кладутъ подлѣ могилы. Въ то время, когда нужно положить покойника на кладбищѣ, произносятъ прежде всего стихи, называемые „джугапъ-намэ“ (запись съ отвѣтами), и пригвозждаютъ ихъ къ юго-западной стѣнѣ (могилы). Потомъ три—четыре человѣка поднимаютъ этого покойника и вносятъ

внутри выкопаннаго мѣста. Положивши его головою на сѣверную сторону, ногами кладуть на южную сторону. Потомъ развязываютъ саванъ, въ который одѣтъ этотъ покойникъ, и открываютъ его съ головы до ногъ. Затѣмъ люди, которые опускали покойника, говорятъ: „мы поручаемъ тебя Богу Всевышнему!“, и, возвращаясь, запираютъ крѣпко дверь могилы кирпичемъ сырцевымъ. Покойникъ владется обыкновенно не на днѣ самой могилы, а владется въ одинъ изъ ся боковъ, который вырывается на подобіе слепа и запирается кирпичемъ. Потомъ одинъ изъ родственниковъ беретъ въ руку лопату и этою лопатою бросаетъ семь разъ землю въ отверстіе могилы. Затѣмъ одинъ мулла подходитъ къ отверстию могилы и, сѣвши тутъ, говорить: „Эй усопшій, отецъ у Васъ тотъ-то, мать у Васъ та-то! Вы сами тотъ-то! Если я спрошу: „Кто твой Господь!“, то Вы, конечно, скажете, что Господь Вашъ Богъ Единый! Если я спрошу: „Кто твой пророкъ?“, то Вы, конечно, скажете, что пророкъ Вашъ есть посланникъ Божій (т. е. Мухаммедъ)! Если я скажу: „Какая у тебя религія?“, то Вы, конечно, скажете, что религія Ваша есть исламъ (покорность Богу)! Если я спрошу: „Къ какой сторонѣ ты обращаешься во время молитвы?“, то Вы, конечно, скажете, что во время молитвы обращаетесь къ храму Каабѣ! Если я спрошу: „Кто твой наставникъ?“, то Вы, конечно, скажете, что наставникъ Вашъ есть Коранъ, что проповѣдникъ Вашъ есть избранникъ Божій (да благословитъ его Богъ Единый и да привѣтствуетъ!), что Творецъ Вашъ есть Богъ Всевышній! Потомъ этотъ мулла, прочитавши за покойника исповѣданіе вѣры, отходитъ отъ отверстія могилы. Затѣмъ упомянутые люди, наполнивши эту могилу до-верху землею, возвращаются къ себѣ домой. Послѣ этого два—три муллы, сидя у головы этого покойника, въ теченіе семи дней сидятъ и читаютъ Коранъ. По прошествіи семи дней родственники умершаго колютъ скотъ и, пригласивши людей, приходившихъ молиться за покойника, угощаютъ ихъ; оставшіеся въ его домѣ, пока со дня смерти не исполнится 40 дней, каждое утро по семи человекъ читаютъ по адресу покойника благословеніе,

произнося его по два раза. По истеченіи 40 дней, опять колютъ скоть и даютъ народу пищу въ теченіе одного дня. Потомъ, когда исполнится одинъ годъ, родственники этого покойника, собравшись въ одно мѣсто, въ день смерти покойника устраиваютъ „крѣпкое оплакиваніе“ и еще одинъ день даютъ пищу мужчинамъ. Затѣмъ эта родня говоритъ: „теперь мы проводили (умершаго)!“ и расходится по домамъ.

Погребеніе умершей женщины.

Если умретъ человѣкъ женскаго пола, то прежде чтенія молитвы пришедшими хозяинъ дома обходитъ собравшихся съ улицы женщинъ и раздаетъ имъ три бумажки иголокъ, по двѣ—три штуки каждой, такъ какъ умершая женщина въ теченіе своей жизни много употребляла иголки. Если умершая осталась кому-нибудь должна, то раздаютъ эти иголки женщинамъ, говоря: „да не останутся (долги умершей) на ея шеѣ!“ Если умретъ женщина, то моютъ ее женщины; если умретъ мужчина, то моютъ его мужчины. Остальные обычаи (погребеніе женщины) — сходны всѣ съ обычаями погребенія мужчины. Если умретъ и женщина, на могилу ходятъ одни мужчины, а женщины остаются дома и плачутъ. Когда умретъ женщина, даютъ народу пищу: въ первый разъ черезъ три дня, потомъ черезъ семь дней, черезъ сорокъ дней и черезъ годъ. Эту пищу даютъ одинаково какъ по смерти мужчины, такъ и по смерти женщины, съ тою только разницею, что по смерти мужчины пищи черезъ три дня не даютъ. Во время раздачи пищи не бываетъ ни конскихъ бѣговъ, ни бsrьбы у молодыхъ людей.

Если умершій человѣкъ, мужчина или женщина, былъ богатый, то выносятъ во одно время съ выносомъ покойника одинъ ящикъ аршиннаго товару и, разорвавши весь товаръ на отдѣльные платки, раздаютъ ихъ людямъ, шедшимъ за покойникомъ; раздаютъ ихъ до возвращенія домой, пока не похоронятъ покойника и пока мулла не дочитаетъ своей молитвы. Въ другіе дни платковъ не раздаютъ.—Если умретъ бѣдный, и

если нѣтъ у него никакого добра, то выкупаютъ 5—6 или 10 джинь (7—13 фунт.) фруктовъ и раздаютъ ихъ по одной горсти мужчинамъ.

Когда-бы человѣкъ ни умеръ, утромъ, или предыдущею ночью, хоронятъ его въ наступающій день передъ закатомъ солнца; если не все готово, то покойникъ пробудетъ дома еще одну ночь. Если умереть женщина, то мужъ ея не можетъ жениться раньше четырехъ мѣсяцевъ со дня ея смерти; если умереть мужчина, то жена его не можетъ выйти замужъ раньше семи мѣсяцевъ. Если мужъ хочетъ жениться раньше четырехъ мѣсяцевъ и женщина хочетъ выйти замужъ раньше семи мѣсяцевъ, то женщина беретъ одинъ кувшинъ воды и, придя къ могилѣ покойника, паливаетъ на землю (на голову похороненнаго) воду; и мужчина, если умерла его жена, наливаетъ воду такимъ-же образомъ на голову похороненной жены. Старшему брату жениться на женѣ младшаго брата вполнѣ дозволяется закономъ, но младшему брату жениться на женѣ старшаго брата не дозволяется.

Х. Лобъ-норскіе Татары.

(Котловина оз. Лобъ-норъ и устье р. Таримъ).

Покойника держать дома въ камышовомъ шалашѣ до 3 дней. Тѣмъ временемъ имущество покойника разбирается родней его и единоплеменниками по частямъ. Мулламъ, читавшимъ по мусульманскому обряду Коранъ, даютъ десятую часть всего имущества, оставшагося послѣ покойника. Покойника кладутъ въ могилу безъ гроба, подставляя подъ него кочму. Затѣмъ всѣ, участвовавшіе въ погребеніи умершаго, приходятъ къ его шалашу, сжигаютъ его, и откочевываютъ отъ этого мѣста подальше. Подобно Тарбагатайскимъ Казакъ-Киргизамъ Лобъ-норскіе Татары накладываютъ на могилу кучу камней. Человѣка, умирающаго отъ заразительной болѣзни, и человѣка, долго хворающаго, они предають сожженію вмѣстѣ съ шалашемъ и имуществомъ. Человѣку больному пищу и питье они

подаютъ издалека длинными палками.. Кости человѣка, сож-
женнаго вмѣстѣ съ шалашемъ и имуществомъ, они бросаютъ
въ рѣку.

*Народныя примѣты тюркскихъ племенъ, предвѣщающія
смерть.*

I. К о в ы й.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

В о с н ѣ: видѣть во снѣ священника, пахать пашню, ви-
дѣть луну и солнце, расгущее дерево, молиться Богу, чесать
голову и наряжаться, варить конское мясо, видѣть ворона, ко-
пать землю, дѣлать гробъ, видѣть печку, видѣть себя слѣпымъ
или близорукимъ, бѣгать взапуски и опереживать кого-нибудь,
видѣть у себя новорожденнаго, входить въ новую юрту или
домъ, видѣть умершаго человѣка живымъ, видѣть женщину съ
толстыми косами, видѣть курицу, яйца или судью.

II. К а л а р ы.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

Н а я в у: ночевать на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли раньше
юрта или домъ; спать въ первый 3 ночи послѣ похоронъ въ
юртѣ или домѣ, гдѣ былъ покойникъ; видѣть ноги у змѣи;
перейти или переѣхать то мѣсто, черезъ которое переползла
змѣя.

III. Б е л ь т и р ы.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

Н а я в у: встрѣтиться съ горнымъ или водянымъ духами,
явившимися въ образѣ человѣка, свистащаго на разные лады.

IV. К а р г а.

(Минусинскій окр. Енис. губ.).

Н а я в у: видѣть у змѣи ноги или ядъ; видѣть, какъ
змѣя проглатываетъ маленькую пташку; видѣть синіе огоньки

(блуждающіе огни) въ полѣ. Во снѣ: видѣть свадьбу или пирь; быть укушеннымъ собакою; видѣть икону, церковь, священника или шамана.

V. КАРАГАСЫ.

(Нижнеудин. окр. Иркут. губ.).

На яву: свистѣть въ юртѣ. Во снѣ: рѣзать человѣка; рубить растущее дерево; видѣть Урянхайца, Монгола или Бурята; отдавать свой перстень другому человѣку; стрѣлять въ бѣлку или соболя и не убить ихъ.

VI. ЗАПАДНЫЕ КИТАЙСКІЕ ТАТАРЫ.

(Округа Кашгарь, Аксу, Турфанъ и Пичанъ).

Во снѣ: бѣгать взапуски; сидѣть въ телѣгѣ; видѣть у себя сломанную ногу или руку; видѣть пирь или свадьбу. На яву: слышать одно карканіе ворона.

VII. ВОСТОЧНЫЕ КИТАЙСКІЕ ТАТАРЫ.

(Округа Хами и Баркуль).

Во снѣ: видѣть сломанныя ножны или футляръ (знач. умереть жена); исполнять предписанія христіанской, буддѣйской и іудейской религій. На яву: затменіе луны въ первый мусульманскій мѣсяць, во второй и восьмой; землетрясеніе во второй мусульманскій мѣсяць, третій, четвертый и двѣнадцатый, а въ особенности, если землетрясеніе случится въ пятницу (всѣ эти случаи предвѣщаютъ главнымъ образомъ смерть отъ эпидемической болѣзни); лѣнь къ молитвѣ и чтенію Корана; нежеланіе присутствовать при богоугодной бесѣдѣ; лѣнь къ совершенію омовенія; яденіе запрещенной исламомъ пищи и оклеветываніе своего ближняго; хожденіе въ баню по воскресеньямъ.

Н. Катановъ.

РУССКІЕ ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ XVII В.

 Якутская область расположена главнымъ образомъ по системѣ р. Лены и ея притоковъ. Съ сѣвера она примыкаетъ къ Ледовитому океану, съ запада границей ея служить р. Анабара, потомъ граница идетъ на югъ къ р. Илимпею, доходить почти до ея истоковъ, отсюда поворачиваетъ прямою линіей на юго-востокъ къ устью р. Витима, идетъ по ней до Яблоноваго хребта, по которому простирается далѣе на востокъ до Становаго хребта. На востокъ граница идетъ по Становому хребту и отъ истоковъ Анадыри поворачиваетъ къ устью р. Колымы.

Главная рѣка области Лена, одна изъ величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ, начинается разными источниками изъ сѣверо-западной части пояса горъ Байкальскихъ, имѣетъ дугообразное теченіе на сѣверъ и впадаетъ въ Ледовитый океанъ; ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 2—3-хъ, даже до 10 верстъ, а въ длину теченіе ея имѣетъ болѣе 4-хъ тысячъ верстъ. Лена въ нижнемъ своемъ теченіи покрывается льдомъ предъ концомъ сентября, а въ верхнемъ въ октябрѣ и ноябрѣ. Всерьвается въ верхнемъ теченіи въ началѣ и половинѣ апрѣля, къ устью въ исходѣ мая, ипогда въ половинѣ іюня. Между притоками Лены наиболѣе замѣчательны: съ лѣвой стороны р. Вилюй—течетъ отъ запада къ востоку на протяженіи болѣе 800 верстъ и впадаетъ въ Лену ниже Якутска; съ пра-

вой стороны: Витимъ—береть начало изъ разныхъ озеръ въ уѣздѣ Верхнеудинскомъ и, протекши около 1700 верстъ, вливается въ Лену нѣсколько ниже слободы Витимской, Олекма начинается около Яблоноваго хребта и впадаетъ въ Лену немного ниже Олекминска, длина ея до 1400 верстъ; Алданъ—береть начало съ Яблоноваго хребта и вливается въ Лену ниже Якутска на 180 в.; теченіе его имѣеть около 1800 верстъ. Помимо Лены и ея притоковъ въ Якутской области находятся слѣдующія рѣки, текуція параллельно съ Леной и впадающія въ Ледовитое море: къ западу отъ Лены р. Оленекъ, имѣющая до 1000 вер. длины; къ востоку: Яна, далѣе Индигирка, образующаяся отъ соединенія рѣчекъ Омекона и Кундусуня, вытекающихъ изъ Берхоянскаго хребта, и Колыма, начинающаяся въ предгорья Становаго хребта, имѣеть до 1500 верстъ.

Относительно почвы и растительности, отчасти климата, Якутскую область можно раздѣлить на двѣ полосы: одна идетъ къ сѣверу отъ 62° с. ш., а другая къ югу. Сѣверная, по преимуществу тундровая полоса, занимающая побережье сѣвернаго океана до 62° с. ш., имѣеть болотистую, промерзлую почву, которая оттаиваетъ лишь на небольшую глубину и производитъ мхи и лишай, а также ягодные кустарники. Настоящихъ лѣсовъ въ этой полосѣ, особенно ближе къ сѣверу, нѣтъ, встрѣчается только искривленный, приземистый соснякъ, тальникъ, можжевельникъ и нѣкоторыя другія растенія. Климатъ сѣверной полосы чрезвычайно суровъ, вслѣдствіе чего эта полоса бѣдна растительностью. Но со скудостью прозябаемой природы представляется въ противоположности богатство животнаго царства. Здѣсь водятся въ огромномъ количествѣ олени, которые ходятъ по тундрамъ въ безчисленныхъ стадахъ, лоси, песцы, бѣлки. Весною прилетаютъ сюда огромныя стаи лебедей, гусей, утокъ и множество другихъ птицъ. Населеніе въ этой полосѣ чрезвычайно рѣдко и состоитъ изъ тунгусовъ, якутовъ и юкагировъ, которые издавна занимались здѣсь звѣриными и рыбными промыслами, единственными средствами существованія. Между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ простран-

ствахъ природа дремлетъ въ оцѣпененіи отъ холода, южная полоса сравнительно наиболѣе богата растительностью и животными. Она имѣетъ преимущественно песчанно-глинистую почву и покрыта безпредѣльными дремучими, состоящими изъ хвойныхъ породъ лѣсами, которые называются тайгами и урманамн. Въ этой полосѣ луга изобилуютъ кормовыми травами; изъ хлѣбныхъ растений могутъ родиться рожь, ячмень и овесъ; ячмень можетъ родиться даже около Якутска.

Первоначальныя свѣдѣнія о народахъ Якутской области принадлежатъ официальнымъ документамъ, преимущественно отпискамъ служилыхъ людей Московскаго государства. Но эти официальные документы представляютъ мало матеріала, относящагося къ уясненію быта народовъ Якутской области, ихъ характера и особенностей; они имѣютъ важное значеніе болѣе какъ историческіе источники, изъ которыхъ мы можемъ почерпать свѣдѣнія относительно хода и характера завоеваній русскихъ въ этой области.

Якутскую область, когда стали проникать въ нее русскіе, населяли слѣдующіе инородцы. На сѣверѣ весь край между рѣками Индигиркой и Колымой населяли тунгусы и юкагиры. По р. Ленѣ и ея притокамъ, а также по р. Оленеку жили якуты и тунгусы. Когда поселились эти племена въ предѣлахъ Якутской области, какова была ихъ первоначальная исторія намъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ нѣтъ никакихъ памятниковъ, которые хотя отчасти могли бы служить къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Впрочемъ у якутовъ сохранилось преданіе, по которому видно, что предки ихъ жили въ древнія времена около верховьевъ Лены и по западной сторонѣ Байкала въ сосѣдствѣ съ монголами и бурятами; но потомъ, поссорясь съ ними, они принуждены были удалиться, поплыли на плотахъ со всѣмъ своимъ скотомъ внизъ по р. Ленѣ и поселились около Якутска, побѣдивъ жившихъ тамъ тунгусовъ, а оттуда уже распространились и по другимъ мѣстамъ¹⁾. Основываясь на этомъ преданіи, можно заключить,

¹⁾ Сибирск. Вѣстн. 1824 г. ч. III, стр. 127.

что тунгусы поселились въ Якутской области ранѣе якутовъ. Якуты произошли отъ татарскаго племени, доказательствомъ чему служить ихъ наружный видъ и образъ жизни, а преимущественно языкъ, въ которомъ почти всѣ слова татарскія. Якуты говорятъ, что при первоначальномъ поселеніи на р. Ленѣ ихъ было только два рода: первый Батулинскій, который состоялъ подъ начальствомъ Омогой бая, другой Елейскій, старшиной котораго былъ Елей. Этотъ Елей женился на дочери состарившагося Омогоя и имѣлъ отъ нея 12 сыновей; старшій изъ нихъ былъ по имени Хасалась. При одномъ изъ наслѣдниковъ его Тыпшѣ и покорены были якуты русской власти. Всѣ обитатели Якутской области, во время завоеванія ея русскими, вели кочевую жизнь. Общественный бытъ ихъ былъ устроенъ по родовымъ порядкамъ; они всегда раздѣлялись на роды, управлявшіеся своими старшинами; роды состояли иногда изъ нѣсколькихъ сотъ душъ.

Рыбная ловля и звѣроловство были главными средствами къ жизни сѣверныхъ инородцевъ. Олень для обитателей тундръ составлялъ и теперь составляетъ главное богатство; онъ даетъ имъ одежду, пищу и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. Только одни якуты занимались скотоводствомъ. Но о земледѣліи и хлѣбныхъ растеніяхъ тогда не имѣли понятія.

Непроходимые и безконечные лѣса, мертвыя пустыни и топкія болота покрывали якутскую область, а потому русскимъ, еще совершенно незнавшимъ этой страны, трудно было бы идти впередъ для отысканія и завоеванія новыхъ земель по этимъ дремучимъ лѣсамъ и при томъ безъ всякой дороги. Лучшимъ и наиболѣе безпрепятственнымъ путемъ могли служить рѣки; и русскіе дѣйствительно во все время завоеванія якутской области шли въ нее по водяной системѣ, переходя съ одной большой рѣки на другую при помощи притоконъ этихъ рѣкъ. Этотъ путь былъ слѣдующій: отъ Тобольска, областного города Сибири, дорога шла зимою и лѣтомъ по Иртышу, Оби, Кети и сухопутно до Енисейска, отсюда опять водою по Верхней Тунгускѣ до Илимска, отъ Илимска дорога

шла сухопутно чрезъ Усть-Кутскій острогъ на р. Лену и внизъ по Ленѣ до Якутска.

Свѣдѣнія относительно первоначальнаго открытія р. Лены и впадающихъ въ нее рѣкъ очень скудны и не ясны. — Открытіе и завоеваніе якутской области, какъ и самое открытіе Сибири, сдѣлано было казаками, съ тою только разницею, что при открытіи Сибири казаки дѣйствовали по собственной инициативѣ, а теперь они шли впередъ по приказанію правительства.

Переходъ на р. Лену совершился съ двухъ концовъ: во 1-хъ Туруханскіе казаки перешли двумя путями: съ р. Нижней Тунгуски на р. Чону (истокъ Вилюя) и съ той же Нижней Тунгуски прямо на верховье р. Лены (Чечуйскимъ волокомъ); во 2-хъ перешли на Лену енисейцы, но позже турханцевъ. Прежде перехода ихъ на р. Лену былъ построенъ Красноярскій острогъ и осматрѣна р. Илимъ. Одновременно съ переходомъ на р. Лену Кутскимъ волокомъ основаны остроги Устьютскій, Илимскій и Титорскій въ 1631 году; самое же открытіе Якутской области слѣдуетъ отнести къ 1630 году. Въ этомъ году посланъ былъ изъ Енисейска казакъ Федоръ Ефремовъ съ товарищами, для отысканія новыхъ народовъ и новыхъ земель и для сбора съ нихъ ясака. Перейдя Енисей и поднявшись по Тунгускѣ, казаки пробирались далѣе чрезъ непроходимые лѣса и болота и наконецъ вступили на р. Лену. Тамъ встрѣтили они туземныхъ инородцевъ, называвшихъ себя сохами, а впоследствии извѣстныхъ подъ именемъ якутовъ, собрали съ нихъ ясакъ и снова возвратились въ Енисейскъ. Послѣ этого начали уже систематически посылать казаковъ на Лену каждый годъ для сбора ясака съ прежде покоренныхъ инородцевъ и для покоренія новыхъ. Но, чтобы казаки, при распространеніи на р. Ленѣ русскихъ владѣній, имѣли для себя въ военныхъ дѣйствіяхъ точку опоры, имъ нужно было основать на Ленѣ острогъ, т. е. небольшую крѣпость, въ которой они могли бы укрыться отъ нападеній туземныхъ инородцевъ и который также могъ бы служить складочнымъ

мѣстомъ всѣхъ припасовъ и собираемаго ясака. Съ этою цѣлью былъ посланъ изъ Енисейска на р. Лену казачій сотникъ Петръ Бекетовъ, который съ 20 казаками отправился весною изъ Устькутскаго острога внизъ по р. Ленѣ, прибылъ къ якутамъ и построилъ въ 1632 г. на берегу Лены острогъ, названный Якутскимъ. Острогъ этотъ былъ поставленъ на плоской прибрежной равнинѣ, которая подвергалась потопленію отъ весеннихъ разливовъ, и чрезъ десять лѣтъ въ 1642 году, по наименованіи его городомъ, былъ перенесенъ воеводою Головинымъ на другое мѣсто, въ десяти верстахъ отъ прежняго вверхъ по Ленѣ.

За сборомъ ясака съ якутовъ приходили казаки изъ двухъ городовъ изъ Енисейска и Туруханска. Партии казаковъ, пришедшіе изъ одного города часто ссорились изъ-за права собирать ясакъ съ партіями казаковъ изъ другаго города, отчего происходили частые безпорядки въ сборѣ ясака, такъ какъ казаки Енисейскіе снова брали ясакъ съ тѣхъ якутовъ, которые уже уплатили его казакамъ Туруханскимъ и наоборотъ. Все это привело якутовъ въ такую злобу, что они рѣшились разрушить Якутскій острогъ. Въ 1634 г. собралось ихъ, подъ предводительствомъ князца Мымака, слишкомъ 600 человекъ; имъ вышелъ на встрѣчу атаманъ Галкинъ съ казаками. Въ происшедшей затѣмъ битвѣ якуты взяли верхъ и принудили русскихъ спасаться бѣгствомъ и запереться въ острогѣ. Послѣ этого якуты, окружа острогъ, старались его сжечь, но это имъ не удалось. Осада продолжалась съ 9 января до конца февраля. Во время ея казаки терпѣли крайній недостатокъ въ пищѣ, но твердо охраняли свой острогъ и отражали неприятеля. Наконецъ якуты, не видя никакого успѣха, бросили осаду острога и отошли. Галкинъ послалъ за ними партію казаковъ, которая умирила часть возмущившихся якутовъ, а оставшіеся не усмирёнными чрезъ два года снова осадили Якутскъ, но взять его не могли; при этомъ они раззорили остававшихся вѣрными русскимъ якутовъ. Послѣ вторичной неудачи большая часть якутовъ откочевала въ разныя отда-

ленные мѣста, вѣроятно на р. Вилюй и къ Ледовитому морю, потому что Мангазейскіе казаки прежде на р. Вилюѣ Якутовъ не находили, а впослѣдствіи, въ 1641 году боярскій сынъ воинъ Шаховъ, служившій на р. Вилюѣ около семи лѣтъ, доносилъ якутскимъ воеводамъ, что по р. Вилюѣ живеть до 3-хъ тысячъ якутовъ и тунгусовъ ¹⁾).

Изъ Якутскаго острога казаки стали распространять свои завоеванія по всей Якутской области. На югъ и востокъ отъ Якутска были открыты рѣки: Олекма, Алданъ и Амга около 1632 года, Юдома, притокъ Алдана, въ 1635 г., Мая, также притокъ Алдана, въ 1636 году. А около 1639 г. были учреждены ясачныя зимовья: на Усть Алданѣ, Усть-Маѣ, Амгѣ и др.

Въ 1635 году былъ отправленъ изъ Енисейска на Лену казацкій десятникъ Елисей Буза, съ приказаніемъ осмотрѣть рѣки, впадающія въ Ледовитое море, и наложить ясакъ на тамошнихъ жителей. Прозимовавъ съ десятью казаками въ Олекминскомъ острогѣ, Буза пригласилъ къ себѣ еще 40 человекъ промышленниковъ и вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь внизъ по р. Ленѣ; чрезъ двѣ недѣли онъ достигъ устья этой рѣки, затѣмъ поплылъ отсюда Ледовитымъ океаномъ по направленію къ западу и въ одни сутки добрался до р. Оленека. Поднявшись по этой рѣкѣ до устья р. Пирриды, онъ провелъ зиму у кочующихъ по р. Оленеку тунгусовъ и собралъ съ нихъ ясакъ, а съ наступленіемъ весны, по указанію тунгусовъ, вышелъ на Лену при устьѣ р. Молоды, построилъ здѣсь два коча ²⁾ и снова спустился по Ленѣ въ Ледовитый океанъ, по которому плылъ пять дней въ направленіи къ востоку, и наконецъ достигъ устья р. Яны. Послѣ трехдневнаго плаванія вверхъ по этой рѣкѣ, Буза встрѣтилъ якутовъ, среди которыхъ и провелъ зиму. На Янѣ онъ построилъ четыре коча, на которыхъ въ слѣдующемъ 1639 году поплылъ внизъ по рѣкѣ, восточнымъ

¹⁾ Допол. къ акт. историч. т. 2-й. № 93.

²⁾ Кочи—плоскостонныя суда, въ длину около 12 сажень и менѣе.

рукавомъ ея достигъ р. Чендоны, гдѣ нашель живущихъ въ землянкахъ юкагировъ, обложилъ ихъ ясакомъ и прожилъ въ этихъ мѣстахъ до 1642 года ¹⁾).

Въ тоже время, когда Буза открылъ р. Яну съ моря, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ р. Индигирку съ горной стороны. Въ 1636 г. онъ выступилъ изъ Якутска для открытія новыхъ земель съ 30 служилыми людьми. Вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ онъ отправился на коняхъ къ верховьямъ р. Яны и отсюда шель внизъ по этой рѣкѣ четыре недѣли до якутскихъ и тунгусскихъ поселеній, собралъ съ нихъ ясаъ и отправился далѣе на лошадяхъ же вверхъ по р. Толстау къ верховьямъ р. Индигирки. На пути онъ встрѣтилъ многихъ неясачныхъ тунгусовъ - ламутовъ. Прощедши внизъ по р. Индигиркѣ около четырехъ недѣль, Постникъ Ивановъ вступилъ въ землю юкагировъ, гдѣ основалъ зимовье, въ которомъ оставилъ 16 казаковъ для ясачнаго сбора, а самъ, собравши съ юкагировъ ясакъ, возвратился въ Якутскъ съ 15-ю товарищами, изъ которыхъ, впрочемъ, на своемъ пути еще оставилъ трехъ человекъ на р. Янѣ для ежегоднаго ясачнаго сбора. Въ Якутскѣ онъ доносилъ, что по р. Индигиркѣ живетъ много юкагировъ пѣшихъ и оленныхъ, что тамошнія мѣста богаты пушными звѣрами и рыбой и что, наконецъ, у туземныхъ жителей встрѣчается серебро, но откуда они его достаютъ, ему неизвѣстно ²⁾). Между тѣмъ оставленные Постникомъ Ивановымъ въ зимовьѣ казаки построили себѣ два коча и, плавая на нихъ по р. Индигиркѣ, завладѣли ею до самаго устья; затѣмъ предприняли плаваніе по Ледовитому морю далѣе на востокъ и доставили первыя свѣдѣнія о р. Алазѣ.

Такимъ образомъ въ продолженіи какихъ - нибудь 7 — 8 лѣтъ на сѣверо - востокѣ Сибири были открыты громадныя пространства. Конечно, до полнаго изслѣдованія вновь откры-

¹⁾ Допол. къ акт. истор. т. II-й, № 86.

²⁾ Допол. къ акт. истор. т. II-й № 88.

той области было еще далеко, но уже и теперь стало ясно, что приобрѣтеніе этой страны будетъ весьма важно для Россіи въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ она была богата лучшими и цѣнными мѣхами. Понятно, что для окончательнаго покоренія и присоединенія этой области недостаточно было тѣхъ малочисленныхъ казаковъ, которые ежегодно посылались туда изъ Енисейска и изъ Якутскаго острога для изслѣдованія новыхъ странъ; они могли играть только роль пионеровъ, но не могли утвердить тамъ прочнаго и постояннаго господства русскихъ. Для достиженія этой цѣли нужно было учредить въ самомъ центрѣ области постоянную администрацію и постоянное войско, которое могло бы систематичнѣе заняться присоединеніемъ инородцевъ къ русскому государству.

Дѣйствительно, московское правительство рѣшилось отдѣлить вновь открытую область отъ вѣдѣнія енисейскаго воеводы и учредить въ ней свое воеводство, а также постоянное войско. Въ 1639 г. оно посылаетъ воеводами въ Якутскъ стольниковъ Петра Головина и Матвѣя Глѣбова ¹⁾, поручивъ имъ взять съ собою въ новую Сибирскую землю для угрозы воинскихъ людей 395 человекъ съ пушками и пищальями. Новые воеводы шли въ Якутскъ довольно медленно. Эта медленность въ ихъ пути объясняется тѣмъ, что они должны были везти съ собою весьма большой обозъ съ боевыми и хлѣбными припасами; послѣднихъ было заготовлено на три года, потому что въ новой области туземцы не занимались хлѣбопашествомъ, а слѣдовательно всѣ хлѣбные запасы русскіе должны были везти съ собою. Для подъема и перевозки такого груза требовалось много народа и лошадей, между тѣмъ во всемъ этомъ чувствовался большой недостатокъ, такъ какъ жители, гдѣ не было ямовъ, иногда отказывались давать подводы даромъ, не смотря на то, что правительствомъ велѣно было вездѣ давать подводы безъ задержекъ. Такъ напр. въ Енисейскѣ всѣ слу-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время въ наиболѣе значительные города посмалось по два воеводы, одинъ былъ главный, а другой его товарищъ.

живые, посадские, пашенные, торговые и промышленные люди, когда воевода енисейский Веревкин потребовал подводъ и гребцовъ на суда, отвѣчали, что „до сихъ поръ въ подводахъ изъ Енисейскаго острогу не хаживали и гребцовъ не даывали и указу де государева о томъ не бывало и нынѣ нѣтъ же“; далѣе жаловались на тяжесть своего положенія и соглашались дать подводъ только подъ тѣмъ условіемъ, если даны будутъ имъ извѣстныя льготы. Не смотря на то, что воевода всѣхъ лучшихъ людей и старость пометалъ въ тюрьму и былъ на правожѣ, онъ всетаки не могъ добиться подводъ: „безъ государева де указу на насъ подводы велишь править, отвѣчали ему всѣ, и пошли въ рознь, т. е. разошлись¹⁾“. Вслѣдствіе этого отказа Ленскимъ воеводамъ пришлось ѣхать на Ленскій волокъ своими людьми и наймиты. Кромѣ того во время самаго пути встрѣчалось много затрудненій, преодолевать которыя нужно было съ большими усиліями и большою потерею времени. На пути по рѣкамъ часто встрѣчались пороги, отчего приводилось выгружать изъ судовъ товары, нести ихъ на себѣ и, по минованіи опасности, снова производить нагрузку. На нѣкоторыхъ порогахъ даже самыя суда нужно было поднимать по канатамъ: „а на иныхъ порогахъ многая была мѣшкота и простио, говорилось въ опискѣ Головина, (многая была мѣшкота и простио) взводили, государь, суды по канатамъ, челоувѣкъ по семидесять и по осмидесятъ одно судно“. При такихъ трудностяхъ пути плаваніе отъ Енисейска до Ленскаго волока продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе поздняго времени воеводамъ привелось провести зиму на Ленскомъ волокѣ, откуда они послали въ Якутскъ 28 челоувѣкъ служилыхъ людей для того, чтобы не было въ иноземцахъ „шатоности“. Новые воеводы прибыли въ Якутскъ только въ концѣ 1640 года²⁾. Съ учрежденіемъ воеводства въ якутской области обслѣдование ее русскими и подчиненіе русскому влады-

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 69.

²⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 85.

честву туземныхъ племенъ принимаетъ систематическій характеръ. вмѣстѣ съ внѣшнимъ постепеннымъ присоединеніемъ страны вводится въ нее внутренняя организація, которая касается порядка управленія туземцами и русскими, торговли и промышленности.

Въ первое время учрежденія воеводства въ Якутскѣ, изъ него были отправлены многочисленныя экспедиціи для открытій, потому что воевода обязанъ былъ тогда открыть и завоевать какъ можно большее пространство для сбора податей. Главнымъ побужденіемъ къ открытіямъ было, конечно, собираніе съ кочующихъ народовъ подати (ясака), особенно соболиныхъ мѣховъ, которые по мѣрѣ углубленія въ дикія лѣсистыя мѣстности становились лучше и цѣннѣе. Чѣмъ болѣе безстрашные открыватели и изслѣдователи новыхъ земель доставляли государю соболиныхъ сороковъ, тѣмъ больше возвышалась ихъ награда и увеличивалась самая извѣстность. Могущественнымъ поощреніемъ для воеводъ и служилыхъ людей въ ихъ стремленіи къ новымъ открытіямъ была и собственная выгода — богатая нажива при сборѣ мѣховъ.

Съ учрежденіемъ воеводства въ Якутскѣ открытія русскихъ въ южномъ направленіи отъ этого города производятся уже за границами Якутской области въ предѣлахъ Забайкалья и приамурской страны. Новыхъ же поисковъ и открытій специально въ южной части области теперь не дѣлается. Вѣроятно, нѣкоторыя земли этой части еще до учрежденія воеводства были болѣе или менѣе обслѣдованы и объясачены, такъ что здѣсь оставалось только поддерживать русскую власть увеличеніемъ числа остроговъ и постоянной посылкой въ нихъ служилыхъ людей; нѣкоторыя же части были совершенно не населены, а потому и не представляли интереса для русскихъ изслѣдователей. Въ 1656 году служилый человекъ Иванъ Игнатьевъ съ 12 товарищами ходилъ для изслѣдованія земель вверхъ по р. Нюгжѣ (впадаетъ въ Олекму), откуда прошелъ къ верховьямъ Алдана, вверхъ по которому проплылъ двад-

цать дней, но на своемъ пути нигдѣ не встрѣтилъ ни жилищъ, ни жителей ¹⁾).

Между тѣмъ рассказы Перфильева, ходившаго на поиски вверхъ по Витиму и Ципирию, и другихъ служилыхъ людей доставляли заманчивыя свѣдѣнія о земляхъ забайкальскихъ и приамурскихъ, славившихся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, рудниками и богатой торговлей. Поэтому-то русскіе обратили большое вниманіе на эти страны и стали неумолимо снаряжать туда экспедиціи для изслѣдованія и приобрѣтенія такихъ богатыхъ земель.

Не смотря на чрезвычайно суровый климатъ, не смотря на трудности пути по снѣжнымъ пустынямъ и по Ледовитому океану, постоянно затертому льдами, не смотря на чрезвычайную скудость продовольствія, обслѣдованіе сѣверныхъ береговъ Ледовитаго океана производится съ упорною настойчивостію и постоянствомъ. Обслѣдованіемъ этимъ занимались не только служилые люди, но и промышленники, которые шли въ эти холодныя страны, побуждаемые къ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны. Они не рѣдко даже предупреждали открытіями служилыхъ людей.

Въ 1642 году возвратился изъ своихъ поисковъ въ сѣверныхъ краяхъ Якутской области Елисей Буза, о дѣйствіяхъ котораго я говорилъ выше, и привезъ съ собою троихъ юкагировъ-аманатовъ, которые рассказывали на разспросахъ, что между рѣками Яной и Индигиркой есть еще рѣка Нерога, впадающая въ Ледовитый океанъ, на которой недалеко отъ ея устья находится въ утесѣ серебряная руда, и что тамошніе жители богаты серебромъ. Получивъ это заманчивое извѣстіе, якутскіе воеводы снова посылаютъ Бузу „провѣдать на крѣпко про ту Нерогу: естли такая р. Нерога и если есть, то находится ли тамъ серебряная руда ²⁾). Дальнѣйшихъ свѣдѣній относительно Бузы и его вторичной экспедиціи мы не имѣемъ.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 4, № 35.

²⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 99.

Но конечно поиски р. Нероги были тщетны по той причинѣ, что ея не существуетъ.

Въ 1646 г. якутскій казакъ Михаилъ Стадухинъ пришелъ въ Якутскій острогъ съ ясачнымъ сборомъ и принесъ первое извѣстіе о р. Колымѣ, на лѣвомъ берегу которой онъ основалъ Нижне-Колымское зимовье около ста верстъ отъ устья рѣки, въ которомъ и прожилъ два года, занимаясь сборомъ ясака. „А Колыма де рѣка велика, говорилъ онъ, есть съ Лену рѣку, идетъ въ море, а по той Колымѣ живутъ иноземцы оленные и пѣшіе сидачіе многіе люди, и языкъ у нихъ свой“. Къ западу отъ Колымы онъ нашелъ р. Чукочью, по берегамъ которой жили чухчи. Чухчи, какъ его увѣряли, промышленяютъ моржей на одномъ „большомъ“ островѣ на Ледовитомъ океанѣ, лежащемъ противъ устья р. Чукочей и будто бы составляющемъ одно съ Новой Землей „а тотъ де островъ Камень, въ мори поясъ, и промышленные люди смѣчаютъ все то одинъ идетъ, что ходятъ изъ поморья съ Мезени на Новую Землю, и противъ Енисейскаго и Тазовскаго и Ленскаго устья тотъ камень тожь все одинъ, что называютъ Новой Землей“. Вѣроятно за Новую Землю они принимали одинъ изъ Крестовыхъ острововъ, находящійся противъ устья р. Чукочей. Затѣмъ Стадухинъ принесъ извѣстіе о р. Пагычѣ (къ востоку отъ Колымы) богатой соболями ¹⁾. Извѣстія Стадухина возбудили въ дальнѣйшимъ предпріятіямъ, какъ служилыхъ, такъ и промышленныхъ людей. Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но уже привыкшимъ къ трудамъ и лишеніямъ кочевой жизни, достаточно было услышать о новомъ независимомъ и богатомъ моржевымъ зубомъ народѣ, чтобы предпринять поиски въ неизвѣстныя мѣста, гдѣ отрывалось новое поле для ихъ неутомимой дѣятельности и для наживы.

Первое плаваніе по Ледовитому океану на востокъ отъ устья р. Колымы предпринялъ во главѣ промышленниковъ въ

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. 3, № 24.

1646 г., Исай Игнатьевъ, родомъ изъ Мезени. Проплывъ по Ледовитому морю въ восточномъ направленіи около двухъ сутокъ, они вошли въ губу, окруженную скалами материка, гдѣ встрѣтили чукчей, съ которыми и открыли торговлю оригинальнымъ способомъ. Не зная чукотскаго языка, они разложили свои товары на берегу; чукчи, выбравъ изъ этихъ товаровъ что имъ нравилось, съ своей стороны выложили на мѣсто взятаго извѣстное количество моржевыхъ зубовъ. Обмѣнявъ такимъ способомъ свои товары, Исай Игнатьевъ съ товарищами возвратился на Колыму ¹⁾).

Въ слѣдующемъ году прикащикъ московскаго купца гостинной сотни, Алексѣя Усова, Ѳедотъ Алексѣевъ, холмогорецъ, и казакъ Семенъ, Ивановъ сынъ, Дежневъ, отправленный въ предпринимаемое путешествіе для соблюденія интересовъ казны, съ обществомъ промышленниковъ, въ іюнь вышли на четырехъ кочахъ изъ устья р. Колымы и отправились въ море отыскивать рѣку Анадырь, которая, по слухамъ, должна впадать въ Ледовитое море; но, встрѣтивъ на пути множество льдовъ, которые не позволяли продолжать путешествіе, они возвратились назадъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Въ этомъ же 1647 г. былъ отправленъ изъ Якутска Михаилъ Стадухинъ, которому приказано было отыскать р. Пагычь и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ вышелъ изъ Колымы для отысканія Пагычи въ 1649 г. на двухъ кочахъ, но одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Проплывъ подъ парусомъ на востокъ семь сутокъ и не видя никакой рѣки, Стадухинъ присталъ къ берегу съ тѣмъ, чтобы узнать отъ туземныхъ жителей объ отыскиваемой рѣкѣ, но туземцы—коряки—не могли дать относительно этого никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ у путешественниковъ обнаружился крайній недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ, вслѣдствіе чего они должны были возвратиться послѣ безуспѣшнаго плаванія.

¹⁾ Сибирск. Вѣстн. 1821 г., часть 15.

Между тѣмъ Дежневъ и его бывшіе ступники, не смотря на неудачу своего перваго плаванія, не потеряли надежды отыскать р. Анадырь и на другой же годъ послѣ возвращенія изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 г., снарядивъ семь кочевъ, 20 іюня изъ Колымы пустились въ море отыскивать устье Анадыри. Участь четырехъ изъ этихъ кочевъ неизвѣстна; остальными тремя начальствовали: Семень Дежневъ, промышленный Ѳедотъ Алексѣевъ, участвовавшіе въ первыхъ поискахъ, и казакъ Герасимъ Анеудиновъ. Во время плаванія по морю разбило кочъ Герасима Анеудинова и находившіеся на немъ люди перебрались на остальные два судна. 20-го сентября, т. е. послѣ трехъ мѣсячнаго плаванія по Ледовитому морю, у путешественниковъ произошла драка съ встрѣтившимися на берегу чукчами, во время которой былъ раненъ Ѳедотъ Алексѣевъ. Вскорѣ послѣ этой стычки съ чукчами бурей разнесло оба коча, и они уже болѣе не соединялись. Дежнева „носило по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадырь рѣку“. Нужно замѣтить, что Дежневъ мало говоритъ о своихъ приключеніяхъ на морѣ и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя могли встрѣчаться ему отъ льдовъ, вѣтровъ и т. п. мало, также описываетъ характеръ и направленіе берега отъ Колымы до Берингова пролива. Онъ только болѣе подробно останавливается на описаніи большаго Чукотскаго носа, который онъ отличаетъ отъ поса, находящагося при р. Чукочьей „а не тотъ носъ, который отъ Чухочьи рѣки лежитъ, до того носу Михаильт Стадухинъ не доходил“. Носъ этотъ, по описанію Дежнева вышелъ далеко въ море и лежитъ между сѣверомъ и сѣверо-востокомъ „промежъ сиверь на полунощникъ“ и поворачивается кругомъ до р. Анадыря „а добраго побѣгу отъ носа до Онодыри рѣки трой сутки, а болѣе нѣтъ“. На Русской сторонѣ носа „вышла рѣчка, становье тутъ у Чухочъ дѣлано, что башни изъ кости китовой“. Противъ носа лежатъ два острова, на которыхъ живутъ Чуэчи съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ клыковъ „а врѣзываютъ у нихъ зубы,

прорѣзываны губы, кость рыбей зубъ“¹⁾). Судя по подробному описанію Чукотскаго носа, можно съ достаточною вѣроятностію предполагать, что Дежневъ и его спутники совершили отважное плаваніе въ Великій океанъ и первые прошли проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и впослѣдствіи названный Беринговымъ.

Возвратимся въ Дежневу и его товарищамъ. Выброшенный на берегъ Дежневъ и его 25 товарищей скитались цѣлыхъ десять недѣль по неизвѣстной странѣ, отыскивая р. Анадырь и не встрѣчая ни одного живого существа. Наконецъ они вышли къ устью Анадыри, въ мѣстность безлѣсную и необитаемую, гдѣ пришлось имъ терпѣть страшныя лишенія отъ голода и холода, вслѣдствіе чего спутники Дежнева рѣшились отправить для развѣдокъ вверхъ по р. Анадырю 12 человекъ, которые впродолженіи двадцати дней шли впередъ, но не встрѣтивъ на пути никакихъ жителей, рѣшились возвратиться въ станъ. Большая часть ихъ погибла отъ голода и изнеможенія и только двое возвратились въ станъ Дежнева. Наконецъ самъ Дежневъ съ оставшимися при немъ 12-ю товарищами на судахъ пустился вверхъ по р. Анадырю, гдѣ встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ туземцевъ, называвшихся анаулами, съ которыхъ онъ взялъ небольшой ясакъ. Дежневъ основалъ на р. Анадырѣ зимовье, въ которомъ и встрѣтили его въ 1650 году служивые и промышленные люди, пришедшіе съ Колымы подъ начальствомъ Семена Моторы. Узнавъ на Колымѣ отъ плѣнныхъ ходынцевъ, обитавшихъ по верховьямъ р. Анюя, что р. Анадырь впадаетъ не въ Ледовитый океанъ и что кратчайшій путь на нее нужно искать сухимъ путемъ по горамъ, эти промышленные люди, по указанію взятыхъ ходынцевъ, съ Колымы вверхъ по Анюю, потомъ сухимъ путемъ черезъ Камень, достигли Анадыри и соединились съ Дежневымъ и его товарищами.

Михаилъ Стадухинъ, безуспѣшно искавшій устье р. Погыча въ Ледовитомъ морѣ, также отправился на Анадырь су-

¹⁾ Допол. къ акт. ист. т. 4-й № 7-й.

жимъ путемъ, провелъ въ пути семь недѣль, обошелъ стороною зимовье Дежнева, съ которымъ находился въ ссорѣ, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно, простирая свои поиски къ Охотскому морю. Между тѣмъ Дежневъ дѣйствовалъ за одно съ Моторой.

Въ 1651 году они построили на р. Анадырѣ суда, намѣреваясь отправиться на нихъ въ море для новыхъ открытій, но намѣренія ихъ не исполнились, въ концѣ года Мотора былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій съ анаулами. Дежневъ не прекратилъ своихъ поисковъ. Лѣтомъ 1652 г. онъ спустился внизъ по Анадырю до самаго устья этой рѣки, гдѣ открылъ коргу (отмель), на которой собиралось множество моржей: „а звѣря на коргу вылегаеть добре много, на самомъ мысу вкругъ съ морской стороны на полъ версты и больше мѣста, а въ гору сажень на тридцать и на сорокъ“... Въ 1654 г. Дежневъ снова ходилъ на промыслы въ море, къ коргѣ, взявъ съ собой казака Юшку Селивестрова, присланнаго изъ Якутска съ приказаніемъ промыслять въ пользу казны моржевые зубы. Этотъ Селивестровъ, участвовавшій въ прежнемъ плаваніи по Ледовитому морю Михаила Стадухина, утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли эту мель въ первое морское путешествіе (1649 г.). Притязанія Селивестрова на первенство открытія корги, побудили Дежнева писать отписки, въ которыхъ опровергаетъ Селивестрова и въ которыхъ находятся нѣкоторыя извѣстія о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Въ этихъ отпискахъ можно найти хотя краткое, но опредѣленное описаніе характера мѣстности вновь открытой прианадырской страны: „а рѣка Анадырь не лѣсна и соболей по ней мало, съ вершины малой листьакъ днищей на шесть или на семь, а иного чернаго лѣсу нѣтъ никакого кромѣ березнику и осинника, и отъ малаго маена (правый притокъ Анадыри) кромѣ тальника нѣтъ лѣсу никакого, а отъ береговъ лѣсу не широко, все тундра да камень; а той рѣкѣ Анадырѣ чертежь съ Онюя рѣки и за камень на вершину Анадырю и которыя рѣки впали большіе и малые и до моря

и до той корги, гдѣ вылагаетъ звѣрь; а ходу съ вершивы Анадыру до ясачнаго зимовья съ камени грузными нартами недѣли двѣ или больше“... Въ томъ же 1654 году Дежневъ, продолжая плаваніе у береговъ моря, отбилъ у Коряковъ якутву, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ, отъ которой узналъ, что Ѳедотъ и Герасимъ Анкундиновъ умерли отъ цынги, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а остальные немногіе уплыли на лодкахъ, но куда неизвѣстно ¹⁾.

Такимъ образомъ Дежневъ цѣлыхъ шесть лѣтъ (съ 1648 по 1654 годъ) провель въ прианадырской странѣ въ неутомимой дѣятельности; воевалъ съ Анаулами, Ходынцами и Корякамъ, плавалъ по Анадырю вверхъ, отыскивая горою путь къ Колымѣ, и внизъ, выходя въ море для промысловъ моржеваго зуба. Дальнѣйшая судьба Дежнева неизвѣстна; неизвѣстно даже, возвратился ли онъ изъ этого края, или погибъ среди дикихъ туземцевъ. Плаваніемъ и отписками Дежнева оканчиваются въ 17 столѣтіи открытія и изслѣдованія Русскими сѣверныхъ странъ Якутской области. Изъ предшествующаго изложенія видно, что, хотя при подчиненіи сѣвера Якутской области подъ власть Московскаго государства, русскіе встрѣчали весьма слабое сопротивленіе со стороны туземнаго населенія, но тѣмъ не менѣе экспедиціи на сѣверъ представляли весьма много трудностей. Русскимъ нужно было имѣть громадную предприимчивость, терпѣніе и силу духа, чтобы переносить всѣ бѣдствія, причипаемыя климатомъ, недостаткомъ пищи и главнымъ образомъ опасностями плаванія по Ледовитому морю. Сколь трудно и опасно было плаваніе по Ледовитому океану можно видѣть изъ описанія плаванія Булдакова.

Въ 1649 г. Тимофей Булдаковъ былъ отправленъ изъ Якутска на р. Колыму для завѣдыванія тамошнимъ острогомъ. Вслѣдствіе протівныхъ вѣтровъ онъ не могъ добраться до моря въ одно лѣто и потому остановился зимовать въ Жиганскѣ,

¹⁾ Допол. къ акт. ист. т. 4, № 7.

откуда, по наступленіи лѣта, и выплылъ 2-го іюля на взморье, гдѣ простоялъ по причинѣ противныхъ вѣтровъ четыре недѣли. Съ этихъ поръ начинается для Булдакова и его товарищей непрерывный рядъ бѣдствій и тяжелыхъ испытаній. По наступленіи попутнаго вѣтра, кочь Булдакова подъ парусомъ поплылъ къ Омолоевой губѣ, но здѣсь его затерло льдами, съ которыми носило по морю восемь дней. Наконецъ льды прибило къ острову противъ устья Лены. Пробиваясь два дня между льдами кочь присталъ къ острову, гдѣ простоялъ шесть дней, такъ какъ вѣтра были непостоянны и противны. Когда Булдаковъ замѣтилъ, что море очистилось отъ льда, то снова пустился съ своими товарищами на кочѣ къ Омолоевой губѣ, гдѣ опять затерло ихъ льдами, изъ которыхъ съ большимъ трудомъ удалось имъ выбиться назадъ къ устью Лены. Здѣсь съ ними соединилась восемь кочей служивыхъ и промышленныхъ людей, готовыхъ отплыть въ море. По наступленіи благоприятнаго вѣтра всѣ эти кочи вмѣстѣ поплыли къ Омолоевой губѣ, въ которой однако былъ наносный ледъ, отчего приходилось плыть съ большими затрудненіями; на другой сторонѣ губы протокъ между островомъ и берегомъ, гдѣ обыкновенно ходили кочи, оказался совершенно затертымъ льдами. Путешественники общими усиліями просѣкли льды и провели свои кочи ближе къ берегу, держась котораго въ однѣ сутки доплыли до устья р. Яны; тутъ опять имъ встрѣтились большіе льды и только благодаря отлогости морскаго берега, препятствующей большимъ льдинамъ приближаться къ нему, они, слѣдуя подлѣ берега, благополучно, хотя и съ большимъ трудомъ, миновали Святой носъ и достигли Хромой губы. Губа эта была наполнена огромными льдинами, которые затрудняли плаваніе кочей, но имъ еще болѣе приносили вреда тонкіе льды, покрывшіе море и образовавшіеся отъ ночныхъ морозовъ; они рѣзали края кочей. Но вотъ 30 Августа замерзло все море и пять кочей встали недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Черезъ три дня ледъ сдѣлался толщиной въ ладонь и Булдаковъ съ товарищами хотѣлъ перетащить весь

грузъ съ кочей на берегъ, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ съ берега, которымъ изломало ледъ и кочи отнесло вмѣстѣ со льдомъ въ море, гдѣ ихъ носило пять дней. Наконецъ вѣтры утихи и море снова покрылось льдомъ, такъ что на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ началъ посылать по нѣскольку человекъ для провѣдыванія земли, которые на разстояніи дня отъ коча Булдакова усмотрѣли бывший съ ними кочъ казака Андрея Горѣлова. Тогда Булдаковъ рѣшился свезти нартами весь грузъ съ пяти бывшихъ при немъ кочей къ кочу Горѣлова, такъ какъ онъ по предположенію былъ ближе къ землѣ. Дѣйствительно, нарты были сдѣланы и нагружены, какъ вдругъ въ морѣ прибыла вода и разломала ледъ, хотя онъ былъ уже въ поларшина толщиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ и погналъ льды, на которыхъ находился Булдаковъ съ товарищами, въ море, по которому ихъ носило 5 сутокъ, послѣ чего вѣтеръ стихъ и начались небольшіе морозы. Спутники Булдакова были въ отчаяніи, положеніе ихъ было ужасное: кочи ихъ были переломаны, сами они были страшно изнурены цынгомъ, стужей, голодомъ и трудомъ. Для своего спасенія отъ очевидной гибели они рѣшились на послѣднее средство: взявъ каждый сколько могъ самаго для себя необходимаго, всѣ отправились по направленію къ берегу. Во время пути имъ привелось терпѣть страшные труды, такъ ледъ подъ ихъ ногами изломало и они должны были перебираться съ одной льдины на другую съ помощію шестовъ и веревокъ „и мы на нартахъ и веревкахъ другъ друга переволачивали, и съ льдины на льдину перепихивались, и идучи по льду кормъ и одежду на ледъ метали, а лодокъ отъ кочей съ собою не взяли, потому что моремъ идучи одыжили, волочь не въ мочь, на волю Божию пустились, а отъ кочей шли по льду до земли девять дней“. Наконецъ они вышли на берегъ близъ устья р. Индигирки и послѣ многихъ трудовъ и лишеній достигли Уяндинскаго зимовья ¹⁾).

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. 3, № 79.

Цѣной такихъ усилій Якутская область была въ продолженіе 20 лѣтъ вполне открыта и подчинена русскому владычеству и во всѣхъ важныхъ пунктахъ ея были основаны остроги для наблюденія и удержанія въ покорности туземцевъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго устройства Якутской области, ея администраціи и узаконеній правительства касающихся русскихъ промышленныхъ и торговыхъ людей и положенія инородцевъ подъ новой властью Московскаго государства.

Въ Якутской области было обыкновенно по два воеводы вмѣстѣ, одинъ считался главнымъ, а другой его товарищемъ; на помощь имъ давался дьякъ, который велъ всю канцелярскую часть. Обязанности и права воеводъ видны изъ наказовъ, которые имъ давались при назначеніи на воеводскую должность. Въ рукахъ воеводъ сосредоточивалась какъ гражданская, такъ и военная власть; всѣ служилые люди, т. е. войска, находившіеся въ области были въ ихъ полномъ распоряженіи: онъ могъ посылать ихъ для усмиренія возмутившихся, для отысканія и покоренія новыхъ земель и для охраны остроговъ. Каждый воевода, по пріѣздѣ на мѣсто своего назначенія, долженъ былъ, прежде всего взять у своего предшественника всѣ государевы грамоты и областную печать. Затѣмъ взять городскіе ключи, осмотрѣть укрѣпленія и провѣрить всѣ запасы, находящіеся въ городѣ, какъ хлѣбные, такъ и военные; далѣе провѣрить по книгамъ казну и количество мягкой рухляди. Наконецъ воеводы, по своемъ пріѣздѣ, должны собрать въ воеводскую избу изъ каждой волости по два лучшихъ ясачныхъ человѣка, выйти къ нимъ въ цвѣтномъ платьѣ въ сопровожденіи служащихъ, также прилично одѣтыхъ и вооруженныхъ, и объявить имъ жалованное царское слово, объяснивъ, что государь прислалъ воеводу для охраны ихъ покоя и имущества отъ притѣсненія и корыстолюбія и спросить, не было ли имъ какихъ обидъ и притѣсненій отъ прежнихъ воеводъ. Наконецъ, угостивъ ихъ на казенный счетъ, распустить по домамъ, наказавъ при этомъ, „чтобы они государевъ ясакъ и поминки готова по вся годы приносили сполна“.

По вступленіи въ управленіе областью воевода долженъ былъ держать городъ и остроги съ осмотрительностью отъ непріятеля, чинить судъ и расправу по справедливости и какъ можно стараться объ отысканіи новыхъ земель, объ ихъ присоединеніи подъ власть Московскаго государя и главнымъ образомъ объ увеличеніи сбора ясака ¹⁾).

Для удобнѣйшаго сбора ясака и удержанія ясачныхъ людей въ подданствѣ, пространства, на которыхъ обитали кочевые и бродячіе инородцы, объясаченные русскими, раздѣлялись на округи, называвшіеся улусами, въ которыхъ ставились остроги, обнесенные палисадами и зимовья или малыя остроги, а иногда нѣсколько избъ, пичъмъ не огражденныхъ, которыя назывались также зимовьями. Нѣкоторыя зимовья не имѣли постоянного гарнизона и служили мѣстомъ пріюта во время сбора ясака для ясачныхъ сборщиковъ и казаковъ; но болѣе важныя остроги всегда имѣли постоянный, хотя и не многочисленный гарнизонъ, который смѣнялся чрезъ каждыя три гола новымъ гарнизономъ. Назначеніе начальника острога и смѣна гарнизоновъ вполнѣ зависѣла отъ воеводъ. Завѣдующимъ острогами давались отъ воеводъ наказы, въ которыхъ излагались инструкціи для ихъ дѣйствій, во многомъ сходныя съ инструкціями даваемыми воеводамъ. На ихъ обязанности лежало принятіе острога отъ предшественника, исправный сборъ ясака, ласковое обхожденіе съ подвластными, правильное веденіе списковъ ясачнымъ людямъ и собираніе ясака, наблюденіе за служивыми, торговыми и промышленными людьми, чтобы они не производили мѣны своихъ товаровъ на мягкую рухлядь иноземцевъ прежде сбора ясака. Далѣе, начальники остроговъ должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы сборщики ясака не брали себѣ мягкой рухляди у ясачныхъ людей за поноровку въ ясагѣ, или насильно, если же у кого окажется такая мягкая рухлядь, то ее отбирать въ казну.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. Наказы якутскимъ воеводамъ, объ отправленіи ими должности.

Если служилые люди, собравъ ясакъ, дорогою будутъ прятать его у ясачныхъ людей съ цѣлію завладѣть самимъ, то этихъ служилыхъ людей предписывалось „бить батоги нещадно, а ихъ рухлядь отбирать на государе“. Начальники остроговъ должны были внушать туземцамъ, чтобы они, оставшюся отъ сбора ясака и поминоеъ рухлядь въ иные немирные землицы, которые не подъ государевою высокою рукою, не отвозили и за свой счетъ не торговали. Наконецъ въ острожкахъ по башнямъ приказывалось имѣть постоянные караулы днемъ и ночью; аманатовъ велѣно было держать въ аманатскихъ избахъ, въ казенкахъ за запоромъ и въ желѣзахъ за крѣпкою стражей, чтобы не могли освободить ихъ родственники и другіе немирные люди¹⁾. Каждый годъ начальники остроговъ и зимовій, а также служивые люди, посылаемые за сборомъ ясака, должны были присылать собранный съ инородцевъ ясакъ въ Якутскій острогъ, при росписяхъ; гдѣ этотъ ясачный сборъ, по приказанію воеводы, торговые и промышленные люди разбирали по сортамъ, цѣнили прямой сибирской цѣной и, написавъ оцѣночные списки, прикладывали подъ эти списки свои руки. Послѣ этого весь ясачный сборъ запечатывался государевою печатью („а государева печать въ Якутскомъ острогѣ серебряная, вырѣзанъ на ней орелъ поймалъ соболя, около орла вырѣзано: печать государева новыя Сибирскіе земли, что на Великой рѣкѣ Ленѣ“), потомъ вмѣстѣ съ ясачными книгами и оцѣночными росписями отсылался подъ охраной служилыхъ людей въ Москву въ сибирскій приказъ²⁾. Ознакомившись съ управленіемъ, рассмотримъ распоряженія правительства относительно промышленности въ якутской области.

Такъ какъ инородцы якутской области не имѣли никакихъ понятій о земледѣліи, то всѣ хлѣбные запасы для русскихъ должны были доставляться туда изъ Тобольска и даже изъ Россіи, что конечно было во 1-хъ весьма неудобно, а во

¹⁾ Допол. къ акт. ист. т. 4, № 30, 46, 87 и др.

²⁾ Тамъ же т. 4, № 46.

2-хъ обходилось казвѣ очень дорого. Весьма естественно поэтому, что правительство Московское, стремившееся къ тому, чтобы какъ можно увеличить доходы съ новой области и уменьшить на нее расходы, пришло къ мысли распространить земледѣліе во вновь покоренной странѣ. На первыхъ же порахъ присоединенія области, правительство приказываетъ воеводамъ Головину и Глѣбову осмотрѣть по р. Ленѣ и ея притокамъ мѣстности, удобныя для развитія хлѣбопашества и сѣнокосовъ и сдѣлать соображеніе, сколько можно поселить на этихъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого приказанія Якутскіе воеводы Глѣбовъ и Головинъ послали для осмотра и описанія пашенныхъ земель пятидесятника Баландина, который представилъ имъ роспись слѣдующимъ мѣстамъ удобнымъ для заселенія хлѣбопашцами: по обѣ стороны р. Илима до Ленскаго волоку, отъ устья Куты по р. Ленѣ внизъ до устья Киренги и далѣе до Тунгусскаго волоку; а въ окрестностяхъ Якутска „хлѣбной пашни не чаать, земля и среди лѣта вся не растаиваетъ“¹⁾. По полученіи этой росписи Якутскіе воеводы писали Енисейскому воеводѣ „чтобы онъ велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ на торгу и въ деревняхъ прокликать не по одважды: кто похочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садитца на Илимѣ рѣкѣ, и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя ото всей своей пахоты пятый снопъ; а на Ленѣ рѣкѣ, которые похотятъ въ пашню же сѣсть, и тѣмъ изъ государевы казны на лошадь деньги не въ отдачу, а на другую лошадь дать денегъ взаимы изъ государевы же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы, и косы и сошники, и на государевы десятины сѣмяна по вся годы государевы, а пахать имъ на государя до государева указу съ перваго году семью десятину въ полѣ, а въ двухъ (т. е. озимомъ и яровомъ) потомужъ“. Должно замѣтить однако что первоначальныя поселенія по означеннымъ мѣстамъ производились не на тѣхъ условіяхъ, которыя изложены выше, а на другихъ..

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 90.

Первыми поселились на новыхъ мѣстахъ Ерофей Хабаровъ, прославившійся впоследствии открытіемъ Амурскаго края и Пантелей Явовлевъ Устюженинъ. Первый поселился на устьѣ р. Киренги, а второй на Тунгускомъ волоку на слѣдующихъ условіяхъ: Пантелею Устюженину давалось отъ казны на лошадь и обзаведеніе 30 руб. не въ отдачу, и еще 30 руб. заимообразно на два года, „а пахать ему на государя съ перваго года десятая десятина въ полѣ, а въ двухъ потомужь, а сѣмена ржаные и яровые на ту десятину давать государевы“. Хабаровъ же долженъ былъ засѣвать государеву десятину на свой счетъ ¹⁾. Вслѣдъ за ними начинаютъ поселяться и другіе на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ поселился Пантелей Устюженинъ. Но при этомъ сверхъ обработки десятины на государя, новые поселенцы должны были платить десятую часть урожая со своихъ полей. Десятина эта бралась слѣдующимъ образомъ: весь сжатый хлѣбъ раздѣлялся на три сорта лучший, средній и плохой и изъ каждаго сорта бралось по десяти сноповъ со ста; эти снопы должны были обмолотить пашенные люди и уже обмолоченный хлѣбъ поступалъ въ государевы амбары ¹⁾. Хлѣбъ такимъ образомъ собираемый шелъ на продовольствіе войска, находящагося въ области, хотя, конечно, этого хлѣба было недостаточно, такъ какъ число хлѣбопашцевъ было небольшое, а потому доставка хлѣба изъ Тобольска въ XVII стол. не прекращалась. Якутскимъ воеводамъ дѣлались также постоянныя подтвержденія, чтобы они отыскивали серебряную и золотую руду; но всѣ поиски и разспросы инородцевъ о мѣстахъ нахождения руды оказались напрасными—никакихъ рудъ въ Якутской области не нашлось.

Правительство обратило также вниманіе на добываніе моржевыхъ зубовъ и мамонтовыхъ костей. Когда правительство узнало изъ отписокъ Стадухина, Селивестрова и Дежнева, что по берегамъ Ледовитаго океана лежитъ много заморской.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 2, № 92.

²⁾ Тамъ же № 73.

кости (т. е. мамонтовой), а также въ огромномъ количествѣ выплываютъ моржи на извѣстныхъ мѣстахъ и что охота за этими моржами можетъ дать большую прибыль казнѣ, то немедленно же отправило Якутскимъ воеводамъ грамоту, въ которой приказывалось имъ посылать служилыхъ людей на промыслы за этою мамонтовою костью. „И тою костью привозить въ Якутскъ а изъ Якутска присылать въ Москву, а велѣли бы служилымъ людямъ ту рыбу кость добывать на насъ ежегодно безденежно¹⁾. Равнымъ образомъ правительство сдѣлало распоряженіе и о томъ, чтобы посылать служилыхъ людей за промыслами моржевыхъ костей, „давъ имъ (т. е. служилымъ людямъ) для промыслу того рыба зубу желѣзныя спицы и иной рыба зубу всякой промышленный заводъ“. При этомъ служилые люди должны были промышленать моржевую кость исполу, т. е. половину отдавать въ пользу казны, а другую брать себѣ; да кромѣ того съ своей половины они должны были давать въ пользу казны еще десятую часть „а что за десятою останется, имати на насъ же въ цену, и давши имъ изъ наше казны за большую кость по 15 и по 20 рублей, а за меньшую кость по 12 рублей за пудъ²⁾ что же касается до вольныхъ промышленныхъ людей, то они платили на государя за свои промыслы десятую часть лутчимъ рыбьимъ зубомъ“. Да кромѣ того самыя лучшія и большія кости записывались на государя³⁾. Судя по большому количеству добываемой въ то время кости и по ея цѣнѣ, эта отрасль промышленности, можно думать, доставляла казнѣ очень большую прибыль.

Относительно торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ въ якутскую область съ своими товарами и хлѣбными запасами, съ цѣлю мѣны этихъ товаровъ на мѣха инородцевъ, были слѣдующія постановленія. При вѣздѣ въ якутскую область эти торговые люди обязаны были явиться въ таможенную и предста-

¹⁾ Тамъ же т. 3, № 97.

²⁾ Тамъ же т. 4, № 45.

³⁾ Тамъ же т. 3, № 98.

вить проѣзжія грамоты на свои товары, по этимъ грамотамъ таможенный голова или же цѣловальникъ провѣрялъ привозные товары и, если оказывалось товаровъ болѣе, чѣмъ значилось въ проѣзжихъ, и государева отѣзжая и десятая пошлина не взята, но эти лишніе товары отбирались и записывались на государя. Торговать съ инородцами торговымъ и промышленнымъ людямъ въ ясачныхъ волостяхъ и въ улусахъ и въ новыхъ земляцахъ строго воспрещалось прежде сбора государева ясака. Точно также предписывалось строго наблюдать, чтобы торговые и промышленные люди въ зимовьяхъ вина, и пива, и браги, и табаку не держали и не торговали. Слѣдуетъ замѣтить, что инородцы Якутской области были большіе охотники до вина и табаку и готовы были за эти двѣ вещи отдавать лучшіе свои мѣха, что конечно было бы весьма убыточно для казны, поэтому-то правительство воспрещало курить и держать вино частнымъ лицамъ и жестоко наказывало ослушниковъ. Власти якутскія должны были также слѣдить, чтобы торговые и промышленные люди, по окончаніи своихъ промысловъ не проѣзжали мимо Якутскаго острога, а являлись въ якутскую таможенную таможенному головѣ и цѣловальникамъ, которые брали десятую пошлину съ товаровъ лучшимъ звѣремъ; затѣмъ лучшіе изъ оставшихся мѣховъ покупали на государя и наконецъ, взявши отѣзжихъ пошлинъ съ рубля по денгѣ, выдавали на всѣ товары и на мягкую рухлядь проѣзжія грамоты по одной на лицо, за государевую ленскую таможенную печатью, которая изображала собою барса, поймавшаго соболя съ надписью „печать государева Сибирскаго государства великіе Лены рѣки таможенная“. Если же торговые и промышленные люди станутъ торговать между собой соболиной мягкой рухлядью, то съ нихъ берется десятая и перекупная пошлина съ торговаго и промышленнаго челоуѣка съ рубля по алтыну, а со служилыхъ съ рубля по двѣ гривны, покушникъ же платитъ десятую пошлину товаромъ.

Какъ воеводы, такъ и всѣ должностныя лица не должны были заводить торговлю ни въ городѣ, ни въ ясачныхъ воло-

стяхъ чрезъ родственниковъ, служащихъ или постороннихъ угодниковъ, подъ опасеніемъ опалы „и товаровъ съ собою (говорилось въ наказахъ воеводамъ) съ Руси въ Сибирь и съ Сибирскихъ городовъ на Лену рѣку, опричь государевыхъ и своихъ указныхъ запасовъ, ничего не возити, и съ ясачными и торговыми и промышленными людьми ничѣмъ не торговати и надъ служилыми людьми смотрити и беречи того навкрѣпко, чтобы они вина и табаку и товаровъ никакихъ не имали и не возили, и на Ленѣ рѣкѣ въ острожки и по ясакъ ходячи съ ясачными людьми на мягкую рухлядь не мѣняли, и ничѣмъ не торговали“.

Изъ грамотъ къ якутскимъ воеводамъ видно, что якутская область вскорѣ послѣ ея завоеванія назначается правительствомъ мѣстомъ ссылки для всякаго рода людей, чѣмъ либо провинившихся въ Россіи. При этомъ приказывалось даже зачислять ихъ въ ней на службу, смотря по ихъ званію и способностямъ. Такъ въ грамотѣ 1649 г., якутскому воеводѣ Францебекову говорится, чтобы воеводы „верстали въ службу ссыльныхъ людей, которыхъ по нашему указу велѣно верстати въ службу“¹⁾.

Племена, обитавшія въ якутской области, не составляли болѣе или менѣе сплоченныхъ обществъ; напротивъ онѣ были разсѣяны по лѣсамъ и тундрамъ области не большими группами, состоявшими изъ одного или нѣсколькихъ родовъ и не имѣвшими никакой зависимости другъ отъ друга. Въ каждомъ родѣ былъ старѣйшина, или какъ называли русскіе князецъ, который и завѣдывалъ всѣми немногосложными дѣлами своего рода. Съ приходомъ русскихъ и съ покореніемъ ихъ власти инородцевъ внутренней строй ихъ быта оставался неизмѣненнымъ. Зависимость инородцевъ отъ русскаго правительства обозначалась присягой на вѣрность московскому государю и главнымъ образомъ платежемъ различнаго рода поборовъ, которые произвели большое измѣненіе въ экономическомъ положеніи инородцевъ и извѣстно подъ именемъ ясака. „И тѣхъ

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 3, № 63.

иноземцевъ лутчихъ людей (говорилось въ наказахъ) приводить по ихъ вѣрѣ къ щертѣ (присягѣ) на томъ, чтобы государю служить и прямиать и добра во всемъ хотѣть, и ясакъ съ себя и съ своихъ улусныхъ людей платили полной, и государевыхъ людей не побивать и не грабить, и быть подъ его царскою высокою рукою со всѣмъ своимъ родомъ и съ улусными людьми на вѣки неотступно въ прямомъ холопствѣ“. Обыкновенно разъ взятый съ какого нибудь рода ясакъ влезъ за собою уже постоянную обязанность подданства. Ясакъ съ инородцевъ брался всегда разнаго рода пушными товарами, какъ-то: соболями, бобрами, лисицами, песцами и пр. брали даже шубы съ туземцевъ. При этомъ требовалось, чтобы ясакъ платился самыми лучшими мѣхами. А съ тѣхъ инородцевъ, у которыхъ не было мѣховъ и которые занимались моржевнымъ промысломъ, ясакъ брался моржевными клыками. Ясакъ былъ трехъ родовъ: во 1-хъ податной, который должны были платить всѣ взрослые туземцы, въ неопредѣленномъ размѣрѣ, во 2-хъ десятинный т. е. десятая часть мѣховъ, добытыхъ ясачными людьми на промыслахъ и въ 3-хъ поминочный или поелонный, количество котораго опредѣлялось доброю волею дающаго. Инородцы, живущіе по близости къ Якутску, каждый годъ должны были привозить туда ясачный сборъ, гдѣ выдавались имъ отписки (росписки) за печатью государя и за подписью дьяка. Въ мѣста же отдаленныя отъ Якутска для сбора ясака посылались служилые люди, которые ходили по улусамъ инородцевъ и по спискамъ собирали съ нихъ ясакъ, давая въ полученіи его лицамъ заплатившимъ росписки. Сборъ ясака производился одинъ разъ въ годъ, другой ясакъ брать въ томъ же году строго воспрещалось.

Такъ какъ обитатели якутской области не имѣли опредѣленнаго мѣста жительства, а перекочевывали съ одного мѣста на другое, то имъ легко можно было бы увлечься отъ исполненія ясачной повинности. Но правительство, предвидя возможность такого явленія приняло довольно дѣйствительное средство для предотвращенія его и для побужденія ясачныхъ

иноземцевъ къ правильной уплатѣ ясака. Оно предписывало брать съ каждаго обясаченнаго рода аманатовъ (т. е. заложниковъ) изъ лучшихъ людей и содержать ихъ подъ строгимъ карауломъ въ ближайшихъ къ ихъ улусамъ зимовьяхъ или острожкахъ, на казенный счетъ. Имѣя такимъ образомъ въ своихъ рукахъ наиболѣе представительныхъ членовъ извѣстнаго рода, русскіе уже могли рассчитывать на покорность этого рода и на болѣе или менѣе правильную уплату ясака. Дѣйствительно, весьма часто случалось, что какъ только аманать убѣгалъ отъ Русскихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалась тѣмъ родомъ, къ которому принадлежалъ аманать, и уплата ясака. Точно также, когда ввородцы возмущались противъ Русскихъ и нападали на Русскіе острожки и зимовья, то всегда старались выручить находящихся тамъ аманатовъ. Извѣстный аманать могъ быть отпущенъ въ свой улусъ только тогда, когда приходилъ къ нему кто нибудь другой изъ его рода.

Подати разныхъ сортовъ, наложенныя Русскимъ правительствомъ на покоренныхъ иноземцевъ, были довольно тяжелы, особенно если принять во вниманіе неопредѣленный размѣръ ясака и характеръ самыхъ его сборщиковъ—служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ было много ссыльныхъ, слѣдовательно людей зарекомендовавшихъ себя съ худой стороны. При неопредѣленномъ размѣрѣ ясака и при отдаленности края отъ центра управленія—Москвы, открывался свободный просторъ для произвольныхъ дѣйствій и корыстолюбія воеводъ и служилыхъ людей. Дѣйствительно многіе воеводы, держась пословицы „до Бога высоко, до царя далеко“, отличались крайнимъ произволомъ, несправедливостями и жестокостями. На сколько произвольны были дѣйствія воеводъ въ этомъ краѣ, можно судить по поступкамъ перваго воеводы Головина, который два года держалъ въ тюрьмѣ своихъ товарищей Матьвѣя Глѣбова и дьяка Филатова, а также въ семи тюрьмахъ держалъ болѣе ста человекъ служивыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, обвиняя ихъ въ подстреканіи Якутовъ къ возмущенію и напа-

денію на Якутскъ; а для подтвержденія своего обвиненія старался вымучить у плѣнныхъ возмущившихся якутовъ показаніе на Глѣбова и Филатова въ благопріятномъ для него смыслѣ „якутовъ, вѣзцевъ и улусныхъ людей (говорилось въ челобитной на Головна) пыталъ и огнемъ жегъ и кнутомъ билъ большіе мѣсяца, въ три палача, безъ пощады, и тѣ, де якуты въ тѣ поры съ пытки и съ огня, на нихъ на Матвѣя и на Евѣимія и на русскихъ людей ни накого той якутцой измѣны и русскихъ людей въ убійство въ наученьѣ ничего не говорили-жъ; и Петръ де Головинъ послѣ того своего сыску, тѣхъ якутовъ лутчихъ людей и аманатовъ повѣсилъ двадцать три человекъ, а иныхъ выбравъ же лучшихъ людей билъ кнутѣмъ безъ пощады, и съ того кнута многіе якуты померли и тѣхъ мертвыхъ Петръ вѣшалъ же“ ¹⁾. Смѣнливѣйшій его воевода Пушкинъ также отличался произволомъ, жестокостями и взяточничествомъ. Такъ, онъ не сполна выдавалъ жалованье, слѣдующее служилымъ людямъ, бралъ со служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей большіе взятки: тѣхъ же, которые не въ состояніи были давать взятку, всячески притѣснялъ; большую часть поминочнаго сбора приносимаго якутами, утаивалъ у себя. Служилыхъ людей; подававшихъ челобитныя о дачѣ жалованья, наказывалъ жестоко батогами и говорилъ: „я де не Петръ Головинъ, всѣмъ исподтиха выведу, а на кого де руку наложу, и ему де отъ меня свѣту не видать и изъ тюрьмы не бывать“ ²⁾. При такомъ порядкѣ дѣлъ незавидно было положеніе въ якутской области даже русскихъ торговыхъ и служилыхъ людей, но еще тяжелѣе было положеніе инородцевъ, такъ какъ, если высшія власти области, которымъ поручалось управленіе краемъ, соблюденіе государственныхъ интересовъ, наблюденіе за правосудіемъ, которыя должны были давать защиту притѣсняемымъ, являлись людьми жестокими, своекорыстными и несправедливыми, то еще менѣе мож-

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 3-й № 5-й.

²⁾ Тамъ же № 56-й.

но было ожидать справедливости и безкорыстія отъ низшихъ исполнителей власти—людей служилаго класса, которымъ поручался сборъ ясака, а также и отъ людей промышленныхъ, которые пользуясь беззащитностію инородцевъ, производили свои промыслы на соболей и другихъ звѣрей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ промысляли ясачные инородцы, отчего промысловыя мѣста бѣдвѣли звѣрями и инородцамъ негдѣ было доставать ясака. Хотя правительство постоянно въ своихъ наказахъ писало, чтобы служилые люди „ходячи по ясаку, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому никакихъ нѣкоторыми мѣрами не чинили, собирали бы съ нихъ государень ясаку ласкою и привѣтомъ, а не жесточью и не правемъ“; однако эти благія распоряженія большею частию оставались пустыми словами, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этими распоряженіями шли другія подтвержденія, „чтобы собирать государевъ ясаку предъ прежнимъ съ прибылью, и чтобы съ ясачныхъ людей ясачнымъ сборщикомъ ясаку собирать по прежнему, безъ поноровки, чтобы въ ясаку недобору не было“. Опираясь на такія подтвержденія и на неопредѣленное количество ясака, ясачные сборщики могли производить вымогательства и насилія надъ туземными инородцами. Понятно поэтому, что выведенные изъ терпѣнья инородцы возмущались иногда противъ русскихъ, убивали русскихъ служилыхъ и промышленныхъ людей и переставали платить ясаку, но такъ какъ эти возмущенія не имѣли правильной организаціи, то возмутьившіеся скоро усмирялись русскими и снова обьясачивались. Конечно, были также возмущенія противъ русской власти, вызываемыя не притѣсненіями русскихъ, а желаніемъ отстоять свою независимость и прежнее свое положеніе; но всѣ эти возмущенія не могли принести инородцамъ ничего, кромѣ вреда.—Съ покореніемъ якутской области инородцамъ привелось испытывать бѣдствія и другаго рода, бѣдствія причиняемыя заразительною и страшною въ то время болѣзнію—оспою, принесенною туда русскими и истребившею значительную часть туземнаго населенія. Такъ напр. оспа опустошала якутскую

область съ 1650 по 1652 годъ. Также сильно свирѣпствовала оспа въ 1681, 1691 и 1695 годахъ. Нужно при этомъ замѣтить, что русскіе не принимали никакихъ мѣръ къ прекращенію этой эпидеміи и къ облегченію участи ипородцевъ. Напротивъ они и тутъ заботились только о томъ, чтобы не уменьшался ясачный сборъ; для чего воеводы приказывали ясачнымъ сборщикамъ стараться, чтобы не пропадалъ ясакъ съ умершихъ и чтобы они брали этотъ ясакъ съ тѣхъ, которые послѣ умершихъ „животы и скотъ взяли“, а для этого они должны наблюдать и записывать „у кого сколько чего живота и скота послѣ смерти осталось, и кто сколько чего взялъ, для того, чтобы и впередъ было на комъ собирать государевъ ясакъ“. Русскіе въ томъ случаѣ прибѣгами даже къ обману: „а якутскимъ князю (говорилось въ наказѣ ясачнымъ сборщикамъ) и лутчимъ и улуснымъ людямъ про то, что послѣ умершихъ скотъ описывать для государеву ясаку и поминковъ, не оказывать, а говорить имъ якутомъ рѣчью, что де стольникъ и воевода Ивапъ Половичъ Акинфовъ да дьякъ Осипъ Степановъ велѣли у васъ у якутскихъ князей и у лутчихъ якутовъ и у улусныхъ людей умершихъ якутовъ скотъ описывать, жалючи васъ же якутовъ, чтобы тѣхъ умершихъ якутовъ тотъ скотъ не ясачные якуты и якутскіе боканы не роскрасли и сильно не пмали“¹⁾.

На распространеніе христіанства среди покоренныхъ ипородцевъ также мало обращалось вниманія. При учрежденіи воеводства въ Якутскѣ туда посланы были вмѣстѣ съ воеводою четыре священника изъ Казани „чтобы на Ленѣ рѣкѣ безъ поповъ не были и служилые съ люди безъ покаянія и причастія не помирали“; вскорѣ была основана въ Якутскѣ и церковь. Но мы не находимъ никакихъ извѣстій, которыя бы показывали, что правительство посылало въ якутскую область духовныхъ съ миссіонерскою цѣлію, Оно ограничилось только нѣкоторыми постановленіями, касающимися тѣхъ ипоземцевъ, которые добровольно захотятъ креститься: „а будетъ кто изъ

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 3-й № 107-й.

ясачныхъ людей похочеть креститца своею волею, и тѣхъ людей велѣти крестить, сыскавъ про нихъ допрама, что своею ли волею они хотять креститца, и крестя мужской полъ, устроить ихъ въ государеву службу и верстать ихъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью пригодитца въ выбылыя Русскихъ служилыхъ людей мѣста; а будетъ кто изъ женскаго полу-жонки или дѣвки похотять креститца, и тѣхъ жонковъ и дѣвокъ потомужъ велѣти крестить и выдавати за мужъ за новокрещенныхъ же и за Русскихъ служилыхъ людей“¹⁾).

Завоеваніе якутской области открывало для подчиненія русской власти другія страны, лежащія далѣе на югъ и востокъ. На югѣ былъ открытъ Приамурскій край, а на востокѣ—приморская область и Камчатка, за предѣлами которыхъ воды Великаго океана остановили дальнѣйшее движеніе Русскихъ.

М. Красовскій.

¹⁾ Доп. къ акт. ист. т. 4-й № 46-й.

ХРОНИКА.

Пермская археологическая выставка 1894 г.

Вдѣ подъемъ духа, тамъ предпріятія. Замѣчательнѣе въ послѣднее время среди рабочихъ силъ Перми усиленный подъемъ дѣятельности выразился между прочимъ устройствомъ специально археологической выставки, организованной мѣстной архивною комиссіей и мѣстной комиссіей Уральского общества любителей естествознанія. Особенно пріятно отмѣтить, что выставка эта обошлась безъ субсидій со стороны правительственныхъ или общественныхъ учреждений: тѣмъ болѣе чести ея устроителямъ.

Конечно, выставка не могла быть богатою, но все же она представляла значительный интересъ и для специалиста. Основу и главный интересъ ея составила извѣстная, еще не изданная коллекція древности пермской чуди, принадлежащая наслѣдникамъ А. Е. Теплоухова. Императорск. археологическая комиссія прислала коллекцію вещей изъ раскопокъ В. Г. Дружинина въ окрестностяхъ Кыштымскаго завода и собраніе рисунковъ къ подготавливаемому его изданію сассанидскихъ блюдь. Небольшія коллекціи выставили пермская архивная комиссія, Екатеринбургскій и Пермскій музеи У. О. Л. Е., Нижне-тагильскій музей изъ частныхъ лицъ отдѣльные предметы и коллекціи доставлены были гг. Досмановымъ (значительное собраніе монетъ и жетоновъ), Басовымъ (двѣ сассанидскія серебряныя чарки), Воронай (остяцкое серебряное блюдо), Новокрещенныхъ, Ременниковымъ, Дедюкинымъ, Лавровымъ, Чердынцевымъ, Башковымъ, Кисаревымъ, Вологдинымъ, Подосеновымъ; старинныя книги, рукописи и фотографія были доставлены гг. Дмитріевымъ, Кропачевымъ, Щеголихинымъ, Суворовымъ, Киселевымъ, Шумайловымъ, Новокрещенныхъ, Вологдиными, Остроумовымъ, Ржевскими, отдѣлъ церковныхъ древностей почти совершенно отсутствовалъ.

Выставка продолжалась двѣ недѣли (6—19) іюля и прошла прекрасно. Такъ какъ главною цѣлью ея было возможно широкое ознакомленіе мѣстнаго населенія съ предметами древности края, чтобы достигъ этимъ путемъ большаго вниманія къ нимъ и содѣйствовать ихъ сбереженію, то выставка была объявлена бесплатной, и вслѣдствіе этого ежедневно посѣщалась массою горожанъ и пріѣзжихъ. Крестьяне—особенно желательные гости явля-

лись также въ большомъ количествѣ и, надо сказать, пріятно выдѣлялись своею толковою любознательностью. Осмотръ и изученіе коллекцій были облегчены своевременно изданнымъ каталогомъ. Для городской интеллигенціи выставка была очень осмыслена публичною лекціею о чудскихъ древностяхъ, прочтенною предъ самымъ ея открытіемъ лучшимъ въ настоящее время знатокомъ этихъ древностей—*Ө. А. Теплоуховымъ*, собравшей до 300 слушателей и выслушанной съ большимъ интересомъ. *Г. Теплоуховъ* въ этой лекціи впервые изложилъ въ обобщенномъ видѣ свои взгляды на культуру пермской чуди и иллюстрировалъ ихъ на коллекціяхъ выставки.

Конечно, выставка стоила немалого труда ея организаторамъ, но она прошла такъ дружно, свѣтло и полезно, что труды эти вознаграждены сто-рицею. Въ общемъ она оставляла наилучшее впечатлѣніе, и эти строки вызваны исключительно желаніемъ обратить вниманіе нашихъ провинціальныхъ дѣятелей на этотъ весьма удавшійся опытъ. Смѣемъ надѣяться, что и въ Перми чрезъ нѣкоторое время подобная выставка будетъ повторена, тѣмъ болѣе, что это не будетъ стоить большихъ усилій.

Пермскимъ древностямъ въ послѣднее время вообще посчастливилось. *Ө. Я. Теплоуховъ* началъ ихъ ученую обработку, Императ. Археологическая Коммиссія предпринимаетъ изданіе родовой коллекціи чудскихъ древностей, которой *г. Теплоуховъ* является настоящимъ владѣльцемъ, и имѣетъ въ виду рядъ новыхъ экспедицій въ Пермскій край; въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ тоже, повидимому, оживился интересъ къ чудскимъ древностямъ. Чудскіе могильники, упорно ускользавшіе отъ исследователей, въ настоящее время найдены. Нива готова и ждетъ дѣлателей.

А. Станицъ.

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Городище Япанчино на рѣкѣ Кубнѣ ¹⁾.

Япанчино, называемое мѣстными татарами только нарицательнымъ именемъ кала ²⁾, находится въ 30 верстахъ къ югу отъ города Свіяжска—въ его уѣздѣ и въ 4-хъ верстахъ отъ впаденія Кубни въ Свіягу; расположено на мѣстности, укрѣпленной съ трехъ сторонъ природою, а съ одной—двумя искусственными канавами и двумя земляными валами идущими параллельно другъ къ другу въ направленіи съ сѣвера къ югу и на протяженіи 110 саж. Сѣвернымъ концомъ оно опирается въ Кубню, а южнымъ—въ болото. Валы и каналы проведены параллельно восточной части горизонта и имѣютъ форму ломанной линіи; поверхность валовъ холмистая. Изъ нихъ внутренній валъ, вмѣстѣ съ площадью городища, въ настоящее время распахивается подъ посѣвъ, почему со стороны Кубни валы и каналы постепенно осыпаются. Площадь городища совершенно ровная и вся въ настоящее время вспахана. Величина этой площади сравнительно не велика.

Почва сверху черноземная, подпочва глинистая. Валы насыпаны изъ глины внятой для образованія рва; все это очень хорошо замѣтно со стороны, омываемой рѣкою. Рѣка Кубня омываетъ городище съ южной и западной стороны. Сѣверная и восточная стороны остаются неповрежденными, потому что сѣверная—ограничена болотомъ, а восточная валами и канавами. Немного не доходя до южнаго конца валовъ оставлено мѣсто для входа. Площадь городища отъ подмыванія береговъ съ каждымъ годомъ уменьшается, а противоположные берега Кубни отъ осадка ила и песку все больше и больше увеличиваются.

Вблизи городища, къ сѣверу отъ него на томъ же берегу Кубни, находится любопытная мѣстность—громадная насыпь ³⁾; неизвѣстно, насыпной курганъ или естественный. Легко принять за курганъ это довольно высокое

¹⁾ Лѣвый притокъ Свіяги.

²⁾ Что значитъ городъ.

³⁾ Не курганъ ли это?

продолговатое и поросшее уже лѣсомъ возвышеніе. Съ этого возвышенія можно видѣть не только городище, но и вѣѣ селенія въ его окрестностяхъ. Къ сожалѣнію объ этомъ возвышеніи никакихъ преданій мнѣ не извѣстно, о находкахъ тоже ничего не слышно. Помню только то, что проѣзжая мимоѣздомъ, я спрашивалъ объ этомъ возвышеніи двоихъ стариковъ изъ татаръ дер. Наратлы, которые со мною ѣздили на ближайшую ярмарку; по ихъ разсказамъ это есть ничто иное, какъ огромный курганъ, на которомъ обитатели городища приносили жертву и совершали свои св. обряды.

Въ описываемомъ городищѣ можно найти въ изобиліи черепки отъ красной и черной глиняной посуды (въ измелъченномъ видѣ), кусочки битого камня, перегнившія кости различныхъ животныхъ; кромѣ того здѣсь, при распахиваніи, находятъ всякаго рода мелкія издѣлія для домашняго обихода и украшенія изъ мѣди, желѣза и кости. Слѣдовъ построекъ не замѣтно, если не считать угля, который въ изобиліи находится и теперь, за остатки истребленныхъ огнемъ строеній во время раззоренія этого городища. Монетъ на этомъ городищѣ не находили. Много русскихъ монетъ находится въ его окрестностяхъ, гдѣ тысячи мѣстныхъ татаръ ежегодно праздновали зейнъ¹⁾, называемый ими кала алды²⁾.

По запискѣ Ходжи Хамита Ишмухаметова³⁾ и по преданію мѣстныхъ татаръ извѣстно, что здѣсь жили какіе то язычники, поклонники огня, не извѣстные нынѣшнимъ обитателямъ страны; къ нимъ нѣкогда принадлежали сосѣднія селенія Бурундукъ, Вузаева, Утякова, Утяшка, Чулпапка; предки нынѣшнихъ татаръ прогнали будто бы этихъ язычниковъ, которые удалились на сѣверъ (за Волгу). Мѣстное преданіе говоритъ, что одинъ ханскій сынъ изъ города Буляра по имени Нуратъ (по нынѣшнему произношенію Наратъ⁴⁾), сопровождаемый двухтысячнымъ отрядомъ, пришелъ къ владѣтелю этого городища—кану⁵⁾ за данью; канъ его не принялъ и отказалъ въ дани, почему князь Нуратъ просилъ у отца своего (хана Булярскаго) послать ему на помощь младшаго брата Дуртъ - Имяна съ такимъ же отрядомъ, какъ у него, чтобы отомстить кану за неповиновеніе. До прибытія князя Дуртъ - Имяна Нуратъ съ своимъ отрядомъ скрылся въ дремучемъ лѣсу и жилъ въ немъ нѣкоторое время. Мѣсто, гдѣ расположился Нуратъ съ своимъ войскомъ до прибытія своего брата, не извѣстно, если не считать за него мѣстность⁶⁾, находящуюся въ 12 верстахъ къ юго-западу отъ этого городища.

¹⁾ Увеселительный праздникъ для молодежи.

²⁾ Что значитъ взялъ городъ, въ старину, вѣроятно, употреблялось въ смыслѣ «взятіе города».

³⁾ Крестья инъ деревни татарской Наратлы, посвятившій себя путешествіемъ въ Мекку и Медину черезъ Кавказъ; умеръ въ 60-хъ годахъ, отъ него осталось много восточныхъ рукописей.

⁴⁾ Что значитъ сосна.

⁵⁾ Такъ назывался владѣтель этого городища—рукопись Хаджи Халита. Г. Шпилевскій говоритъ, что основателемъ этого города былъ Абдуль-Абсалюмовъ, царемъ же, по сказанію нѣкоторыхъ былъ Канъ.

⁶⁾ Мѣстность эта находится въ лѣсу деревни Малыхъ Каибичъ Кушманской волости, и для насъ любопытна тѣмъ, что состоитъ изъ безчисленнаго множества квадратныхъ или круглыхъ углубленій на подобіе межевыхъ

Когда прибылъ изъ города Буляра на помощь къ своему брату князь Дурть-Имянь съ своимъ двухтысячнымъ полчищемъ, то два родные предводители соединеннаго четырехъ-тысячнаго отряда рѣшили напасть ночью съ двухъ сторонъ: съ востока черезъ входъ въ городище и съ запада черезъ рѣку. Одна часть татарскаго отряда съ восточной стороны напала и подожгла укрѣпленія. Пока обитатели городища занимались тушеніемъ пожаровъ и продолжали отбивать непріятеля у входа въ городище, другая часть непріятельскаго полчища, предводительствуемая княземъ Нуратомъ напала съ запада черезъ рѣку. Городъ былъ взятъ и сожженъ татарами. Побѣжденный канъ скрылся въ сосѣднемъ лѣсу и потомъ, окруженный многочисленной толпою подчиненныхъ, удалился на сѣверъ. Жители прочихъ селеній также послѣдовали за побѣжденнымъ каномъ.

Существуетъ преданіе, что оба князя Нуратъ и Дурть-Имянь поселились на правомъ берегу Кубни на разстояніи двухъ верстъ отъ разореннаго городища и ихъ селеніе названо впослѣдствіи по имени старшаго брата Наратлы. Спустя нѣсколько лѣтъ потомки Дурть-Имяна по какой-то причинѣ удалились отъ этого мѣста и поселились въ нынѣшнемъ Спаскомъ уѣздѣ въ д. Дурть-Имянь.

Могила князя Нурата находится при деревнѣ татарской Наратлы, на правомъ берегу Кубни и составляетъ нынѣ курганъ, называемый мѣстными татарами Изгелляръ-Кабере, — что значитъ могила святыхъ. Курганъ этотъ имѣетъ круглую форму.

Можно предполагать, что религія обитателей городища Япанчино была языческая: выпавшія татарами вещи имѣютъ нѣкоторое сходство съ вещами, которыя мы встрѣчаемъ у нынѣшнихъ черемисъ и вотяковъ въ губерніяхъ Казанской и Вятской. По рассказамъ стариковъ лѣтъ 30 тому назадъ кладоискателями были выкопаны кости животныхъ—лошади и коровы, сложенные вмѣстѣ и покрытыя сверху каменною плитою; татары принимаютъ ихъ за талеры или червонцы, которые приняли такой видъ по волѣ духахранителя клада, послѣ того, какъ нашедшій кладъ вскрылъ его безъ необходимыхъ заклинаній. Это, вѣроятно, зарытыя въ землю кости жертвенныхъ животныхъ; онѣ были покрыты каменною плитою, чтобы предохранить ихъ отъ собакъ, — нынѣшніе черемисы и вотяки, принося въ жертву лошадь или быка, собираютъ кости жертвы, болѣе крупныя, въ особенности съ дырочками, вѣшаютъ на дерево, остальные зарываютъ въ землю. Мѣсто, гдѣ зарываютъ эти кости, загораживается, чтобы собаки ихъ не могли достать. Кромѣ этой находки кладоискатели въ недавнее время слѣдали другую—нашли круглую яму, выложенную камнями, на подобіе овинной ямы или небольшой круглой трубы, глубиною около аршина. Въ ней ничего не оказалось, кромѣ угля—въ намельченномъ видѣ.

ямъ; возлѣ каждой ямы есть небольшая земляная насыпь на подобіе небольшихъ круглыхъ кургановъ. Татары сосѣднихъ деревень называютъ эту мѣстность *موقشى فاتغان جیر*—мѣсто, гдѣ замерзъ Моқша.

Названія всѣхъ селеній, расположенныхъ среди лѣсовъ и болотъ, въ окрестностяхъ городища Япанчино, кажется обязаны своимъ происхожденіемъ вотскому и черемисскому языку. Имя Япанча, понмѣт среди вотяковъ и черемись очень распространено.

Корень этого слова—Япан—взять изъ перс. яз. и въ турецкихъ нарѣчіяхъ означаетъ степь, поле, долину (тат. япан—долина, степь; тур. ябан—пустыня).

Въ финскихъ же нарѣчіяхъ, какъ въ вотскомъ, япан — значить болотное и луговое мѣсто ¹⁾,

Г. Шпилевскій ²⁾ говоритъ, что царемъ этого города былъ Канъ. По преданію извѣстно, что владѣтелемъ его былъ Кунъ, а не Канъ; у Ходжи-Хамита тоже написано قون Кунъ — у нмѣтши въ вотяковъ значить князь владѣтель.

Названіе сосѣднихъ селеній: Бузай(ова), Бурундукъ, Чулпан(иха), Бтѣкъ (Утякова), Бтѣшка (Уташка) происходитъ также, по видимому, отъ финскихъ личныхъ именъ.

Бузай—вотско-языческое имя; Бужай, Бубай—черем. яз. имена и названія черемисскихъ деревень въ Елабужскомъ уѣздѣ.

Бѣрѣндѣкъ, Бѣрѣнды языческія имена часто встрѣчаемыя у вотяковъ и черемисъ. Ср. Бурундук(ова)—названіе вотской деревни въ Елабужскомъ уѣздѣ, Бурунды—названіе села въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Бурундукъ—названіе вотской деревни въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

II. ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Свидѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ.

Дервыми извѣстіями объ этой странѣ мы обязаны китайцамъ, которые со II в. до Р. X. начинаютъ посѣщать западный Туркестанъ. Въ то время здѣсь были два кочевыхъ народа: къ сѣверо-востоку отъ Ферганы (въ Семирѣчьѣ) жилъ народъ У-сунъ, къ сѣверо-западу (въ Сыръ-дарьинской области)—народъ Канъ-гуй. По китайской транскрипціи трудно возстановить истинныя названія народовъ. Названіе Усунъ, какъ извѣстно, и теперь принадлежитъ одной изъ трехъ киргизъ-казацкихъ ордъ, именно Большой ордѣ; возможно, что здѣсь сохранилось названіе древняго народа, хотя теперешніе усуні отнюдь не походятъ на древнихъ, которые, судя по китайскому описанію, по крайней мѣрѣ по типу были чистыми арийцами. Можно предположить, что остатки этого народа, смѣшавшись съ тюрками, передали имъ свое имя, подобно тому какъ многія названія монгольскихъ народовъ сохранились среди узбекскихъ и казацкихъ родовъ. Мнѣніе о. Іакинеа, раздѣляемое д-ромъ

¹⁾ Очень можетъ быть, что названіе этого города происходило отъ обилія луговъ въ его окрестностяхъ; какъ назв. сосѣдней деревни Луговское.

²⁾ «Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи.

Зеландомъ, что усуни были калмыками, едва ли состоятельно; калмыки проникли въ Семирѣчье только въ XV в., и до XII мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на то, что среди мѣстнаго населенія былъ монгольской элементъ. Кангюйцы вѣроятно соотвѣтствуютъ народу Kangha, упоминаемому въ Зендъ-Авестѣ; ихъ отождествляютъ также съ тюркскимъ народомъ Канглы, но сомнительно, чтобы тюрки такъ рано проникли въ западный Туркестанъ. Какъ кангюйцы, такъ и усуни, судя по описанію китайцевъ, ничѣмъ не стояли выше тюркскихъ кочевниковъ; поэтому мнѣніе, приписывающее усунямъ кирпичныя постройки и предметы болѣе высокой культуры, найденные въ водахъ Иссыкъ-куля и на берегахъ этого озера, кажется мнѣ совершенно ошибочнымъ.

Въ то время упоминается только объ одномъ пути изъ восточнаго Туркестана въ западной—черезъ Фергану; Семирѣчье пока оставалось въ сторонѣ отъ движенія торговли, а слѣдовательно и культуры. Путь черезъ Семирѣчье упоминается не раньше VII в., но движеніе по немъ несомнѣнно началось раньше, такъ какъ въ VII в. мы находимъ тамъ уже значительные торговые города. На уст.новленіе новаго пути вѣроятно повліяло образованіе (въ концѣ VI в.) обширной тюркской имперіи, простиравшейся отъ Великаго океана почти до Чернаго моря; средоточіемъ ея былъ Алтай. Столицы подобныхъ кочевыхъ государствъ всегда становились важнымъ торговымъ пунктомъ. Когда имперія тюрковъ (въ концѣ VI в.) распалась, ханы западныхъ тюрковъ большею частью жили въ Семирѣчѣ, что еще болѣе должно было поднять значеніе этой страны. Кромѣ того въ Ферганѣ въ VII в. происходили смуты, продолжавшіяся нѣсколько десятилѣтій—и это обстоятельство могло заставлять купцовъ предпочитать другой путь. Судя по описанію Сюань-цана, культура страны въ его время (648 г.) стояла уже довольно высоко; половина жителей занималась земледѣіемъ, другая половина—торговлей; у нихъ былъ алфавитъ, были историческія сочиненія. Притомъ эта культура находилась въ зависимости отъ трансоксіанской, не отъ восточно-туркестанской: по словамъ Сюань-цана «отъ города на рѣкѣ Суй-ѣ (Чу) до царства Гэ-шуан-на (у мусульманъ Саганіанъ, нынѣ Гиссарская область, въ восточной части Бухарскаго ханства) страна называлась Су-ли; жители носили то же самое названіе, которое прилагалось также къ ихъ письменамъ и языку». Это извѣстіе заставляеть предполагать культурное единство всей страны между Аму-дарьей и Чу. Центромъ этой культуры повидимому былъ Самаркандъ, жители котораго, по словамъ китайскаго путешественника, «относительно правили нравственности и приличія служили образцомъ для своихъ сосѣдей». Что касается письменъ Су-ли, то это, по всей вѣроятности, были сирійскія письмена (по сирійски Шури); но они были впервые принесены не христіанскими сирійцами, а послѣдователями различныхъ дуалистическихъ сектъ (манхеевъ, маздакистовъ и друг.), бѣжавшими въ Трансоксиану отъ гоненій, которымъ подвергались въ государствѣ Сассанидовъ. Ан-недимъ, арабскій писатель X в., говоритъ, что жители Трансоксианы и (особенно) Самарканда употребляли въ своихъ духовныхъ книгахъ манихейскія письмена и что это письмо называлось у нихъ письмомъ религіи (калам-уд-динъ). Сирійскій языкъ,

конечно, могъ быть здѣсь только книжнымъ языкомъ. Сюань-цанъ уже не засталъ въ Трансоксианѣ буддистовъ, которые, по словамъ Ап-недима, были здѣсь предшественниками манихеевъ.

Между Чу и Таласомъ Сюань-цанъ видѣлъ нѣсколько городовъ; въ китайской «Исторіи династіи Танъ» мы находимъ даже ихъ названія, но по китайской транскрипціи ихъ нельзя возстановить. Важнѣйшими торговыми пунктами были Суябъ (у китайцевъ Суй-ѣ), въ верховьяхъ рѣки Чу, и Талась, на рѣкѣ того же имени, вѣроятно, на мѣстѣ нынѣшняго Аулие-ата. Талась упоминается уже въ VI в. греческимъ посломъ Земархомъ.

Въ VIII в. за обладаніе страной боролись китайцы, тибетцы, турки и арабы. Китайцы и тибетцы были вытѣснены; арабы доходили до Кашгара и утвердили свою власть въ Трансоксианѣ (извѣстіе объ ихъ походѣ черезъ всю Уйгурію до Турфана, перешедшее изъ англійскихъ книгъ въ русскія, ни на чемъ не основано); остальная часть Сыръ-дарьинской области и Семирѣчье остались въ рукахъ турковъ.

Исторія арабскаго завоеванія подробно разсказана мусульманскими историками, у которыхъ мы находимъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о культурномъ состояніи страны. Судя по громадной добычѣ, доставшейся арабамъ, въ большихъ торговыхъ городахъ (напр., въ Бейкентѣ, къ юго-западу отъ Бухары) къ тому времени накопились значительныя богатства. Устройство страны было такое же, какъ въ Персіи при Сассанидахъ; мы находимъ здѣсь то же господство поземельной аристократіи, изъ которой, какъ въ средне-вѣковой Европѣ, набиралась блестящая рыцарская конница.

Господство арабовъ смѣнилось господствомъ персидской династіи саманидовъ (874—999 г. г.), при которой страна, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, достигла высшей степени благосостоянія; по словамъ арабскихъ географовъ, населеніе было такъ густо, что ни одинъ клочекъ земли не пропадалъ даромъ. Саманиды успѣшно отражали нападенія турковъ, даже предпринимали походы въ ихъ владѣнія; такъ Исмаиль-ибн-Ахмедъ взялъ Талась (280 г. гиджры=89 $\frac{3}{4}$ г. по Р. Хр.) и обратилъ тамошнюю главную церковь (килиса-и-бузургъ) въ соборную мечеть.

Внѣшняя торговля при Саманидахъ тоже достигла блестящаго развитія. Не смотря на то, что пути въ Китай находились въ рукахъ кочевниковъ, сношенія съ Китаемъ были настолько значительны, что восточный ворота Самарканды назывались китайскими. Арабскіе географы IX и X вв. причисляютъ всѣ города, расположенные на пути изъ Трансоксианы въ восточный Туркестанъ черезъ Семирѣчье, хотя, къ сожалѣнію, почти ничего не говорятъ о нравахъ жителей и о степени культурности страны. Наиболѣе значительными пунктами были: Талась (Аулиета, у арабовъ Таразъ; звуки *p* и *l* въ тюркскихъ языкахъ часто смѣшиваются), Куланъ (около станціи Тарты), Мирки (Мерке), Невакетъ и Суябъ; два послѣднихъ города находились въ верховьяхъ Чу. По разстояніямъ, указаннымъ арабскими географами, Невакетъ слѣдовало бы помѣстить около станціи Джиль-арык; но такъ какъ отъ Невакета отдѣлялся прямой путь въ восточный Туркестанъ, то городъ вѣроятно былъ нѣсколько южнѣе, около станціи Кутемалды. Суябъ находился въ

3-хъ фарсахъ (около 18 верстъ) дальше. Упомянутый прямой путь вѣроят-но велъ черезъ Нарынъ и соединялся съ путемъ изъ Узгента (въ Ферганѣ) черезъ городъ Атбашъ въ Восточный Туркестанъ. Атбашъ несомнѣнно находился на рѣкѣ Атбашъ, вытекающей изъ горъ того же имени; не знаю, можно ли его отождествить съ нынѣшнимъ селеніемъ Атбаши (45 верстъ отъ Нарынскаго укрѣпленія). Селеніе, по словамъ д-ра Зеланда, расположено въ высокой (около 7,500 футовъ), на плодородной долинѣ; средневѣковой городъ Атбашъ находился на высокомъ холмѣ.

(«Туркестанскія вѣдомости» 1894).

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Качинская легенда о сотвореніи міра.

(Записана въ Минусинск. окр. Енис. губ. на Качинскомъ нарѣчій тюркского языка 2 іюня 1890 года).

Сначала была утка (Богъ). Сдѣлавши другую утку (дьявола) товарищемъ, она послала ее за пескомъ на дно рѣки. Принесенное одинъ разъ она взяла, и послала въ другой разъ. Принесенное во второй разъ она взяла, и послала въ третій разъ. Принесши въ третій разъ, разсыльная утка не отдала всго. Своей разсыльной утка говоритъ: «Пусть оставшееся у тебя во рту выростеть камнемъ, упирающимся у тебя во рту!» Песокъ, взятый у разсыльной утки, она развѣяла; прежде чѣмъ разсѣять, толкла его колотушкой девять дней. Когда она, поколотивши девять дней и повернувшись, посмотрѣла на разсыльную утку, земля ея растеть, подымаясь за пылью; выросли большія горы. Горы выросли послѣ того, какъ разсыльная утка повыбросала камни, выросше у нея во рту. Потомъ, вернувшись, сама говоритъ: «Зачѣмъ ты такъ сдѣлала? я не дамъ тебѣ земли!» Разсыльная ея говоритъ: «Дай земли величиною съ мѣсто, занимаемое юртом!» Та отвѣчаетъ: «Не дамъ!»—«Дай мѣсто для сидѣнія! что буду дѣлать, не имѣя мѣста?»—«Не дамъ!» отвѣчаетъ та.—«Дай мѣсто, занимаемое ступнями ногъ!»—«Не дамъ!» отвѣчаетъ сама.—«Дай мѣсто, занимаемое моею тростью, о которую я опираюсь! ты не обращай вниманія на меня, а я не буду обращать вниманія на тебя!» Разсыльная утка, какъ тутъ стояла, такъ и проткнула насквозь мѣсто, занимаемое ея тростью. Онѣ раздѣлились. Сама она (т. е. Богъ) говоритъ: «Я сотворила землю! Худо смотрѣть, если на ней нѣтъ живаго существа!» Очертивши землю, она сотворила человѣка; сотворивши человѣка, она отправила ласточку за душой человѣка. Чтобы караулить этого сотвореннаго человѣка, она приставила голую собаку и сказала: «Если придетъ Эрликъ-ханъ¹⁾, то не сдѣлалъ-бы чего худаго! ты стой и лай, не переставая: голосъ твой звонокъ, Эрликъ-ханъ близко не подойдетъ! ласточка прилетитъ черезъ три дня, тогда и я прилечу!» Пришелъ Эрликъ-ханъ и, что ни дѣлаетъ, близко подойти не можетъ,—собака все вре-

¹⁾ Эрликъ-ханъ—властелинъ подземнаго міра. Болѣе подробныя объ немъ свѣдѣнія въ книгѣ «Н. О. Катановъ. Указ. ко II т. «образцовъ Радлова. СПб. 1888». Стран. 19, 20 и 21.

мя лаять. Не могли подойти близко, Эрликъ-ханъ сотворилъ зиму съ инеемъ. Собака, замервши, чуть не умираетъ. Эрликъ-ханъ говоритъ: «Собака, уменьши свой голосъ на половину; я дамъ тебѣ теплую шубу!» Собака, надѣвши теплую шубу, закутываясь и закутываясь, стала лаять въ шутку. Эрликъ-ханъ пришелъ къ давишнему сотворенному человѣку; пришедши, оплевалъ его всего. Пришелъ Богъ и, не могли очистить, выворотилъ человѣка наизнанку: наплеванное снаружи онъ обратилъ внутрь. Богъ говоритъ собакамъ: «Зачѣмъ ты перестала лаять?» Давишняя утка сама—былъ Богъ, разсыльная ея—былъ Эрликъ-ханъ. Собака говоритъ: «Я перестала лаять. потому что чуть не умерла съ холоду!» Когда собака перестала лаять, Эрликъ-ханъ превратилъ дьявола въ собаку; отдавши собакамъ шерсть его. Богъ вылилъ на давишняго человѣка душу, принесенную ласточкой, и человѣкъ поднялся. Богъ ушелъ, не показавшись ему. Потомъ Богъ говоритъ: «Я сотворилъ этого человѣка; какъ онъ будетъ жить одинъ, не имѣя товарища?» Взявши у этого человѣка подложечное ребро, сдѣлалъ ему жену. Богъ говоритъ имъ: «ѣшьте красную смородину, находящуюся на восходѣ солнца! но не ѣшьте красной смородины, находящейся на закатѣ солнца,—ее будетъ ѣсть одинъ человѣкъ! какъ бы вы ни ѣли, она не кончится въ продолженіе трехъ дней, я приду черезъ три дня!» Богъ отправился. Когда люди отправились вечеромъ погулять, на закатѣ солнца какой-то конный человѣкъ ѣстъ красную смородину. Сокъ (букв. кровь) той красной смородины каплетъ на землю. Тотъ конный человѣкъ говоритъ: «ѣшьте!»—«Нѣтъ, ничего не будемъ ѣсть!» отвѣчаютъ они.—«ѣшьте! откуда Богъ узнаетъ, что вы ѣли?» Они пришли такъ, не поѣвши ничего. Переночевавши, на слѣдующій день они опять отправились туда-же. Опять говоритъ: «ѣшьте,—откуда Богъ узнаетъ, что вы ѣли? какъ онъ узнаетъ по одной ягоdkѣ? какъ же я ѣмъ?»—«Наше тамъ,—твое здѣсь!»—«Зачѣмъ вы боитесь Бога? какъ же я не боюсь?» Они не поѣли и вернулись. Наѣвшись вечеромъ дома, они ночевали. Утромъ опять отправились туда. Опять онъ говоритъ: «ѣшьте!» Они не хотятъ ѣсть. Мужъ ушелъ, жена стала собирать сокъ указательнымъ пальцемъ и лизать. «Оказывается, это съѣдобное, если захочется ѣсть! что можетъ случиться и какъ онъ узнаетъ, если поѣсть одну—двѣ ягоdkи?» Ёла, ёла женщина и наѣлась до—сыта; насбиравши, несетъ своему мужу. Когда она хотѣла дать, мужъ останавливаетъ ее, говоря: «Подальше отъ меня,—не буду ѣсть!»—«Если совѣмъ нельзя, то попробуй поѣсть, собирая указательнымъ пальцемъ!» говоритъ жена; «если станешь собирать указательнымъ пальцемъ, то откуда узнаетъ Богъ?» Онъ ѣстъ, собирая указательнымъ пальцемъ.—«Оказывается, можно ѣсть, если захочется!» сказалъ онъ и съѣлъ. Когда прошло три ночи, Богъ пригналъ овецъ, коровъ, домашнихъ козъ и лошадей и принесъ всего: ржи, ячменя, пшеницы. «Зачѣмъ вы ѣли! развѣ я не говорилъ, чтобы вы не ѣли?» Жена отвѣчаетъ: «Я не ёла!», а мужъ отвѣчаетъ: «Я не ёлъ, она ёла!» Богъ говоритъ: «Ничего! половина будетъ принадлежать ему (т. е. дьяволу), половина будетъ принадлежать намъ!» Послѣ этого Богъ, записавши все въ книгу, назначилъ человѣку питаться травой. Онъ пустилъ въ состязаніе кобылу съ жеребенкомъ и женщину съ ребенкомъ, чтобы узнать, которая изъ нихъ будетъ скорѣе ѣсть траву. Кобыла съ жеребенкомъ поѣла траву, росшую на одной только горкѣ;

женщина съ ребенкомъ поѣла траву, переваливши семь горокъ. Богъ потомъ говоритъ: «Если я назначу этой женщинѣ питаться травой, то она не оставитъ травы!» Онъ началъ человѣку пасти скотъ и ѣсть въ мѣру скотское мясо. Послѣ этого продолжалъ ѣсть траву скотъ. Луну и солнце онъ (т. е. Богъ) отдалъ Эрликъ-хану. Послѣ этого женщина, имѣющая ребенка, потеряла своего ребенка; корова, имѣющая теленка, потеряла своего теленка; кобыла, имѣющая жеребенка, потеряла своего жеребенка. Богъ не можетъ взять у Эрликъ-хана назадъ луну и солнце. Послѣ этого Богъ собралъ всѣхъ пернатыхъ птицъ; собралъ звѣрей, имѣющихъ когти. Богъ сказалъ аисту—начальнику птицъ: «Если придетъ коростель, то вы не смѣйтесь, — если вы разсмѣетесь, онъ осердится и уйдетъ, нельзя будетъ спросить у него ни одного слова!» Когда были собраны всѣ птицы, коростеля не было. Пригласили коростеля. Когда пригласили коростеля, то глава птицъ аистъ разсмѣялся. Коростель осердился и ушелъ, говоря: «Аистъ, глава птицъ, не пригласилъ меня для того, чтобы посмѣяться надо мной?» Теперь Богъ посылаетъ сову, чтобы послушать коростеля дома. Когда она стала слушать, коростель говоритъ: «Пусть Богъ заставитъ кричать сотню мужей, а Эрликъ-ханъ пусть поймаетъ эхо скалъ, пусть поймаетъ свою тѣнь, пусть поймаетъ топотъ ста лошадей! Кто можетъ поймать эхо скалъ? кто можетъ поймать свою тѣнь? кто можетъ поймать топотъ? Богъ спроситъ, говоря: «Ты не далъ ничего, что я просилъ!» и потомъ получить обратно луну и солнце!» Выслушавъ это, сова отправилась и передала Богу всѣ слышанныя слова. Богъ отправился къ Эрликъ-хану, и говоритъ: «Дай эхо скалъ, дай топотъ ста лошадей, отдай свою тѣнь!» Эрликъ-ханъ согласился отдать эхо скалъ, отдать также топотъ ста лошадей и отдать свою тѣнь. Эрликъ-ханъ заставляетъ сотню мужчинъ ловить тѣнь; начинаютъ они ловить, у нихъ ничего нѣтъ. Богъ говоритъ: «Теперь ты не далъ ничего, что я просилъ!» сто человѣкъ ловятъ топотъ ста коней, они ловягъ, но у нихъ ничего нѣтъ. Эрликъ-ханъ хотѣлъ отдать эхо скалъ; сто мужчинъ съ крикомъ ловятъ эхо, но ничего нѣтъ. «Не только одну, но и три вещи я просилъ, ты не далъ! возрати мнѣ луну и солнце!» Теперь они, отнимая другъ у друга луну и солнце, поднялись на поверхность земли. Потомъ Богъ поднял луну и солнце навверхъ. Когда онъ затѣмъ поднял, все стало жить хорошо. Богъ послалъ ласточку къ Эрликъ-хану, чтобы украсть камень (букв. камень огнива). Ласточка, вылетая отъ Эрликъ-хана и встрѣтившись съ комаромъ (букв. желтой мухой), говоритъ: «Здравствуй! куда ты леталъ?»—«Я леталъ, чтобы пососать кровь существъ, находящихся на землѣ!»—«Кто посылалъ?»—«Посылалъ Эрликъ-ханъ!»—«Какого существа кровь слаще?»—«Кровь человѣка—сладкая! я пилъ кровь всѣхъ существъ,—нѣтъ ничего слаще человѣческой крови!»—«Высунь-ка свой языкъ!» Когда оъ высунулъ свой языкъ, ласточка откусила ему прочь языкъ. Теперь комаръ отправился. Эрликъ-ханъ спрашиваетъ у него: «Какого существа кровь слаще?» Не имѣя языка и не имѣя возможности говорить, оъ только поетъ. Эрликъ-ханъ догадался, и погнался за ласточкой, но поймать не можетъ; не могши поймать, онъ оторвалъ ей прочь середину хвоста; поймать не могъ. Ласточка, такъ какъ камень мѣшалъ ей, бросила половину на скалъ. Теперь Эрликъ-ханъ пришелъ къ Богу. У Бога былъ одинъ юноша съ колотушкой

караулившей дверь. Эрликъ-ханъ хочетъ войти. Тотъ юноша говоритъ: «Куда ты пришелъ?»—«Что буду ѣсть, объ этомъ я пришелъ спросить!»—«Ты стой здѣсь, а я войду!» Сказавши такъ, тотъ юноша вошелъ въ юрту Бога. Выйдя оттуда, мальчикъ сказалъ Эрлику-хану: «Пусть Эрликъ-ханъ ѣсть гнилыя деревья», между тѣмъ какъ Богъ говорилъ: «Пусть онъ ѣсть старухъ и стариковъ!» Эрликъ-ханъ отправился и, поѣвши однѣ сутки гнилыя деревья, пришелъ. Юноша не выпускаетъ Эрликъ-хана и, опять вошедши самъ, далъ свою колотушку подержать Эрликъ-хану. Юноша передаетъ Богу: «Эрликъ-ханъ, ѣвши старыхъ людей, говоритъ, что внутренность его покрывается горечью!» Богъ теперь говоритъ: «Пусть онъ питается грудными дѣтьми!» Придя оттуда, тотъ юноша говоритъ: «Богъ говоритъ: пусть онъ питается молодыми ивовыми вѣтками!» Эрликъ-ханъ отправился, поѣлъ ивовыхъ вѣтвей и, придя, говоритъ мальчику: «Оттого, что я ѣлъ молодыя ивовыя вѣтки, у меня стало внутри тяжело!» Мальчикъ говоритъ: «Я войду!» Когда онъ хотѣлъ войти, Эрликъ-ханъ не выпускаетъ его, хочетъ войти самъ. Тотъ мальчикъ далъ ему держать колотушку, а самъ вошелъ. Мальчикъ говоритъ Богу: «Эрликъ-ханъ говоритъ, что послѣ яденія грудныхъ дѣтей, у него стало внутри тяжело!» Богъ теперь говоритъ: «Пусть онъ ѣсть молодыхъ людей!» Придя, онъ говоритъ Эрлику-хану: «Богъ говоритъ, чтобы ты ѣлъ высохшія и отвердѣвшія, какъ хворостъ, деревья!» Эрликъ-ханъ отправился, и отправившись, однѣ сутки жевалъ хворостъ. Эрликъ-ханъ пришелъ. Давишній мальчикъ говоритъ: «Куда ты опять пришелъ?» Эрликъ-ханъ говоритъ: «Оттого, что я жевалъ хворостъ, у меня внутри стало горько, а зубы притупились!» Мальчикъ не выпускаетъ Эрликъ-хана. Эрликъ-ханъ вошелъ, толкнувши того мальчика. Пришедши теперь, Эрликъ-ханъ спрашиваетъ: «Ты заставляешь жевать только верхушки деревьевъ?»—«Когда я заставлялъ жевать только верхушки деревьевъ? развѣ я не говорилъ, чтобы ты питался старыми людьми?»—«Не ври-ка!» сказалъ онъ и не даетъ Богу даже вымолвить слово. Велѣли позвать того мальчика. «Развѣ я не говорилъ, чтобы онъ питался грудными дѣтьми?» Давишній мальчикъ-докладчикъ говоритъ: «Если онъ будетъ ѣсть грудныхъ дѣтей и если высохнетъ молоко груди, то, вѣдь, тебя-же матери ихъ будутъ проклинять устами и языкомъ!»—«Развѣ я не говорилъ, чтобы онъ питался старыми людьми?» Тотъ мальчикъ говоритъ: «Я пожалѣлъ старыхъ людей!»—«Если я сказалъ, чтобы онъ ѣлъ молодыхъ людей, то почему ты не говорилъ?» Мальчикъ отвѣчаетъ: «Нѣкоторые молодые люди не жили семейною жизнью,—они станутъ плакать и рыдать, вѣдь тебя же они будутъ проклинять!» Эрликъ-ханъ теперь намѣренъ, если придется, ѣсть стараго человѣка; молодаго человѣка, если придется, тоже намѣренъ ѣсть Эрликъ-ханъ; если встрѣтится грудной младенецъ, тоже ѣсть. Эрликъ-ханъ отправился къ себѣ домой подъ землю черезъ отверстие, слѣланное тростью. Сгаль онъ ѣсть стараго человѣка, молодаго человѣка тоже ѣсть, ѣсть и грудныхъ дѣтей. Тотъ мальчикъ, будучи прогнанъ съ неба Богомъ, сталъ на землѣ учить людей, жить хорошою жизнью, вести хорошее хозяйство.

Н. Катановъ.

Приключенія муллы Насръ-эд-дина.

Муллы Насръ-эд-динъ, или, какъ обыкновенно его называютъ, *ходжа Насръ-эд-динъ* (*خواجہ نصر الدین*), принадлежитъ къ числу любимыхъ народомъ шутовъ-проказниковъ. Полное имя его ходжа Мухаммедъ Насръ-эд-динъ. Авторъ приводимыхъ ниже переводовъ анекдотовъ объ этомъ ходжѣ Т. А. Иваницкій на основаніи народныхъ преданій думаетъ, что онъ жилъ во времена Аббасидскаго халифа Гарунъ-ар-рашида, нѣкоторые-же думаютъ, что ходжа Насръ-эд-динъ лицо, выдуманное народомъ, но ориенталисты *Charles Rieu* ¹⁾ и *Gustav Flügel* ²⁾ единогласно говорятъ, что ходжа Насръ-эд-динъ родился въ селеніи *سوری حصار* (Сиври-хисаръ) близъ Ангоры въ Малой Азіи и похороненъ въ *اق شهر* (Акъ-шегръ) и что онъ жилъ во времена перваго турецкаго султана *Баязида I*, царствовавшего съ 1389 по 1403 годъ, и среднеазіятскаго государя *Тамерлана*, или, правильнѣе, Тимуръ-ленга, жившаго съ 1337 по 1405 годъ. Ходжѣ Насръ-эд-дину часто приписывались и приписываются остроумные и даже неприличные анекдоты, выдуманные народомъ. Анекдоты объ этомъ ходжѣ печатались какъ въ подлинникѣ на востокѣ (Тегеранѣ, Константинополѣ, Смирнѣ, Булакѣ), такъ и въ переводѣ на западѣ. Въ Казани послѣдній разъ сборникъ анекдотовъ о ходжѣ Насръ-эд-динѣ, содержащій въ себѣ 123 анекдота, вышелъ въ количествѣ 2400 экземпляровъ въ 1890 году и озаглавленъ *مشہور و متعارف خواجہ نصر الدین لطائف*, т. е. «анекдоты объ извѣстномъ и знаменитомъ ходжѣ Насръ-эд-динѣ» («Зап. Вост. Отд. Имп. Рус. Археол. Общ.» Томъ VI, стр. 394). Въ этомъ сборникѣ изъ приводимыхъ Т. А. Иваницкимъ интересныхъ анекдотовъ я нашелъ лишь нѣкоторые. Анекдотъ первый, по словамъ Т. А. Иваницкаго, циркулируетъ не только между мусульманами—персами, турками и татарами, но и между горцами Дагестана, говорящими на грузинскомъ языкѣ. Подобная этому анекдоту русская сказка заключается въ извѣстномъ сборникѣ *А. Н. Аванасьева* ³⁾, именно сказка о набитомъ дуракѣ. Въ однихъ анекдотахъ ходжа Насръ-эд-динъ находчивостью уподобляется русскому шуту Балакиреву, въ другихъ пошлостью русскому стихотворцу, автору многихъ неприличныхъ куплетовъ, Баркову, часто его изображаютъ дурачкомъ или юродивымъ, и нерѣдко онъ является авторомъ злыхъ стишковъ, направленныхъ противъ ученыхъ и судей. На русскомъ языкѣ о ходжѣ Насръ-эд-динѣ писалось очень мало, здѣсь можемъ указать между прочимъ: 1) *В. Д. Смирновъ*. «Очеркъ исторіи турецкой литературы. Спб. 1891». Стр. 31. Отдѣлъ народной литературы. 2) Газета «Казан. Телеграфъ». 1893 годъ. № 230. Статья *Тарасія Зака-*

¹⁾ Catalogue of the turkish Manuscripts in the British Museum. 1888., Стр. 152 и 224.

²⁾ Die arab., pers. und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königl. Hofbibliothek zu Wien. II Band. 1865 Стр. 28, № 792.

³⁾ Народныя русскія сказки. Книга II. Москва 1873. Стр. 378—381. Сказки, записанныя въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ.

таьскаго подъ заглавіемъ «анекдоты Кавказскихъ горцевъ-мусульманъ о муллѣ Насръ-эд-динѣ». Въ этой статьѣ о ходжѣ Насръ-эд-динѣ помѣщено 7 анекдотовъ, которые изложены въ сокращенномъ видѣ сравнительно съ нижеприведенными Т. А. Иваницкимъ анекдотами.

Казанскій сборникъ анекдотовъ о ходжѣ Насръ-эд-динѣ, будучи переведенъ съ турецкаго языка, сохранилъ въ себѣ не мало особенностей этого языка. На турецкомъ языкѣ анекдоты о ходжѣ Насръ-эд-динѣ обыкновенно называются لطائف خواجه نصرالدین افندی, т. е. «анекдоты о господинѣ ходжѣ Насръ-эд-динѣ». Казанскій сборникъ впервые былъ напечатанъ въ 1845 (Catalogus libr. Bibl. Univers. Petropol. VI. 540), во второй разъ въ 1888 и въ третій въ 1890 году. Изъ городовъ и мѣстечекъ, посѣщенныхъ Насръ-эд-диномъ, въ послѣднемъ Казанскомъ сборникѣ между прочимъ упоминаются: 1) آق شهر Акъ-шегрь въ анекдотѣ № 25 (стр. 6) и № 38 (стр. 8); 2) سوری حصارъ Сиври-хисаръ въ анекдотѣ № 44 (стр. 8), № 51 (стр. 9), № 92 (стр. 16), № 106 (стр. 17) и № 118 (стр. 19); 3) دربندъ въ анекд. № 107 (стр. 17). Изъ историческихъ лицъ упоминается только تیمور لنگъ Тимуръ-ленгъ. Акъ-шегрь и Сиври-хисаръ и до нынѣ существуютъ въ Малой Азіи (См. стран. 80, клѣтку В. 2. «R. Andrees Handatlas. 2-te Auflage, Bielefeld. 1887»). Изъ приводимыхъ ниже анекдотовъ въ Казанскомъ сборникѣ 1890 года нѣтъ вовсе перваго, пятаго и шестаго; что-же касается остальныхъ, то они Т. А. Иваницкимъ приведены гораздо подробнѣе и полнѣе, чѣмъ въ вышеупомянутомъ сборникѣ. Анекдотъ второй въ Казанскомъ сборникѣ помѣщенъ на стр. 9, подъ № 48; третій—на стр. 13, № 74; четвертый—на стр. 7, № 34; седьмой—на стр. 7, № 31. Второй анекдотъ извѣстенъ также тюркскому племени Таранчи, живущему въ Китайскихъ предѣлахъ,—въ долинѣ р. Или; онъ записанъ извѣстнымъ тюркологомъ В. В. Радловымъ въ подлинникѣ у таранчинскомъ нарѣчій и имъ-же переведенъ на нѣмецкій языкъ (См. „В. Радловъ. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ“. Ч. VI. Спб. 1886. Стр. 176 текстовъ и 231 переводовъ). Въ анекдотѣ третьемъ «князь», которому Насръ-эд-динъ подарилъ жареннаго гуся, по имени не названъ, тогда какъ въ Казанскомъ сборникѣ вмѣсто «князя» упоминается تیمور لنگ پادشاه, т. е. царь Тимуръ-ленгъ.

И. Натановъ

Мулла Насръ-эд-динъ самое популярное почти во всемъ мусульманскомъ мірѣ лицо, но изъ всѣхъ мусульманскихъ народовъ къ этому муллѣ больше всѣхъ симпатію питаютъ Кавказскіе мусульмане, изъ послѣднихъ же особенно Дагестанцы, или горцы восточнаго Кавказа. Дагестанцы пріютили муллу Насръ-эд-дина у себя съ особою любовью. Назовите его любому изъ нихъ,—онъ разсмѣется и, если угодно, тотчасъ передастъ вамъ объ немъ нѣсколько анекдотовъ. Біографическія свѣдѣнія о муллѣ Насръ-эд-динѣ весьма скудны, при этомъ они мало достовѣрны и нѣсколько странны. Повѣствуютъ, что во времена Аббасидскаго халифа Эмира Гарунъ-

ар-рашида *امبرهارون الرشيد* ¹⁾ жилъ ученый мулла этого имени. Ученіе его подверглось осужденію, и онъ, чтобы спасти свою жизнь отъ гонителей, притворился юродивымъ. Преданіе преобразило юродиваго муллу Насръ-эд-дина въ шута, и создало про него множество забавныхъ разсказовъ. Сборникъ анекдотовъ о Мулла Насръ-эд-динѣ давно существуетъ на турецкомъ языкѣ. Книга эта встрѣчается и среди казанскихъ татаръ-мусульманъ подъ заглавіемъ «Ходжа Насръ-эд-динъ».

Въ данномъ случаѣ мы намѣрены познакомить читателя съ разсказами о путевыхъ и другихъ приключеніяхъ упомянутаго муллы: они напоминаютъ собою одну извѣстную русскую народную сказка объ Иванушкѣ. Вотъ эти разсказы или анекдоты.

1) Путевыя приключенія муллы Насръ-эд-дина.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ, путешествуя, видитъ дорогою нѣсколько человѣкъ, копающихъ могилу. «Ас-салямъ алей-кумъ» *السلام عليكم* (миръ надъ вами), сказалъ онъ имъ. Могильщики подбѣжали къ муллѣ, схватили его и начали бить. «За что вы бьете меня?» спросилъ въ испугѣ Насръ-эд-динъ.—«Встрѣтивъ насъ, ты долженъ былъ поднять руки, чтобы прочесть за упокой», отвѣтили могильщики. «Я запомню это и такъ буду поступать», сказалъ Насръ-эд-динъ и отправился далѣе. Въ это время на встрѣчу ему шло нѣсколько человѣкъ, которые играли на музыкѣ и танцовали лезгинку. Мулла Насръ-эд-динъ, приблизившись къ плясунамъ, поднялъ руки и сталъ читать заупокойную молитву. Ликующіе обидѣлись на это и поколотили Насръ-эд-дина. «За что вы бьете меня?» спросилъ мулла.—«Глупецъ ты, развѣ время теперь читать за упокой? развѣ не видишь, что у насъ свадьба? вѣдь, княжескій сынъ женится! Встрѣтивъ насъ, ты долженъ былъ взять шапку подъ мышку, прыгать и плясать!» отвѣтили ему.—«Хорошо, это я буду помнить», сказалъ мулла и пошелъ далѣе. Вдругъ онъ видитъ не подалеку охотника, который только что прицѣлился въ зайца. Мулла Насръ-эд-динъ схватилъ шапку подъ мышку, сталъ прыгать, плясать, скакать и вспугнулъ зайца. Охотникъ, разсердившись, подбѣжалъ къ муллѣ и далъ ему ударъ въ затылокъ прикладомъ ружья. «Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?» спросилъ Насръ-эд-динъ.—«Снявъ шапку, ты долженъ былъ ходить на цыпочкахъ тихонько, то наклоняясь то приподымаясь», сказалъ охотникъ. Запомнивъ это, мулла Насръ-эд-динъ продолжалъ путь. Теперь онъ увидѣлъ подлѣ дороги пастуховъ со стадомъ овецъ. Снявъ шапку, мулла тихонько пошелъ по направленію къ стаду, то сгибаясь, то приподнимаясь, а такъ какъ этимъ Насръ-эд-динъ вспугнулъ овецъ, то и пастухи поколотили его. Много несчастій пришлось испытать муллѣ Насръ-эд-дину въ своемъ путешествіи. ²⁾

¹⁾ Эмиръ Гарунъ-ар-рашидъ былъ 22-мъ халифомъ послѣ арабскаго пророка Мухаммеда и царствовалъ съ 786—809 г.

²⁾ Этотъ анекдотъ и слѣдующіе мы слышали въ Грузіи, на Кавказѣ, въ сел. Кахи Закатальскаго округа, отъ одного горца бывшаго до обращенія въ христіанство мусульманскимъ муллою.

2) Насръ-эд-динъ и его осель.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ со своимъ осломъ отправился въ лѣсъ за дровами. Въ лѣсу, на краю дороги, онъ, привязавши осла, полѣвъ на дерево и началъ рубить ту самую вѣтвь, на которой самъ сидѣлъ; мулла не дорубилъ еще вѣтви до половины, какъ на дорогѣ показался прохожій, который, увидѣвъ опасное положеніе Насръ-эд-дина, закричалъ ему: «эй мулла, мулла! что ты дѣлаешь? вѣдь ты упадешь!» Мулла Насръ-эд-динъ, посмотрѣвши на него, сказалъ: «ступай своей дорогой, учишь что-ли меня, какъ рубить?»—«Клянусь Аллахомъ, ты упадешь; развѣ не видишь, какъ рубишь?»—«Да отстранись отъ меня!» возразилъ мулла, продолжая ударять топоромъ. Прохожій ушелъ, но сталъ оглядываться назадъ, желая узнать, что случится съ Насръ-эд-диномъ. Онъ не сдѣлалъ еще 10-ти шаговъ, какъ вѣтвь отрубилась и мулла Насръ-эд-динъ бухнулся на землю. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ вскочилъ, погнался за прохожимъ, догнавъ его и, поклонившись ему, сказалъ: «клянусь Кораномъ, ты пророкъ: вѣдь на самомъ дѣлѣ я упалъ? пожалуйста предскажи, когда я умру; ты какъ пророкъ это будешь знать!» Чтобы избавиться отъ глупаго, прохожій шутя сказалъ ему: «ты умрешь тогда, когда твой осель 3-й разъ зареветъ». Услышавъ эти слова, мулла Насръ-эд-динъ задумчиво возвратился назадъ къ своему ослу. Вскорѣ онъ навючилъ осла дровами и отправился въ путь. Дорога была гористая. У подошвы горы осель, почувствовавъ на себѣ большую тяжесть, вздумалъ было остановиться, но, получивъ отъ хозяина ударъ палкой, онъ заревѣлъ и пошелъ. Услышавъ 1-й ревъ осла, Насръ-эд-динъ воскликнулъ: «умеръ я до колѣнъ!» Прощедши полъ-дороги, осель 2-й разъ заревѣлъ. «Теперь до живота умеръ!» закричалъ мулла. На вершинѣ горы осель, наконецъ, заревѣлъ и 3-й разъ. Мулла Насръ-эд-динъ упалъ на дорогу и началъ орать во все горло: «умеръ я, умеръ, умеръ!» Осель, не видя уже за собою хозяина, завернулъ въ сторону, остановился и сталъ ѣсть траву. Въ это время, откуда ни возьмись, появились волки и напали на осла. Мулла Насръ-эд-динъ, видя, что звѣри ѣдятъ его осла, хотѣлъ было встать и помочь бѣдному животному, но думая, что онъ мертвъ, началъ кричать: «ахъ, если-бы я былъ живъ, тогда показалъ-бы я вамъ, волки! теперь что же мнѣ дѣлать? кушайте, кушайте моего осла,—Аллахъ далъ его вамъ!»

3) Мулла и Князь.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ понесъ князю въ подарокъ жаренаго гуся; но, соблазнившись дорогою, съѣлъ отъ него одну ногу. «Гдѣ же другая нога? спросилъ князь.—«У нашихъ гусей только по одной ногѣ», отвѣтилъ мулла.—«Какъ это такъ?» возразилъ князь.—«Если не вѣришь, такъ вотъ посмотри!» сказалъ мулла, указывая на гусей, только что вышедшихъ изъ воды и стоявшихъ каждый на одной ногѣ. Князь бросилъ палку, и гуси побѣжали. «А вотъ у нихъ по двѣ ноги», сказалъ князь.—«И не удивительно», отвѣтилъ мулла Насръ-эд-динъ: если бы такой палкой швырнули въ тебя, такъ у тебя, пожалуй, стало-бы четыре ноги». Князь отпустилъ его съ подарками.

4) Мулла и котель.

Однажды мулла Насръ-эд-динъ попросилъ у своего сосѣда на время большаго котла. Сосѣдъ одолжилъ ему котель. Черезъ нѣсколько дней мулла возвращаетъ хозяину большой котель, положивъ въ него еще другой, маленькій. «А это что такое?» спросилъ сосѣдъ. «Это твой котель родилъ!» отвѣтилъ Насръ-эд-динъ. Хозяинъ унесъ оба котла. Спустя нѣсколько времени мулла Насръ-эд-динъ опять попросилъ котла у сосѣда. Послѣдній съ радостью отдалъ ему его. Прошла недѣля, мѣсяцъ, а мулла не возвращаетъ котла. Тогда хозяинъ самъ пошелъ къ Насръ-эд-дину вѣять у него свой котель. «Котель умеръ!» воскликнулъ мулла.—«Какъ! развѣ котель умираетъ?» отвѣтилъ хозяинъ.—«А какъ ты думаешь? Если онъ можетъ родить, почему-же не можетъ и умереть? Къ тому же онъ отъ родовъ и умеръ!» прибавилъ мулла Насръ-эд-динъ. Хозяинъ, не желая посрамиться предъ односельчанами, молча возвратился домой безъ котла.

5) Мулла Насръ-эд-динъ и его сосѣдъ.

Пришелъ сосѣдъ къ муллѣ Насръ-эд-дину и просить у него осла на время. «Осла нѣтъ дома!» сказалъ Насръ-эд-динъ. Тутъ на бѣду въ конюшнѣ сталъ ревѣть осель. «А вотъ онъ въ конюшнѣ», отвѣтилъ сосѣдъ.—«Глупецъ ты и нахаль!» крикнулъ мулла: «ослу вѣришь, а мнѣ съ бородой муллѣ не вѣришь!»

6) Мулла и мальчики.

Шелъ мулла Насръ-эд-динъ въ село. Приблизившись къ нему, онъ увидѣлъ на дорогѣ мальчиковъ, которые играли въ бабки (козны). Мулла, заранее зная, что, когда онъ пройдетъ мимо дѣтей, они будутъ дразнить и смѣяться надъ нимъ, придумалъ слѣдующее: торопливо подошедши къ мальчикамъ и указывая на домъ, онъ сказалъ имъ: «развѣ не знаете вы, что вонъ въ томъ домѣ устраиваются поминки? ступайте туда ѣсть!» Мальчики повѣрили муллѣ и бѣгомъ пошли въ тотъ домъ. Насръ-эд-динъ, видя бѣгущихъ дѣтей, подумалъ: «быть можетъ, такъ и есть, тамъ поминки», и самъ погнался за мальчиками.

7) Мулла и воры.

Въ одну ночь въ домъ муллы Насръ-эд-дина зашли воры. Мулла только что легъ въ постель и собирався спать. Испугавшись воровъ, онъ окутался въ одѣяло и притворился спящимъ, причеъ однимъ глазомъ сталъ слѣдить за страшными гостями. Воры унесли всѣ его вещи. Мулла Насръ-эд-динъ вскочилъ съ ложа и, видя, что все у него похищено, взявъ свою постель и погнался за ворами. Ночь была лунная, поэтому онъ легко узналъ ихъ. Догнавши воровъ, мулла въ нѣсколькихъ шагахъ сталъ слѣдовать за ними тихонько и молча. Тутъ онъ нечаянно споткнулся о камень. Услышавъ стукъ, воры оглянулись назадъ и съ изумленіемъ начали спрашивать хозяина, спокойно и задумчиво идущаго за ними: «эй мулла Насръ-эд-динъ, ты куда идешь?»—«Какъ это куда, развѣ не на новую квартиру мы переходимъ? чуть было тамъ у насъ постель не осталась, но вотъ я несу ее», замѣтилъ мулла Насръ-эд-динъ. Воры возвратили ему всѣ вещи.

Марсїи Івануцкіи.

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Содержаніе ннмень „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологін, исторіи и этнографіи;
- 2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологін, исторіи этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологін, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологін исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Θ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. Θ. Будде, Н. Виташевскій, К. В. Вилкюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, Θ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катанаевъ (Омскъ), Н. Θ. Катановъ, С. И. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыановъ (Минусинскъ), К. П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Θ. А. Телюховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Эйрсовъ, пр.-доц. Н. Н. Эйрсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсъ, Буда-Пештъ и Упсалѣ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» М. Е. Евсеева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльныя выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.